

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау

Мария Жукова

ВОЙНА ПРИЧИНЯЕТ МНЕ БОЛЬ

2-е издание, исправленное и дополненное

Минск
Издатель Логвинов И. П.
2012

X

УДК 94(=411.16)(476)
ББК 63.3(4Бел)
Ж86

Под редакцией К.И. Козака

Рецензент:
д-р ист. наук, проф. Э.Г. Иоффе

Редакционный совет:
Директор Минского международного образовательного центра имени Й. Рау,
канд. филол. наук В.Ф. Балакирев;
Руководитель Дортмундского международного образовательного центра
Петер Юнге-Вентруп (Германия);
Председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Л.М. Левин;
Председатель наблюдательного совета, профессор Манфред Цабель (Германия)

Жукова, М. И.

Ж86 **Война причиняет мне боль / М.И. Жукова, под ред. К.И. Козака. –**
2-е изд. испр. и доп. – Минск : И. П. Логвинов, 2012. – 206 с.

ISBN 978-985-6991-09-0

Собранные документальные свидетельства одной из бывших узниц Минского гетто – Марии Жуковой – имеют значимость как пример выживания в годы германской оккупации Беларуси и отражают процесс возвращения памяти своего прошлого бывшими свидетелями нацистской тирании. В качестве дополнений представлены списки бывших детдомовцев, фотоиллюстрации и другие содержательные материалы по истории детских домов Беларуси.

УДК 94(=411.16)(476)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-6991-09-0

© Жукова М.И., 2012
© Историческая мастерская Минского международного
образовательного центра имени Йоханнеса Рау, 2012
© Издатель ИП Логвинов И. П., 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Einleitung	7
Приглашение к разговору	8
Раздел 1. Война и дети. 1941–1944 гг.	9
Козак К.И. Германская оккупация Беларуси: убийство и принудительное содержание детей, борьба за жизнь и память	9
1.1 Историография и источники	9
<i>Зарубежная историография</i>	<i>12</i>
<i>Источники</i>	<i>13</i>
1.2 Оккупация и ее исторические реалии	14
<i>Система военно-экономического принуждения населения</i>	<i>15</i>
<i>Карательная деятельность оккупационных органов</i>	<i>17</i>
<i>Заложники</i>	<i>18</i>
<i>Положение женщин и детей</i>	<i>19</i>
<i>Медицинское обслуживание</i>	<i>20</i>
<i>Юные партизаны и подпольщики</i>	<i>22</i>
<i>Дети как объекты внимания оккупационных органов</i>	<i>23</i>
1.3 Детские дома	24
<i>Родительская или материнская опека детей</i>	<i>26</i>
<i>Чтобы не умереть</i>	<i>27</i>
<i>Дети как щит</i>	<i>27</i>
<i>Дети-доноры</i>	<i>28</i>
<i>Дети сожженной Хатыни</i>	<i>29</i>
1.4 Дети гетто	29
<i>Выявление еврейских детей</i>	<i>30</i>
<i>Депортированные дети</i>	<i>30</i>
<i>Опасность даже от детей</i>	<i>31</i>
<i>Уничтожение детей</i>	<i>32</i>
<i>О тех, которые так и не родились</i>	<i>32</i>
1.5 Праведники и спасение детей	33
<i>Опыт совместного выживания</i>	<i>33</i>
<i>Оставленные дети и их сложные судьбы</i>	<i>35</i>
<i>Преднамеренное сотрудничество или послушание из-за страха быть убитым?</i>	<i>38</i>
<i>Выживши, еще надо жить</i>	<i>39</i>
<i>Мы помогли детям</i>	<i>39</i>
<i>Они просто нас спасали</i>	<i>40</i>
<i>Детские дома как места спасения еврейских детей</i>	<i>41</i>
<i>Детские дома и проводимые селекции</i>	<i>41</i>
<i>Подпольщики и партизаны: пути спасения</i>	<i>42</i>
1.6 Вывоз детей на принудительные работы и в концентрационные лагеря	42
<i>Насильственная эвакуация</i>	<i>42</i>
<i>Дети – принудительные рабочие</i>	<i>44</i>
<i>Дети концлагерей. Освенцим</i>	<i>46</i>
<i>Рожденные в неволе</i>	<i>49</i>

<i>Возвращение</i>	50
<i>Я выжила, но стала ли я жестокой?</i>	53
1.7 Культура памяти	53
Детские дома, находившиеся на территории Беларуси в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг., и наличие сведений об их существовании	54
Социальные проблемы. Раненные дети на полях Великой Отечественной войны	59
Разговор о нашем времени и жизни	61
Раздел 2. Борьба за выживание во время и после войны	61
Детский дом № 7	62
«Никто – не забыт, ничто – не забыто»	64
Справка об оккупации Минска	66
Величко Анна – спаситель	67
Восстановление национальности	70
Вспомним о сиротах военного времени	72
Козыревский детский дом № 3: судьбы и время, детские дома №№ 7,12 ...	72
<i>Баранов Владимир</i>	72
<i>Галянцічы Зінаіда, Галіна і Міхаіл</i>	73
<i>Гуревич (Патэко) Аня: признанная «не жидовкой»</i>	73
<i>Демидов Сашка: наш парень</i>	79
<i>Иванова (Тарасік) Раіса</i>	82
<i>Кантор Виктор Аскарлович (Жуков Виктор Александрович)</i>	82
<i>Кондратина (Величко) Алла (Анна) Игнатьевна</i>	85
<i>Лазавая Ларыса (Каганович)</i>	86
<i>Леановіч Міхаіл</i>	86
<i>Фальковская (Рябушко, Рабушко) Галина (Нина) Петровна</i>	87
<i>Філонава Яніна</i>	89
<i>Шацкі (Кудзелька) Уладзімір</i>	93
<i>Юшкевич Анна Ивановна (Цирульник Хана)</i>	93
И после войны правду узнать непросто	94
Раздел 3. Судебное дело Марии Жуковой	94
Вярхоўны Суд Рэспублікі Беларусь	94
В судебную коллегия по гражданским делам Минского городского суда	96
Свидетельство	99
Центрально- и Восточно-европейский фонд оставшихся в живых жертв Холокоста	99
В судебную коллегия по гражданским делам Минского городского суда ...	100
Аффидевит	102
Аффидевит	103
Председателю Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало	103
Председателю Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало	105
Возвращение национальности Марии Жуковой	106

Диалог времени и жизни	107
Раздел 4. Судьбы людские	107
Мария Жукова – не только о себе	107
Выступление по радио и телевидению на первой Всесоюзной встрече бывших воспитанников детских домов и школ-интернатов, состоявшейся с 1 по 5 августа 1990 г. в г. Днепропетровске	111
Жила ожиданием, что я их встречу	113
Долгожданные встречи бывших воспитанников детдома № 3	114
Детский дом как место встреч	116
Детский дом в нашей памяти	118
50 гадоў дзіцячаму дому № 3	119
Наш Веселовский детский дом	120
Дети войны	122
Жизненные встречи: новые страны и новые друзья	125
Раздел 5. Новые впечатления о жизни: семья, дочь и друзья	125
Регина Лавровиц. Жизнь и история Марии Жуковой	130
Владимир Шакутин. Не позволила обуть себя в лапти	132
Эммануил Иоффе. У девочки была мечта.....	133
Мария Жукова. Мои слова благодарности	135
Юбилей, торжества, поздравления	137
Белорусскому детскому фонду 10 лет	137
Трухану Александру Васильевичу 50	137
Давыдовой Галине Рудольфовне 70	138
Дарагія нашы Марыя і Іосіф!	139
Владимир Алексеевич Шелихин	139
Приложения	140
Список бывших воспитанников детских домов Беларуси периода Великой Отечественной войны и послевоенного периода	140
Список публикаций о Марии Жуковой и бывших малолетних узниках гетто, воспитанниках детских домов	168

ВВЕДЕНИЕ

В Беларуси в годы Великой Отечественной войны погиб каждый третий. Такая трагедия в рамках всего человечества. С июня 1941 по июль 1944 г. на ее территории в более чем 200 гетто, организованных германскими оккупантами для массового убийства, было убито более 700 тыс. евреев, более 800 тыс. военнопленных умерло от болезней, холода и голода, непосильного труда, 628 деревень сожжено вместе с живыми людьми. Мучительно горели женщины, старики и дети. В этой скорби даже нельзя найти слова утешения. Лишь немногим удалось выжить. Но и выжившим пришлось пройти еще один неведомый и тернистый путь.

Наша героиня мало чем отличается от других жертв нацистской трагедии. Но и у нее своя борьба за память, поиск ответов. Вначале вопросы, тысячи вопросов, а затем немногословные ответы. В большинстве своем – это повторяющиеся слова. Слова надежды. Ее жизнь соткана из острых историй. Общее родство, так как вместе с другими разделяла судьбу оставленных, изгнанных, мало понимающих происходящее. Другая, сугубо персональная: радость и тоска, надежда и уныние, взросление, поиск самой себя.

Наша героиня не требует к себе сострадания. Ее попытка – вернуть себе и своим близким память полноты земной жизни. Надежда обрести радость быть узнанной в кругу общества – это, пожалуй, один из мотивов обращения к памяти прошлого.

В наших пожеланиях героине остаются слова высокого чувства веры в счастливую и долгую жизнь, созидательность земного благоустройства и творческого начала.

Руководители проекта:

*Директора Минского международного
образовательного центра имени Иоханнеса Рау*

Виктор Балакирев и Астрид Зам,

*Управляющий Дортмундским международным
образовательным центром*

Петер Юнге-Вентруп,

*Председатель Союза белорусских еврейских
общественных объединений и общин*

Леонид Левин

EINLEITUNG

In Belarus wurde während des Großen Vaterländischen Krieges jeder dritter Bewohner ermordet. Dies stellt eine Tragödie für die ganze Menschheit dar. Von Juni 1941 bis Juli 1944 wurden auf dem belarussischen Territorium mehr als 200 Ghettos von den deutschen Okkupanten für den Massenmord errichtet. Mehr als 700 000 Juden kamen ums Leben, mehr als 800 000 Kriegsgefangene starben an Krankheiten, Kälte, Hunger und schwerer Arbeit. 628 Dörfer wurden zusammen mit lebenden Menschen verbrannt. Schmerzvoll brannten Frauen, alte Menschen und Kinder. In dieser Trauer kann man kaum Worte finden, denn nur einige überlebten. Die Überlebenden hatten noch einen unbekanntem und dornenvollen Weg zu gehen.

Unsere Heldin hebt sich nicht von anderen Opfern des Nazismus ab, aber sie hat ihren eigenen Kampf für die Erinnerung – sie sucht nach Antworten. Zuerst sind dort Fragen. Tausende Fragen – danach wortarme Antworten. Meistens sind es die sich wiederholenden Wörter. Es sind Wörter der Hoffnung. Das Leben unserer Zeitzeugin besteht aus vielen Geschichten. Vieles ist gemeingütig, denn dieses Schicksal ist oft gleich bei vielen Verlassenden und Vertriebenen. Anderes ist persönlich: Freude und Trauer, Hoffnung und Trübsal, Erwachsen werden und die Suche nach sich selbst.

Aber unsere Heldin braucht kein Mitleid. Dieses Buch ist ihr Versuch die Erinnerung an das Leben für sich selbst und für ihre Verwandten wiederzufinden. Hoffnung und Freude wieder zu bekommen und ihren Platz in der Gesellschaft zu finden – dies ist ein guter Grund sich an die Vergangenheit zu wenden. Wir wünschen unserer Heldin ein glückliches und langes Leben, sowie schöpferische Kreativität zur Weltverbesserung.

Leiter des Projekts:

*Direktoren des Internationalen Bildungs- und Begegnungszentrums
Johannes Rau Minsk*

Wiktor Balakirew und Astrid Sahn

Geschäftsführer der IBB gemeinnützige GmbH Dortmund

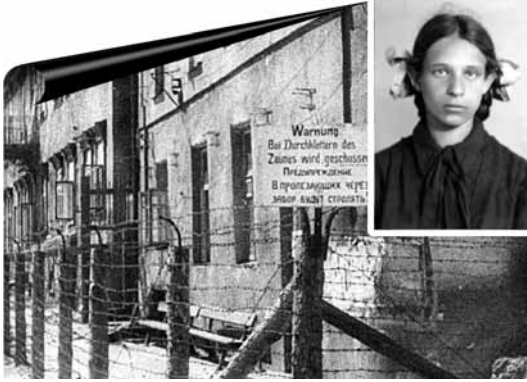
Peter Junge-Wentrup

*Vorsitzende der Union der belarussischen jüdischen öffentlichen
Vereinigungen und Gemeinden*

Leonid Lewin

Übersetzt von J. Lushchick

Приглашение к разговору

Для лучшего понимания сложного военного прошлого к разговору о военных событиях приглашен Кузьма Иванович Козак – историк, руководитель Исторической мастерской Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау. Он уже долгое время работает в рамках белорусско-

немецкого проекта с бывшими узниками концентрационных лагерей, гетто и принудительными рабочими. Его представления о военном прошлом, рассказ об общих и специфических проблемах истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, несомненно, будет как нельзя полезен для понимания данной книги.

Историк предлагает ставшие знакомыми реалии военного прошлого. Однако даже для Европы и Беларуси они, пожалуй, еще различны. С одной стороны, большое поле военных баталий, жертвенность отдельных народов и армий, а с другой – невозполнимые людские утраты, жестокое убийство невинных жертв, выживание в холоде, голоде и огне. Подобное продолжение имеет и фронтовая история. И хотя в мире все возрождается, так уж устроено, но потери в годы Второй мировой войны для Беларуси не восстановлены. И не только миллионы убитых, но и голоса выживших как голоса страха еще живы. Сегодня я задаю вопрос – насколько же различимо прошлое в настоящем? Есть ли разница между ними – свидетелями и жертвами военных событий? Какой отпечаток имеют такие проявления, как жертвенность, слабость, страх, предательство, а также героизм и мужество?

Наверное, у каждого поколения своя память и представления о прошлом. Да и мне, свидетельнице трагедии Минского гетто, оставшейся без родителей и переданной в детский приют, не так просто все рассказать.

Мария Жукова, бывшая узница Минского гетто, воспитанница детских домов г. Минска № 3 (1942–1948), № 12 (1948–1954), № 8 (1954).
Июнь 2010, Минск

РАЗДЕЛ 1. ВОЙНА И ДЕТИ. 1941–1944 гг.

Козак К.И.

Германская оккупация Беларуси: убийство и принудительное содержание детей, борьба за жизнь и память

1.1 Историография и источники

Трагическое положение детей было обусловлено ведением всем ходом оккупационной политики германских органов на территории Беларуси. Сначала его зримые образы были представлены кинематографистами. Операторы И.Н. Вейнерович, Н.Ф. Садкович, С.Р. Фрид уже в 1945 г. сняли документальный фильм «Наши дети» – об оказании помощи белорусским детям, пострадавшим в годы Великой Отечественной войны¹. Практически одновременно были представлены примеры героизации детей в партизанском и подпольном движении. Газета «Пионер Белоруссии» информировала читателей в своих небольших материалах о детях-героях. К примеру, о пионерке М. Галафаевой, спасшей в годы германской оккупации пионерский флаг².

Лишь с 1960-х годов стала заметна художественная документальность темы в коллективной работе А.Д. Зубарь, С.С. Садовской, Б.В. Стрельцова³, да еще в творческих очерках В.С. Липского и И.И. Васюковича⁴. В историографическом аспекте тема дошкольного воспитания актуализирована Е.Г. Андреевым в небольших по формату работах, что предшествовало его же учебному пособию⁵. Тем не менее, дети оставались в тени героизации солдат, партизан и подпольщиков, и, пожалуй, создавали фон германской оккупационной политики геноцида по отношению к белорусскому населению⁶.

Некоторое изменение исторических парадигм своего прошлого имело место в условиях независимости и суверенитета Беларуси. Попытки представить краткие истории детских домов и тяжелое положение в них детей характеризовались фрагментарностью и эпизодичностью⁷. Однако, на этом

¹ БГАКФФД. Наши дети [1945]. 1075 // Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. – Минск, 2003. С. 375.

² Пионер Белоруссии. 1956. № 3; БГАКФФД. 0433 // Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. С. 379.

³ Аперация «Зорачка»: Дакументальная аповесць. – Минск, 1966. – 240 с.

⁴ Ліпскі, В. Пралескі ў небе // В. Ліпскі. – Мінск, 1977. – 366 с.; Васюкевич, И.И. Трагедия белорусского «Артека» / И.И. Васюкевич; послесл. В. Шимука. – Минск, 1998. – 233 с.

⁵ Андреев, Е.Г. В те грозные годы / Е.Г. Андреев // Дошкольное воспитание. – 1975. – № 5; Андреев, Е.Г. Подзвіг абавязку і дабрыні / Е.Г. Андреев // Польшыя. – 1984. – № 10; Андреев, Е.Г. Опаленное войной детство / Е.Г. Андреев // Дошкольное воспитание. – 1985. – № 5; Андреев, Е.Г. Дошкольное воспитание в Беларуси в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие / Е.Г. Андреев. – Минск, 1999.

⁶ Никогда не забудем. Рассказы белорусских ребят о днях Великой Отечественной войны. Минск, 1965; Пионеры-герои». Очерки. – Минск, 1985; Ніколі не забудзем. Расказы беларускіх дзяцей аб днях Вялікай Айчыннай вайны. – Мінск, 1989.

⁷ Дзеці вайны: Кніга народнай памяці. – Мінск, 1993; Мы родом из военного детства: Кн. воспоминаний / под ред. Н.Н. Трофимчука. – Минск, 1998. – 170 с.; Детские дома Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Вып. 1. – Минск, 1999. – С. 20–32.

фоне историк-публицист Яков **Басин** обращает внимание на целенаправленную политику уничтожения детей германскими оккупационными органами. Так, из 33 087 детей школьного возраста, которые проживали в довоенное время в Минске, к осени 1944 г. осталось только 11 тыс., в Бегомльском районе (Минская обл.) из 7774 выжило 4066. Всего на 1 марта 1945 г. в Брестской области за время войны погибло 44 953 ребенка и подростка⁸.

В характерной манере для белорусской историографии к началу XXI ст. интерес к новым темам и исследовательским направлениям коснулся и детской жизни⁹. Так, **С.Ф. Шакаров** популяризирует тему юных героев Гомельщины, **А.А. Гребенкина** – о женщинах и детях Брестской крепости¹⁰. По ряду примеров можно заметить, что некоторые детские учреждения стали объектом внимания. В частности, дети-сироты Червенского приюта¹¹, детский лагерь в районе станции Крынки (Лиюненский р-н)¹² и другие. Практически, свидетельские показания подростков и детей из гетто стали определяющими в истории детских приютов и домов¹³. Это при текущей информационности детской проблемы было обозначено в значимой и наиболее комплексной работе белорусского историка **В.П. Павлова**¹⁴. Статьи молодой исследовательницы **В.Е. Бездель** стали логическим завершением первой в Беларуси кандидатской диссертации¹⁵.

⁸ Басин, Я. Маленькія заложнікі вялікай вайны / Я. Басин // Звязда. 1 лютага 1995. – С. 2; Расстралянае дзяцінства // Звязда. – 2 лютага 1995. – С. 2; Сіротства пад абцасам свастыкі // Звязда. – 3 лютага 1995. – С. 2; Пакрыўджаныя вайной і грамадствам // Звязда. – 4 лютага 1995. – С. 2.

⁹ Лабаноўскі, Л.В. Вайна і дзеці : Нарысы пра подзвіг юных краснапальчан у гады Вялікай Айчыннай вайны / Л.В. Лабаноўскі. – Мозырь, 2000. – 111 с.; Война глазами детей = Krieg mit Kinderaugen : информ. материал к выст. / под общ. ред. Е.П. Сапелкина. – Минск, 2002. – 71 с.; Котаў, А.І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А.І. Котаў // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы: матэрыялы навука-тэарэт. канф. – Мінск, 2001. Ч. 1. – С. 61–64; Котов, А.И. Дети в войне: психоисторические аспекты проблемы / А.И. Котов // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. – Мінск, 2004. – С. 129–132.

¹⁰ Шакаров, С.Ф. Юные герои Гомельщины: очерки / С.Ф. Шакаров. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Гомель, 2006. – 285 с.; Шакаров, С.Ф. Юные герои Гомельщины: очерки / С.Ф. Шакаров. – Изд. 4-е, доп. – Гомель, 2008. – 303 с.; Шакаров, С.Ф. Юные герои Гомельщины: очерки / С.Ф. Шакаров. – Изд. 5-е, стереотип. – Гомель, 2009. – 303 с.; Гребенкина, А.А. Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944) / А.А. Гребенкина. – Минск, 2008. – 174 с.

¹¹ Івашын, Я. Пакінутыя сіроты / Я. Івашын // Маладосць. – 1997. – № 12. – С. 213–223; Куманьева, Н.А. Мои детские и юношеские годы (воспоминания) / Н.А. Куманьева // Беларусь і Германія. Гісторыя і сучаснасць. – Мінск, 2004. – Вып. 3. – С. 217–233; Куманьева, Н.А. Подневольный труд: Беларусь и Германия в моей судьбе / Н.А. Куманьева // Лагерь смерти Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. – Мінск, 2005. – С. 217–230.

¹² Лосік, Н. Дзіцячы санаторый “Крынкi” ў 1941–1943 гг. / Н. Лосік // Война известная и неизвестная: сборник научно-исследовательских работ школьников, статей, воспоминаний / сост. Н.Л. Цыганок. – Минск, 2010. – С. 109–121; Кісялеў, У.М. Асколкі параненай памяці / У.М. Кісялеў. – Мінск, 2002.

¹³ Гуревич, А. Судьбы еврейских детей в годы оккупации / А. Гуревич // Евреи Беларуси. – Минск, 1998. – Вып. 2. – С. 119–125; Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З.А. Никодимова. – Минск, 2010. – С. 134 с.

¹⁴ Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця: дакументальныя нарысы / У.П. Паўлаў. – Мінск, 2005. – С. 129–410; Паўлаў, У. Трагедыя беларускага «Артэка» / У. Паўлаў // Маладосць. – 2001. – № 6. – С. 213–223; – № 7. – С. 208–219.

¹⁵ Бездель, В.Я. Становішча дзяцей і іх удзел у народнай барацьбе супраць акупантаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук / В.Я. Бездель. Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск: БДУ, 2011. – 23 с. См.: Бездель, В.Я. Стан і праблемы медыка-санітарнага абслугоўвання дзяцей на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941 – 1944) / В.Я. Бездель // Веснік

Что касается Исторической мастерской в Минске и Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева, ставшими организаторами Международных научно-практических конференций (Минск, 2004) и Круглых столов (Витебск, 2005), они привлекли внимание историков и общественности к теме сохранения документальной памяти о малолетних жертвах войны¹⁶.

Следует обратить внимание и на работы российских авторов, которые в немалой степени формировали детскую направленность проблемы¹⁷. В ней материалы о Маше Смаченко, Лидии и Ольге Демеш, Степане Ходько, Тане Карпинской, Коле Близнице, Ване Егорове, Сереже Денищенкове, Эрике Фомине, Володе Китаеве, Порфише Кандрашове, Коле Польгуеве, Шуре Барсуке¹⁸.

Таким образом, документальные свидетельства очевидцев нацистских преступлений, затрагивающие судьбы детей, можно обозначить как отдельное исследовательское направление. В одном из наиболее значимых сборников воспоминаний граждан Беларуси – бывших узников Освенцима – из 154 очевидцев, кому в момент вывоза в лагерь еще не было 10 лет, значатся таковыми 44. Во втором издании – из 222 свидетельских показаний – 80¹⁹. Это не случайно, так как в 1943–1944 гг. в концлагерь Аушвиц были доставлены женщины и дети из оккупированных областей Советского Союза (окрестности Витебска и Минска). Или же в книге «Парламент памяці» из 19 представленных воспоминаний 10 – кому на начало войны было менее 14 лет²⁰. В

Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2008. – № 7. – С. 70–74; Бездзель, В.Я. Вобраз Вялікай Айчыннай вайны ў свядомасці дзяцей / В.Л. Бездзель // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2008. – № 3. – С. 12–17; Бездзель, В.Я. Палітыка акупацыйных улад у адносінах да дзяцей на тэрыторыі Беларусі (1941–1944) / В.Я. Бездзель // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – Кн. 2. – С. 14–18; Бездзель, В.Я. Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі: праблемы выжывання / В.Я. Бездзель // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Міжнародная навуковая канферэнцыя, 9–10 кастрычніка 2008 г. – Гомель, 2008. – С. 188–192; Бездзель, В.Я. Дзейнасць БНС у адносінах да дзяцей у перыяд германскай акупацыі Беларусі (1941–1944) / В.Я. Бездзель // Грамадскія рухі і палітычныя партыі ў Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XXI ст.): матэрыялы Рэсп. навук. канф. (Гродна, 23–24 кастр. 2008 г.). – Гродна, 2009. – С. 334–338; Бездзель, В.Я. Прымусовая дзіцячая праца на тэрыторыі тылавога раёна групы армій «Цэнтр» / В.Я. Бездзель // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009 г. – Віцебск, 2009. – С. 43–48; Бездзель, В.Я. Выратаванне дзяцей партызанамі і падпольшчыкамі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / В.Я. Бездзель // Вклад белорусского народа в Великую Победу: материалы республиканской научно-практической конференции, Минск, 27 ноября 2009 г. – Минск, 2010. – С. 84–88.

¹⁶ Дети войны: материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.», 2005 г. / сост. Д.В. Яковлев. – Витебск, 2007. – 144 с.; Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси / сост. Е.И. Люлькина. – Минск, 2009; www.gwminsk.com

¹⁷ В бою и труде: Подростки в Великой Отечественной войне / Авт.-сост. В. Караваев; Предисл. Д. Лелюшко; Худож. В. Неволлин. – М., 1982. – 240 с.

¹⁸ Демидов П. Сестры; Батальон белорусских орлят, Комсомолец Коля Близнец, Юный подрывник, Шура Барсук и другие // В бою и труде: Подростки в Великой Отечественной войне / Авт.-сост. В. Караваев. М., 1982. С. 12, 61–70, 92–94, 94–95, 95–96, 96–103, 104–109, 109–110, 110–113.

¹⁹ Борисова, А.В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А.В. Борисова, К.И. Козак, Г.Л. Стучинская. – Минск, 2009. – С. 84–260; Борисова, А.В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А.В. Борисова, К.И. Козак, Г.Л. Стучинская. – 2-е изд. испр. и доп. – Минск, 2010. – С. 100–336.

²⁰ Парламент памяці: гісторыі беларускіх «остарбайтараў» / Аўт.-укл. А. Белановіч, Г. Верамейчык. – Мінск: Прапілеі, 2011. – 80 с.

другом издании о принудительном труде в Германии из 54 еще 5 свидетельств приходится на детский возраст²¹. К сожалению, лишь единицы из бывших воспитанников публикуют свои воспоминания. К таким относится небольшое издание Владимира и Климента **Соколовских**²². Описание детских домов в Дроздах, Семковом Городке г. Минска помогает восстановить драматические картины борьбы за жизнь подростков. Еще одной такой работой стала книга Марии **Жуковой**²³. В ней личностные переживания и борьба за возвращение национальности. Мария Жукова из гетто попадает в детский дом, оставшись без родителей и семейной истории. И таких было немало. Важно, что Зинаиде **Никодимовой** – бывшей узнице Минского гетто, воспитаннице детских домов в оккупированной Беларуси, затем в Германии и России – удалось привлечь внимание общественности к проблеме воссоздания процесса отправки в Германию, онемечивания и репатриации белорусских детей²⁴. В другом коллективном издании из 55 бывших принудительных рабочих – участников белорусско-немецкого проекта «Связь поколений» еще 5 приходится на такой же возраст²⁵.

Нередко и в отдельных мемуарных изданиях говорится не только о военном детстве, но и о проведенном времени в детских приютах, детских сиротских домах. К таким можно отнести воспоминания бывших узников Минского гетто Майи **Крапиной**, Иосифа **Гави** и других²⁶. После долгих лет воссоздаются картины прошлого, и свидетелями принудительного труда являются дети, вывезенные вместе с родителями в страны Третьего рейха. В их числе малолетний узник М.Т. **Кузнецов**²⁷.

Таким образом, несмотря на то, что малолетние свидетели находились под родительской опекой, именно они сейчас остаются главными мультипликаторами жизни под германской оккупацией. Например, глазами белорусских детей воссоздается собирательный образ лагеря смерти Освенцим. Однако, даже такие важные нетрадиционные свидетельства остаются для историков мало востребованными в силу их субъективности и недостаточного подтверждающего состава оригинального архивного материала. Тем не менее, в отсутствии такового, данный комплекс документов требует внимательного к нему отношения и включения в систему исторических образов трагического военного прошлого Беларуси.

Зарубежная историография. Следует обратить внимание и на зарубежные издания. Их немного. Среди таковых, книга-мартиролог польских детей

²¹ Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси. – С. 56–182.

²² Соколовский, К.Э., Соколовский, В.Э. Детский дом в тылу врага / К.Э. Соколовский, В.Э. Соколовский. – Минск, 2008.

²³ Жукова М. Война причиняет мне боль. – Минск, 2010. – 212 с.

²⁴ Козак, К.И. Возвращение памяти, или Когда слова могут говорить / К.И. Козак // Архив Хаси Пруслиной. – С. 16; Архив Хаси Пруслиной. – С. 134.

²⁵ Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси. Минск, 2009. С. 56–182.

²⁶ Крапина-Левина, М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто / М.И. Крапина. – Минск, 2008. – 148 с.; Левин, Р.А. Мальчик из гетто / Р.А. Левин. – М., 1996. – 96 с.; Jackson, C. J. Gavi : Young Hero of the Minsk Ghetto / C.J. Jackson. – Paducah, 2000. – 176 с.; Lipski, F. Eine Kindheit im Minsker Ghetto / F. Lipski // «Existiert das Ghetto noch?». – Berlin, 2003. – S. 157–171.

²⁷ Кузнецов, М.Т. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника: исповедь о пережитом / М.Т. Кузнецов. – Могилев, 2004. – 384 с.; Кузнецов, М.Т. Послание времени: обретение смысла пережитого / М.Т. Кузнецов. – Минск, 2007. – 408 с.

в период нацистской оккупации²⁸. Структурируя противоправную политику Германии в отношении детей на Востоке, авторы представили и некоторые материалы о вывезенных в лагеря Польши или Германии белорусских детях²⁹. Немецкий историк Бернхард Къяри представил состояние воспитанников детских домов на территории Беларуси как нищенское и незащищенное³⁰, а Кристиан Герлах – действия против детей как целенаправленные военные действия по их уничтожению³¹.

Некоторые данные о детях – узниках концлагерей – представлены в авторских работах или документальных сборниках. Частично детские истории неволи и смерти были подготовлены авторскими коллективами³². Одному из таких, российскому публицисту Л.С. Аникееву удалось на примере малолетних узников Витебской области, Пятого полка в Витебске представить детскую тему³³. Детские страдания в концлагерях, в частности Освенцима, обозначены и в работах известного украинского историка В.В. Литвинова³⁴.

Источники. В большей степени документальные материалы о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн находятся в Национальном архиве Республики Беларусь и государственных областных архивах. В отличие от материалов по истории партизанского движения детская проблематика в большей части находится в различного рода краеведческих музеях, школьных учреждениях. Этому способствовала программа по созданию летописи Народной славы, проводимая с 1980-х годов, а также создание историко-документальной хроники «Память». Не все собранные материалы были обработаны и опубликованы.

Еще одним центром по сбору воспоминаний, документальных свидетельств стала Историческая мастерская в Минске. Созданные музей и архив концентрируют интервью, записанные воспоминания свидетелей нацистской тирании. Клубы историков, образовательные семинары, выставки позволили определить и зафиксировать новые формы и тенденции в коллективной памяти по истории выживания и страданий в годы германской оккупации Беларуси. За 9 лет было подготовлено и издано около 40 сборников, научных работ, воспоминаний бывших узников гетто, концентрационных лагерей,

²⁸ Вильчур, Я.Э. Время неволи – время смерти. Мартиролог польских детей в период гитлеровской оккупации / Я.Э. Вильчур, Р. Грабар, З. Токаж. – Варшава, 1981.

²⁹ «Dann kam die deutsche Macht»: Weissrussische Kinderhaftlinge in deutschen Konzentrationslagern, 1941–1945: Eine Dokumentation / Projektgruppe Belarus im Jugendclub Courage. – Köln, 1999. – 205 s.

³⁰ Скрадзенае дзяцінства / К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў ў Беларусі (1941–1944 гг.). – Мінск, 2005. – С. 210–245; Chiari, B. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944 / B. Chiari. – Düsseldorf, 1998. См.: Женщины, дети и семейные отношения в зондергетто / Козак, К.И. Женщины Германии и Беларуси в войне: социализация образа и ее восприятие / К.И. Козак // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання. – Мінск, 2006. – С. 26–28.

³¹ Gerlach, Chr. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Chr. Gerlach. – Hamburg, 1999. – S. 1074–1091.

³² Книги смерти Освенцима: Дети Белоруссии, России, Украины, погибшие в Освенциме в 1942–1943 гг.: (по книгам репатриации смерти узников Освенцима). – М., 1995.

³³ Аникеев, Л.С. Тайна фашистских концлагерей / Л.С. Аникеев. – М., 2005. – 350 с.; Аникеев, Л.С. Судите сами... : книга памяти : сборник / Л.С. Аникеев. – М., 2005. – 367 с.

³⁴ Литвинов, В.В. Коричневое «ожерелье». Документальное повествование о жертвах нацистских преследований – граждан бывшего СССР / В.В. Литвинов. – Киев, 2001. – Кн. 2. – Ч. 1. – С. 95–99, 101–106; – Киев, 2001. – Ч. 2. – С.19–110.

принудительных рабочих³⁵. Некоторые из них оказались в центре внимания общественности. К таким относится образ Зины Никодимовой, Маши Жуковой и других³⁶.

1.2 Оккупация и ее исторические реалии

На территории Беларуси более полумиллионный состав представлял различные германские службы, в том числе 180 тыс. полицейских, из которых около 120 тыс. составили представители местной вспомогательной полиции. С установлением военной администрации, а затем и гражданской, положение жителей зависело от их положения. Для тех, кто был привлечен к службе, работам, было позволено обустраивать свою жизнь в рамках особых обстоятельств: директив, приказов, комендантского часа, многочисленных постов, патрулей, всевозможных ограничений и запретов и т.д. Особую роль имело присутствие в местах проживания населения специальных германских служб и ведомств, таких как СС, Абвер, служба безопасности и СД, жандармерия, тайная полевая полиция. Только в Минске не менее 30 таких структур составили около 10 % от состава населения города (10.43). Практически территория Беларуси была поделена на три части: непосредственный район боевых действий, тыловой армейский район (тыл группы армий «Центр») и подчиненная имперскому министерству по делам оккупированных восточных территорий гражданская административная область (в составе генеральных округов Белоруссия, частично Литва, Волынь–Подолія и Житомир, административного округа Белосток)³⁷.

Всего в тяжелейших условиях оставалось около 8 млн чел., из которых треть составили дети, около 70 % или более половины – женщины. Только

³⁵ Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии / сост.: З.А. Никодимова. – Минск, 2010. – 134 с.; Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2 ліп. 2004 г. – Мінск, 2005. – 306 с.; Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы міжнар. навук. сем. Мінск, 1 вер. 2003 г. – Мінск, 2004. – 208 с.; Жива... Да, я жыва! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман: материалы и док. / сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. – Минск, 2005. Вып. второй. – 258 с.; Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання: матэрыялы міжнароднай навук.-практ. канф. Мінск, 4 сак. 2005 г. – Мінск, 2006. – 244 с.; Завольнер, Г., Гальперина, Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. – Минск, 2004. Вып. первый. – 136 с.; Кроз, В. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... / В. Кроз, З. Чаусская-Ильяшова. – Минск, 2007. Вып. шестой. – 70 с.; Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 10 ліст. 2004 г. – Мінск, 2005. – 316 с.; Марголина, С. Остаться жить / С. Марголина. – Минск, 2010. – 122 с.; Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць: матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск, 24 кастр. 2003 г. – Мінск, 2004. – 208 с.; Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы для Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. Мінск., 7 мая 2005 г. – Мінск, 2006; Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси / сост.: К.И. Козак, М.И. Крапина [и др.]. – Минск, 2009. – 292 с.; Трейстер, М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen / М. Трейстер. – Минск, 2007. Вып. четвертый. – 242 с.

³⁶ Чернушевич, А. Ее назвали Диной / А. Чернушевич // Вечерний Минск. 19 апреля 2011. С. 1, 10; Лапато, І. Марыя Жукава: «Мяне абзывалі «жыдоўкай», а ўсе жыцце я даказвала, што я – беларуска...» / І. Лапато // Звезда. 27 студзеня 2011; Улитенок, Г. Книги, совесть наша / Г. Улитенок // Советская Белоруссия. 9 апреля 2011. С. 10.

³⁷ Козак, К.И. Установление германского оккупационного режима на Беларуси в 1941 г. / К.И. Козак // Беларусь, 22 июня 1941 года: говорят архивы...: материалы к заседанию «круглого стола», посвящ. 60-летию начала Великой Отечеств. войны (июнь 2001 г.) / отв. ред. сост. Р.П. Платонов, В.В. Федосов. – Минск, 2001. – С. 99–100, 103.

1,5 млн (по другим данным, около 500 тыс.) удалось эвакуироваться в тыл. В таком положении военный фактор стал играть главную роль и оказывал наибольшее влияние на повседневную их жизнь. Дети или подростки в такой необычной для себя ситуации оказались наиболее уязвимыми.

Система военно-экономического принуждения населения. Для осуществления всеобщей трудовой повинности населения Беларуси в возрасте от 18 до 45 лет распоряжением **А. Розенберга** от 5 августа 1941 г. были созданы биржи труда. Они выполняли функции подсчета и распределения рабочих лиц, а также вербовки рабочих в Германию и организации работ в Беларуси. Практически с первых месяцев порядок таких взаимоотношений приобрел принудительный характер³⁸. Таким образом, так как оккупационные органы ориентировались на репродуктивный возраст населения, то вовлеченными в данный процесс оказались и дети.

Оккупационные органы занялись ликвидацией остатков воинских подразделений Красной Армии, групп, оказавшихся в окружении, а затем организацией лагерей для перемещенных в качестве пленных. Такая форма деятельности не была новой, а основывалась на ее традиционных способах. Ведь на территории Европы для принудительного содержания военнопленных и части гражданского населения действовало около 10 тыс. лагерей различных типов. И даже здесь к самообслуживанию был задействован колоссальный штат вовлеченных из местного населения или добровольцев из состава военнопленных³⁹. В Беларуси для таких целей действовало **166** гетто, **68** тюрем и **191** лагерь. Всего 425 мест принудительного содержания⁴⁰. Основную категорию составили военнопленные, но под их видом в лагеря попадало и немалое количество гражданских лиц. Учитывая, что территория Беларуси являлась местом концентрации воинских подразделений и наиболее массовых сражений, более 1 млн. военнопленных находилось в наспех организованных немецким командованием лагерях. Всего на территории Беларуси действовало более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений: для военнопленных (дулаги, шталаги, офлаги, штрафные, пересылочные и станционные), для гражданского населения (гетто, трудовые, женские, детские), на переднем крае обороны и другие⁴¹.

Один из первых лагерей для военнопленных и гражданского населения в возрасте от 15 до 60 лет по распоряжению командующего 4-й полевой армии (ПА) генерал-фельдмаршала **Клюге** был создан недалеко от Минска

³⁸ Сведения Генерального комиссариата Белоруссии об использовании рабочей силы в Генеральном округе и вербовке рабочих для Германии. 19 октября 1942 // Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1 (1941–1942) / сост. Г.Д. Княтько, В.И. Адамушко и др. – Минск, 1996. – С. 200–202.

³⁹ Череповецкий, Л. Кто посеял зло? / Л. Череповецкий // Народная воля. – 4 жніўня 1998. – С. 3.

⁴⁰ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. – Минск, 2001. – С. 10–65.

⁴¹ *До апреля 1942 г. около 2 млн умерло от холода или было расстреляно, а к февралю 1945 г. – 3,3 млн. Характерно, что если в период Первой мировой войны смертность достигла 5,4 %, то в гитлеровских лагерях, по немецким данным, погибло 57,8 % советских военнопленных. См.: Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию нападения Германии на Советский Союз. – Берлин, 1991. – С. 108; Die Zeit. – 1985. – Marz. – S. 15.

в Дроздах⁴². В них, как правило, было отсутствие питания, одежды, необходимых жилых и хозяйственных сооружений. Средств для нормального существования здесь практически не имелось. Узники были обречены на голодную и болезненную смерть. Вот тогда, прежде всего из взятых в плен в 1941–1942 гг., и стали формировать вспомогательные полицейские подразделения. Для многих это становилось надеждой на выживание. Немногим из них все же удалось достичь своей цели – вернуться к своим: в Красную Армию, партизаны, патриотическое подполье. Другие были вовлечены в преступную деятельность германских оккупационных органов, а третьи погибли в жестких схватках и битвах на полях сражений или, становясь на путь насилия и грабежа, погибали при специфических условиях войны.

Таким образом, на территории Беларуси действовало 515 различных мест принудительного содержания населения⁴³. Самым крупным поставщиком рабочей силы был стационарный лагерь шталаг 352 в д. Масюковщина около Минска. Он имел на предприятиях и военно-строительных объектах Минска свыше 20 филиалов и около 100 филиалов и отделений на железнодорожных магистралях Беларуси⁴⁴. Одним из самых крупных лагерей смерти стал Тростенецкий лагерь (после Освенцима, Майданека и Треблинки), где гитлеровцы замучили, удушили газами, сожгли в кремационных печах и на кострах, закопали живыми свыше 206,5 тыс. чел.⁴⁵ Всего, по неполным данным, в лагерях на территории Беларуси было уничтожено более 1,4 млн чел. В том числе в 3 лагерях с филиалами и отделениями Минска и пригорода – около 400 тыс., 3 лагерях Полоцка – около 150 тыс., 5 лагерях и 6 отделениях Витебска – более 100 тыс., 5 лагерях, 6 отделениях Гомеля – более 100 тыс., 5 лагерях Могилева – 70 тыс., 4 лагерях Пинска – около 60 тыс. чел.⁴⁶

К примеру, в Витебске через 5-й полк, который начал функционировать уже с сентября 1941 г., прошло 150 тыс. советских солдат и мирных жителей, более половины из них погибло. Сначала в нем содержались пленные советские солдаты и офицеры. Территорию обнесли колючей проволокой, по углам поставили вышки. Зона бараков отделялась от общей территории лагеря коридором из нескольких рядов колючей проволоки. Бараки без печей, без потолков, пол цементный, нары в три этажа, проходы узкие – два человека едва разойдутся... Питание – 150 граммов хлеба и пол-литра похлебки в день. Питьевая вода – из покрытого ряской лягушачьего болота. Через этот «витебский Майданек» прошло 120 тыс. военнопленных, из которых 75 тыс. были расстреляны либо умерли от голода и болезней. Из областного центра и деревень Витебщины туда было согнано 20 тыс. жителей, преимущественно женщин, стариков и детей. Из тех, кто имел отношение к партизанам,

⁴² Streit, Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 / Ch. Streit. – Bonn, 1991. – S. 131.

⁴³ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. – С. 10–65. *Включая Белостокскую область. Подсчитано автором.

⁴⁴ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. – Минск, 1985. – Т. 3. – С. 177.

⁴⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 845. – Оп. 1. – ЕХ. 57. – Л. 1–17; – ЕХ. 3. – Л. 90; – ЕХ. 11. – Л. 3.

⁴⁶ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. – Мінск, 1990. – С. 291–292.

формировали большие группы и отправляли в «более совершенные» лагеря, наподобие Освенцима. Всего в 5-м полку было умерщвлено около 4 тыс. витебчан⁴⁷.

Это, как и другие факторы, значительно усилило, прежде всего, трудовую зависимость населения от оккупационных органов. Так, начальник службы полиции безопасности и СД в Генеральном округе «Белоруссия» (ГОВ) Эдуард **Штраух**, принявший под свое руководство воспитательный лагерь Тростенец, намеревался осуществить в нем три ступени воспитательной работы:

1. Жесткие меры, тяжелый труд, строгие телесные наказания.
2. Напряженный труд, но лучшая работа и лучшее обращение.
3. Работа вне лагеря на фирмах и т.д.

«Возник вопрос, буду ли я принимать в лагерь людей, непричастных к саботажу. Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать. Так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившимися и трудолюбивыми»⁴⁸.

Карательная деятельность оккупационных органов. Основу германского оккупационного порядка составили приказы, положения военных и гражданских органов, способы постоянного контроля и принятия необходимых для порядка мер: штрафы, физические наказания, аресты и др. С данной формой население сталкивалось постоянно. При этом устрашающими мерами воздействия являлись массовые карательные акции военных и полицейских сил. О привлечении необходимых карательных подразделений для наведения порядка указывал командир войсками вермахта на территории рейхскомиссариата «Остланд» 14 сентября 1941 г. в сообщении рейхскомиссару Х. Лозе: *«Белоруссия еще не может рассматриваться нами как гражданская страна. В настоящее время мы не располагаем дополнительными войсковыми частями, поэтому со всей остротой встает вопрос о быстрейшем привлечении эсэсовских и полицейских сил»⁴⁹.*

Их деятельность определялась особыми приказами рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и директивами Браухича от 25 октября 1941 г.⁵⁰ В Минске первой публичной казнью стала акция повешения 12 человек в разных местах города 26 октября 1941 г. Проведенная в присутствии солдат вермахта и собравших горожан эта акция стала началом систематического уничтожения гражданского населения⁵¹. Карательные операции как совокупность террористических мер военного, экономического и политического характера против партизан и гражданского населения стали универсальной формой устрашающей борьбы.

⁴⁷ Аникеев, Л. Тайна фашистских концлагерей. – С. 50, 51. *До оккупации Витебска эта территория принадлежала 5-му железнодорожному полку – отсюда и название.

⁴⁸ Доклад службы безопасности в Минске. Минск, 10 апреля 1943 г. // Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 г.). – С. 180. *В лагере смерти Тростенец было уничтожено 206,5 тыс. евреев, участников сопротивления и других категорий гражданского населения. Он один из наиболее крупных лагерей смерти периода Второй мировой войны. См.: Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. – С. 292.

⁴⁹ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. – Минск, 1983. Т. 1. – С. 151; НАРБ. – Ф. 655. – Оп. 1. – ЕХ. 1. – Л. 23.

⁵⁰ Всенародная борьба в Белоруссии... – Т. 1. – С. 151.

⁵¹ См.: Известная «Неизвестная». – Минск, 2007. – 138 с.

Подобные действия находили своевременную конкретизацию. Например, в директиве начальнику разведкоманды начальник оперативного штаба полиции и безопасности и СД в Минске от 18 ноября 1941 г. требовал сжигания всех жителей населенных пунктов: «*Опыт учит, что коллективные расстрелы, сжигание деревень без полной их ликвидации или выселение их жителей, приводят только к отрицательным для нас результатам*»⁵².

Расширяя карательные формы деятельности, оккупационными органами в июле 1942 г. был принят приказ о возможности уничтожения всех, кто является потенциальным противником или может им быть. Несколько позднее подразделения обязаны были уничтожать и все население. 26 февраля 1943 г. командир полиции и СД Беларуси принял решение о целесообразности отправки мирного населения на принудительные работы вместо их сжигания вместе с домами⁵³. Вся совокупность решений стала основой начатого с 23 июня юридического оформления участия полицейских подразделений в борьбе против партизанских сил. В приказе, подписанном Кейтелем, значилось, что борьба против партизан в первую очередь является задачей полиции.

На усиление карательной деятельности было направлено положение в так называемой «Основной директиве № 14», где вновь подтверждено требование считать борьбу с партизанским движением «*равнозначной боевым действиям на фронтах*»⁵⁴. Так, в период с декабря 1943 по февраль 1944 г. немецкое командование на коммуникациях провело 5 боевых операций. Еще более их активность возросла в 1944 г. В итоге с 25 мая по 17 июля 1944 г. было организовано около 40 специальных операций, для этого 170 раз привлекались войска для захвата рабочей силы и продовольствия⁵⁵. Только в Бельничском районе, по неполным данным, в 1941 г. ими было сожжено 592 двора, 1942 г. – 375 и убито 217, 1943 г. – 685 и убито 256, 1944 г. – 499 и убито 258 жителей. Всего было расстреляно 1471 (из них – 467 женщин, 270 детей), сожжено 215 чел. (65 женщин и 86 детей), повешено 2 чел. (1 женщина в том числе). В результате бомбежки погибло 47 чел.⁵⁶ Что касается городов, то, к примеру, в г. Витебске в феврале 1942 г. было арестовано 953 чел. В 4 полицейских участках при 14 уличных облавах было арестовано 166 чел., задержано 87 чел., нарушивших правила оформления документов⁵⁷. Практически большинство из городских или сельских жителей подвергалось опасности быть схваченными.

Заложники. Определенной формой массового истребления населения служила система двойной ответственности и искупления. Уже 27 июля 1941 г. оккупационными органами было определено, что по причине систематических актов саботажа со стороны гражданского населения против немецких военных властей (поврежден кабель связи) расстреляно 100 мужчин. При этом в дальнейшем за каждый акт саботажа, виновные которого не будут

⁵² Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). – Изд. 2-е, доп. – М., 1968. – С. 53, 130–131.

⁵³ НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – ЕХ. 918. – Л. 313.

⁵⁴ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. – Минск, 1984. – Т. 2. – С. 283.

⁵⁵ Всенародная борьба в Белоруссии... Т. 3. – С. 180.

⁵⁶ Государственный архив Могилевской области (далее – ГА Мог. обл.). – Ф. 306. – Оп. 1. – ЕХ. 1. – Л. 36–38.

⁵⁷ Витебские подпольщики в борьбе с фашистскими захватчиками // Подвиги их бессмертны. – Минск, 1978. – С. 160.

выявлены, будет расстреляно по 50 мужчин⁵⁸. Широкое распространение такая практика получает после приказа о заложниках от 16 сентября 1941 г. Германским командованием было установлено, что в назидание другим, если виновные не будут обнаружены, из населения будут взяты заложники. При повторении количество заложников удваивается. Введена система, где *«искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, в общем и целом, смертная казнь 50–100 коммунистов»*⁵⁹. Для стабилизации положения на всей территории ГОБ 20 сентября 1941 г. комендант Беларуси и командующий вермахтом «Остланд» ввел комендантский час⁶⁰.

В результате, вследствие нарастающей деятельности антифашистского сопротивления, оккупационные органы использовали репрессивность в достаточно широких масштабах. Для этого действительного установления вины заложников для военных или гражданских оккупационных органов – не существовало. С партизанской стороны предпринимались ответные решения, где полицейские и представители белорусской коллаборации становились жертвами.

Положение женщин и детей. Особое положение занимали женщины, дети. Для большинства из них защитой служили партизанские зоны, лагеря, а для лиц еврейской национальности – семейные лагеря. С другой стороны – полицейские гарнизоны, участки, оборонные деревни, места с находящимися там воинскими подразделениями. Однако нередко и дети оставались в большей части на попечении мам, бабушек, тетей и т.д. Это приводило к тому, что именно они становились основными защитниками детей. Часто даже в минуты общего смятения. К примеру, в Жабинке во время перемещения семей активистов советской власти и военнопленных был застрелен мальчик шести лет (1942). Мать погибшего ребенка набросилась на солдата и ударила его чем-то металлическим. Солдат упал. Тогда второй из конвоя расстрелял женщину, а вместе с ней еще нескольких⁶¹.

Представляя угрозу для немецкой стороны, немало детей вместе с матерями было расстреляно ими по причине их близости к партизанскому или подпольному движению. Так, в качестве заложников М.Ф. **Шмырева** – одного из организаторов партизанского движения на Витебщине – на протяжении четырех месяцев кроме взрослых немцы задерживали его четырех малолетних детей⁶². После разгрома в феврале 1943 г. Пашковского гарнизона одному из подпольщиков М.С. **Мазникову** пришлось уйти в партизаны, а его жена Эмилия с двумя грудными детьми, 6-летним сынишкой и бабушкой остались и стали заложниками. Рассчитывая, что их отец придет, оккупанты некоторое время держали их в тюрьме, а затем отправили в душегубку⁶³. Или же во время обычной для оккупационных органов карательной операции «... особенно

⁵⁸ НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 1. – ЕХ. 3. – Л. 2.

⁵⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. Т. 2: Преступления против мира. – М., 1958. – С. 175.

⁶⁰ НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – ЕХ. 952. – Л. 10.

⁶¹ Боровский, А.И. Испытание мужества / А.И. Боровский. – Минск, 1989. – С. 38.

⁶² Калинин, П.З. Партизанская республика / П.З. Калинин. – 2-е изд. – С. 48–51.

⁶³ Мэттэ, К.Ю. Верность: [Воспоминания одного из руководителей могилев. подполья в годы Великой Отеч. войны] / К. Ю. Мэттэ. – Минск, 1989. – С. 204. *Вскоре погиб и сам М.С. Мазников. См.: Там же.

свиристельствовал Михаил **Мороз**, который в д. Молодзи собственноручно расстрелял десяток ни в чем не повинных мирных жителей и среди них даже двое 3-летних детей, выкрикивая при этом слова: «Бандиты!», «Партизаны!»⁶⁴. И таких примеров немало.

Еще одно специальное распоряжение Курта фон Готтберга «Об охране и разминировании населением шоссе и железнодорожных дорог», введенное с 10 февраля 1944 г., способствовало убийствам. В нем отмечалось, что «... жители населенных пунктов Беларуси несут ответственность за безопасность путей сообщения, грунтовых дорог, шоссе, железных дорог...» Этим же решением предписывалось всех жителей близлежащих деревень закрепить за определенными участками дорог. На них возлагалась ответственность за безопасность движения на этих участках. Обычно для разминирования местных жителей заставляли впрягаться в бороны и тянуть их по дороге. В итоге только в районе Бобруйска на минах взорвалось свыше 100 чел.⁶⁵ А всего тысячи заложников оккупационной системы стали жертвами.

Медицинское обслуживание. В условиях военной разрухи важным фактором выживания детей и их главных защитников – матерей – стала организация медицинского обслуживания. Так как действовавшие в довоенное время медицинские учреждения были разрушены при бомбардировках, а врачи и медперсонал были мобилизованы для нужд Красной Армии, то практически медицинская система перестала существовать. Однако некоторые решения оккупационных органов коснулись и этой сферы. Так, в Минске в июле 1941 г. на основе ранее действовавших было оборудовано 12 больниц, в основном для военных нужд, из которых 7 функционировало. Их штат составил 135 врачей и еще 33 врача работало в 2 амбулаториях⁶⁶. В районных центрах в основном доминировали аптеки и фельдшерские пункты. К примеру, в Минском округе работало 12 фельдшеров⁶⁷. Однако в одном из регионов – Смолевичском повете – среди других категорий значилось 3 детских консультанта (из немногим более 90 чел., 1942)⁶⁸. В ведении отдела здравоохранения горуправы Витебска находилось 3 детских дома для маленьких детей (около 150 чел., апрель 1943)⁶⁹.

Что касается «провинциальной» медицины для сельского населения, то оно в основном оставалось, как и в довоенное время, вне зоны организованного медицинского внимания. В большинстве своем все ощущали себя как Елена **Среднева** (Смолевичи): «Если болели, то лечились так: от кашля молочка бабушка скажет попить на ночь»⁷⁰. В действительности население

⁶⁴ Из акта комиссии по расследованию злодеяний, совершенных батальоном СС Дирлевангера и логойской полицией в дер. Свидно, Загорье, Пархово, Подонки, Молодзи, Ляды и Понизовье Логойского района 11 октября 1943 г. 15 октября 1943 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. Минск, 1965. С. 109, 110; Пищенко, А.А. «Штрафники» СС / А.А. Пищенко. – М., 2009. – С. 304.

⁶⁵ Всенародная борьба в Белоруссии... – Т. 3. – С. 218, 219.

⁶⁶ Альшэўская, С. Становішча адукацыі, культуры і аховы здароўя ў Мінску ў гады нямецкай акупацыі / С. Альшэўская // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны. – С. 190.

⁶⁷ НАРБ. – Ф. 393. – Оп. 2. – ЕХ. 69. – Л. 9.

⁶⁸ НАРБ. – Ф. 393. – Оп. 1. – ЕХ. 213. – Л. 56–60.

⁶⁹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Минск, 2005. – С. 307; НАРБ. – Ф. 510. – Оп. 1. – ЕХ. 1. – Л. 20, 21.

⁷⁰ Интервью Елены Журавской. Минск, 2009 // Архив Исторической мастерской.

широко использовало опыт народной медицины. Применялись настои липового цвета и малины, дубовой коры. Дважды перегнаный самогон заменял спирт при обработке ран. Он же применялся как снотворное и обезболивающее средство при операциях. Цингу лечили хвойными настоями, березовым соком. Зачастую прибегали к помощи бабки-шептухи.

Городские жители чувствовали себя как Арнольд Козловский (1927 г.р., г. Минск): *«Я не помню, чтобы я болел. Даже простудой не болел, и мать не болела. Видимо, военное состояние, так как это была война, то люди были в нервном возбуждении, что они особо не болели. Я не помню, чтобы в доме были какие-то лекарства»*. Со слов Елены Журавской (Минск): *«Все были здоровы, как кони. Не знаю, почему и как. Вот только тифом соседский мальчик заболел. И все. Никаких аптек и больниц я не видела, и не знаю. Папа, как только снег начинался, говорил «Вставай». Мы выходили на улицу и снегом вытирались. Папа все время меня вытягивал на улицу снежком натираться»⁷¹.*

В большей степени физическое состояние части женского населения контролировалось со стороны Генерального комиссариата Белоруссии (ГКБ) с помощью представления еженедельных отчетов участковому или городскому комиссару, а также военному санитарному врачу списков лиц с венерическими заболеваниями⁷². Для этого в функционировавших с разрешения немецких властей медицинских учреждениях женщины могли пройти осмотр у врача или получить помощь акушерки. Медицинское обслуживание было платным. Например, зимой 1941–1942 гг. в г. Могилеве родовспоможение на дому с помощью акушерки стоило 25 руб., врача-акушера – 50 руб., каждое последующее посещение после родов в течение 3 дней акушеркой – 5 руб., врачом-акушером – 25 руб.⁷³ За отдельную плату роженицы могли прибегнуть к услугам акушерских отделений при городских больницах или родильных домах⁷⁴. Неудивительно, что медицинская статистика отделов здоровья органов местной администрации фиксирует рост количества нелегальных аборт, главной причиной которых назывались неудовлетворительные материально-бытовые условия военного времени⁷⁵. Официальное разрешение абортов противоречило идеологии национал-социализма, определяющей материнство как главный долг женщины перед обществом. Однако из практических соображений оккупационные власти вынуждены были пойти на определенные уступки в этом вопросе. Согласно принятым распоряжениям, искусственное прерывание беременности женщин из числа местного населения разрешалось на основании советского законодательства 1936 г. по предварительному заключению и направлению врачебных комиссий, а также при наличии социальных, «войной обусловленных», причин. К примеру, аборты в Осиповичском округе были возможны по указанию начальника района,

⁷¹ Интервью Арнольда Козловского, Елены Средневой. Минск, 2009 // Архив Исторической материальной.

⁷² Бундесархив (Bundesarchiv, далее – ВА). R 90/296.

⁷³ ГА Мог. обл. – Ф. 260. – Оп. 1. – ЕХ. 22. – Л. 48–50.

⁷⁴ Еленская, И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): дис. ... канд. ист. наук (07.00.09) / НАН Беларуси. Ин-т истории. – Минск, 1999. – С. 93.

⁷⁵ ГА Мог. обл. – Ф. 271. – Оп. 1. – ЕХ. 42. – Л. 29; – Ф. 858. – Оп. 3. – ЕХ. 3. – Л. 109.

а по материальным причинам были возможны только в исключительных случаях⁷⁶. К таким были отнесены примеры рождения детей от немецких солдат, где были возможны рекомендации «из расовых биологических соображений» разрешить искусственное прерывание беременности местным женщинам, состоявшим в половой связи с немцами. В перспективе даже предусматривалось создание детских домов для полноценных смешанных детей и дальнейшего воспитания их, они могли бы «стать мостом между немецким и русским народами»⁷⁷. Сведения о таких детях регулярно предоставлялись местной оккупационной администрации по волостям⁷⁸.

Действительное положение детей зависело от многих факторов. В случае необходимости их перемещали в менее подготовленные места. Так, из родильного дома Витебска были насильственно перемещены роженицы и их дети, так как помещения были необходимы для размещения немецких солдат⁷⁹. Вот как описывает свое рождение жительница Минска Александра Наркевич: «Я родилась в 1942 г. в оккупированной деревне. На печке. Мать рожала, а эсэсовцы, которые стояли в нашем доме, отодвигали штору и гоготали. Так я родилась – под гогот немцев. ...Когда только она родила меня, умерла ее мать. В деревне нет ни одного мужчины. Пришлось самой копать могилу. Когда выкопала, поняла, что не может из ямы выбраться». Немногим позднее ее вместе с ребенком вывозят на принудительные работы в Германию. Путь испытаний женщин продолжался⁸⁰.

Особую категорию составляли дети, рожденные в лагерях для военнопленных или принудительного содержания населения. Практически они уничтожались еще до рождения, не перенося тяжелых условий. Были и другие примеры, когда в некоторых случаях лагерное руководство не препятствовало родам. После рождения ребенка мать-военнопленная либо переводилась в статус гражданского лица, освобождалась из лагеря и отпускала по месту жительства ее родных на оккупированной территории, либо возвращалась с ребенком в лагерь. Так, из документов лагерного штаблага 352 в Минске известно, что приехавшая 23 февраля 1942 г. в Первую городскую больницу для родов медицинская сестра Александра Синдева вывезена вместе с ребенком в лагерь для военнопленных Ролльбан⁸¹.

Дети, находясь под особой заботой женщин, тем не менее стали массовыми жертвами оккупационной политики германских органов. Одним из таких факторов стало отсутствие надлежащих бытовых условий, оказание медицинской помощи, уничтожение как врагов национал-социализма детей вместе с родителями (расстрел, сжигание, использование в качестве доноров и др.).

Юные партизаны и подпольщики. Немало детей или подростков наравне с партизанами и подпольщиками выполняли боевые задания. Такового требовала и партийная директива по развертыванию партизанской войны в тылу

⁷⁶ НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 2. – ЕХ. 1360. – Л. 11.

⁷⁷ ГА Мог. обл. – Ф. 271. – Оп. 1. – ЕХ. 42. – Л. 21.

⁷⁸ Государственный архив Минской области (далее – ГАМО). – Ф. 681. – Оп. 1. – ЕХ. 17. – Л. 7; – Ф. 845. – Оп. 1. – ЕХ. 20. – Л. 116.

⁷⁹ Пахомов, Н.И. Витебское подполье / Н.И.Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – С. 29.

⁸⁰ Лицкевич, С. Благословите женщину / С. Лицкевич // Советская Белоруссия. – 26 марта 2005. – С. 14.

⁸¹ Шнеер, А. Плен / А. Шнеер. – Т. 1. – Иерусалим, 2003. – С. 311; Архив Яд Вашем. М-33/438 часть II. – Л. 127.

врага (1.07.1941)⁸². Только в рядах белорусских партизан борьбу вели более 5 тыс. детей до 14-летнего возраста. Много раз ходил в разведку Марат **Казей**. Он в 13 лет становится разведчиком штаба 200-й партизанской бригады имени К.К. Рокоссовского и при выполнении задания в окружении подорвал гранатой себя и немецких солдат (11.05.1944)⁸³. Юный подрывник 78-го диверсионного отряда 125-й Копаткевичской партизанской бригады Полесской области Витя **Ситница** также выполнял задания по разведке, участвовал в подрыве вражеских эшелонов. Попад в руки фашистов, он выстоял, не предав партизан⁸⁴. Женя **Петряков** из Добруша по заданию партизан работал на немецкой кухне и собирал необходимые данные. Он выкрал у офицера пистолет и передал его партизанам. При попытке завладеть еще одним был арестован. В камере перерезал себе вены на руке и умер⁸⁵. Практически все отряды использовали неоценимую помощь детей в получении или передаче ценных разведанных при помощи детей. Это в немалой степени понимали и оккупационные органы. Их отношение к детям было осторожным или враждебным по отношению к детям партизан.

Дети как объекты внимания оккупационных органов. Таким образом, категории детей как объекты внимания со стороны оккупационных органов подразделялись на категории в составе предложенной ими системы ценностей:

Дети гетто, как и взрослые евреи, подлежали изоляции и уничтожению;

Дети-сироты становились объектами внимания со стороны оккупационных структур, заинтересованных в так называемом человеческом материале, для медицинских или социальных опытов. Для первой группы были образованы детские лагеря. Для второй – депортации в Германию или страны Третьего рейха с целью онемечивания;

Дети-сироты или одинокие дети на пути нацистского преследования со стороны населения получали поддержку и возможность адаптироваться. Нередко им представлялся временный или постоянный статус члена семьи. Это был один из способов выжить, особенно для детей евреев;

Дети, попавшие в концентрационные лагеря вместе с родителями, как правило, разделили судьбу старших. Однако при отделении их от родителей шансы на выживание возрастали;

Дети родителей, состоящих на службе оккупационных органов или выполняющих их решения, получали более защищенный статус. Для части из них действовали определенные нормы культурного развития через систему школ, детских садов, приютов;

Дети-фольксдойче имели статус наиболее защищенных категорий;

⁸² Директива ЦК КП(б)Б № 2 партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага. 1 июля 1941 г. // Гомельщина партизанская. Сборник док. и мат. Вып. 1. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г. Минск, 2010. – С.36.

⁸³ Казей Марат Іванавіч // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. – Мінск, 1990. – С. 233. Присвоено звание Героя Советского Союза (1965). См.: Там же. *В составе партизан насчитывалось 34 342 школьника и более 5 тыс. детей младшего и школьного возраста. См.: 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы. Ч. I. – С. 62.

⁸⁴ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 255.

⁸⁵ Езепова, Т.И. Юные патриоты гомельщины в первый год Великой Отечественной войны / Т.И. Езепова, И.Ф. Эсмантович // Гомельщина в 1941 году: материалы науч.-практ. конф. – Гомель, 2006. – С. 118.

Дети партизан и подпольщиков как враги национал-социализма использовались в качестве заложников или принудительной рабочей силы, подвергались в ходе карательных акций массовому уничтожению.

1.3 Детские дома

На оккупированной территории продолжали существовать работавшие еще в довоенное время ряд детских учреждений. Часть из них были сиротскими, другая часть – с оставленными по разным причинам детьми. Третья – формировалась вследствие роста количества детей погибших родителей. Характеристики таких детских учреждений представлены историком Владимиром Павловым: *«Застаўся ў тыле ворага Весялоўскі дзіцячы дом Лепельскага раена. У гады вайны гітлераўцы адкрылі ў вёсцы Загародскі Пагост Пінскага раена лагер для адпраўкі дзяцей і падлеткаў на прымусовую працу ў Германію. Была сабрана значная колькасць дзяцей (колькі дакладна – невядома). Але вывезці ўсіх акупанты не паспелі – перашкодзіла імклівае наступленне Чырвонай Арміі. Летам 1944 г., адразу пасля вызвалення Піншчыны, тут быў адкрыты дзіцячы дом, дзе жылі і выходзіліся 150 дзяцей, бацькі якіх не вярнуліся з вайны. У 1960 годзе дзіцячы дом быў расфарміраваны. Не паспеў эвакуіравацца на ўсход і застаўся ў тыле ворага дзіцячы дом, размешчаны ў вёсцы Ляды Дубровенскага раена. Існаваў дзіцячы дом у горадзе Бабруйску па вуліцы Мінскай. Па некаторых звестках, створаны нямецкімі ўладамі на правах дома беспрытульных, дзе знаходзіліся дзеці ва ўзросце ад 3 да 14 гадоў. Існаваў дзіцячы перасыльны (донарскі) лагер у вёсцы Лучыцы Петрыкаўскага раена. У лагеры ўтрымлівалася 130 дзяцей ва ўзросце ад 7 да 17 гадоў. Усе дзеці былі адпраўлены ў Германію ў якасці донараў. Дзіцячы лагер існаваў у гарадскім паселку Парычы. У гарадскім паселку Петрыкаў існаваў дзіцячы лагер для адпраўкі дзяцей у Германію. У лагеры ўтрымлівалася каля 250 дзяцей.*

Буйны перасыльны (донарскі) лагер размяшчаўся на тэрыторыі вучэбнай гаспадаркі «Чырвоны Бераг» Жлобінскага раена. У ім утрымліваліся дзеці ад 8 да 14 гадоў са Жлобінскага, Добрушскага, Рагачоўскага, Стрэшынскага раенаў. Дзяцей адпраўлялі ў Германію як донараў для параненых нямецкіх салдат і афіцэраў. Усяго вывезена 1990 дзяцей. Існаваў дзіцячы дом паміж вёскамі Вялікі Трылесін і Свяцілавічы Бялыніцкага раена. Сюды, у дзетдом, усю вайну звозілі дзяцей, бацькі якіх загінулі ў партызанах, ад рук паліцэйскіх, у час карных аперацый акупантаў. На дзень вызвалення дзіцячы дом налічваў каля 80 дзяцей ад груднога ўзросту да 14 гадоў.

Існаваў дзіцячы дом у вёсцы Сялюты Віцебскага раена.

Паводле архіўных звестак на 9 верасня 1941 г. у Мінску існавала 3 дзіцячыя дамы, 1 ізалятар, 9 ясляў-садкоў з агульнай колькасцю дзяцей – 1200, а таксама 5 дзіцячых дамоў у ваколіцах Мінска і сельскагаспадарчая калонія ў Семкавым Гарадку⁸⁶.

⁸⁶ По данным Б. К'яри, в декабре 1941 г. органы местного самоуправления Минского района сообщали о 4 детских домах в Острошицком Городке, Тростенце, Ратомке, Дроздах (88, 73, 75 и 118 детей соответственно), а также детском доме в Семковом Городке (196 детей), на май 1944 г. БЦР приняла 30 детских садов и яслей. См.: К'яри, Б. Штодзеннасць за лініяй фронту... – С. 216. В конце 1941 г. в Минске насчитывалось 11 детдомов, детский распределитель, более десятка детсадов. Позже в городе открылось еще два детсада, в том числе один для детей фольксдойче.

Дзіцячы дом у паселку Дразды каля Мінска быў арганізаваны на пачатку вайны на базе былой аздараўленчай школы і піянерскага лагера. Украсавіку – маі ў ім налічвалася 64 дзіцяці малодшага школьнага ўзросту. Дзеці размяшчаліся ў доміках дачнага тыпу, якія патрабавалі сур'езнага рамонту. Падсобнай гаспадаркі дзетдом не меў, харчаванне дзецям адпускалася цэнтралізаваным парадкам. Адзеннем, бялізнай дзеці практычна не былі забяспечаны. Інспектар дзіцячых дамоў Мінскага раена І.С. Канькоў адзначаў, што фізічны стан дзяцей настолькі змораны ад голаду і холаду, што праводзіць якую-небудзь сапраўдную «працу з імі нельга. І зараз маюцца дзеці са слядамі галодных ацекаў і абмарожанымі часткамі ног. Вопратка і абутак дзяцей парваны, змацаваны дротам, рыззем, без гузікаў... Адзін знешні выгляд дзяцей мог усхваляваць душу дзікуна, а не выхавацеля». Каб не памерці з голаду, дзеці хадзілі прасіць міласціну ў паселяк. У ліпені 1942 г. дзетдом у Драздах быў аб'яднаны з дзіцячым домам у Астрашыцкім Гарадку. Існаваў дзіцячы дом у Трасцяныцы, што ў ваколіцы Мінска. У ліпені 1942 г. аб'яднаны з дзетдомам у Семкавым Гарадку. Сюды ж быў пераведзены і Ракаўскі дзетдом.

Незастоўга да вайны ў мястэчку Студзянец, што ў Клецкім раене, у маентку былога польскага памешчыка быў адкрыты дзіцячы дом. У ваеннай віхуры калектыў не паспелі вывезці, і ен застаўся на акупіраванай тэрыторыі. Зімой 1942 г. немцы захапілі выхаванцаў і звезлі ў Клецк, дзе выкарыстоўвалі дзіцячы дом як базу для адпраўкі дзяцей у Германію і для забору ў іх крыві. Дзяцей размясцілі ў апусцелых лўрэйскіх дамах, і яны былі фактычна кінуты на волю лесу: працавалі на землях былых маенткаў Бравароўшчыны і Кілбасічы, з чаго сьмя-так і карміліся. Пры вызваленні Клецка памяшканні дзіцячага дома згарэлі»⁸⁷.

Что касается других крупных городов, то в Витебске действовало 5 детских домов, а рядом – в Сенненском районе – 2, Оршанском районе – 4⁸⁸. Витебские детдома дошкольного возраста № 1 и № 2 находились в ведении отдела охраны здоровья (конец 1941). В детдоме № 1 содержалось 84 ребенка (данные на 1.07.1942 г.), детдоме № 2 – 40 мальчиков и 22 девочки до 7 лет. Открытый 27 июля 1941 г. детдом № 3 располагался в 2 зданиях (интернат для девочек, интернат для мальчиков). В 1942 г. в нем содержалось 109 детей от 7 до 14 лет. В детдоме № 4 также содержались дети от 7 до 14 лет (58 детей)⁸⁹. В ноябре 1942 г. для детей дошкольного возраста Витебского района был открыт детдом № 5 на 53 места⁹⁰.

Правом определения беспризорных детей в детдома обладали горуправы, райуправы, представители других вспомогательных властей, отделов Белорусской народной самопомощи (БНС). Они же вместе с администрацией детдомов ходатайствовали перед немцами о выделении средств на содержание

На март 1943 г. в Минске и Минском округе работало 25 детдомов с количеством более 2 тыс., в детсадах округа находилось около 800 детей. См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 309.

⁸⁷ Некаторыя звесткі аб дзіцячых установах, якія існавалі на акупіраванай тэрыторыі Беларусі // Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця. – С. 407–410.

⁸⁸ Каравка, С.Ю. Детские дома Витебской области в годы Великой Отечественной войны // Дети войны. – С. 4–5.

⁸⁹ УГАВО. – Ф. 2793. – Оп. 1. – ЕХ. 586. – Л. 8.

⁹⁰ Там же. – Ф. 2290. – Оп. 1. – ЕХ. 24. – Л. 186.

детей. В начале 1942 г. Генеральный комиссар Беларуси Вильгельм Кубе даже посетил некоторые детские дома Минска, отметив их тяжелое, бедственное положение. После этого на заседании Рады ВНС было принято решение о вывозе части детдомовцев города «на оздоровление» в сельскую местность⁹¹. Что касается возможного распределения продуктов в отношении детей, то оккупационными органами они были разделены на 2 группы: дети до 2 лет и дети до 14 лет⁹². Часть из них была на протяжении 1941–1942 гг. охвачена системой начального образования, в том числе в созданном в 1943 г. прогерманском Союзе белорусской молодежи. С расширением партизанского движения на территории Беларуси такая система с 1943 г. практически не действовала.

Родительская или материнская опека детей. В оккупированном обществе действовали различные правила в отношении детей. Так, для тех, кто работал в оккупационных органах или представлял практическую значимость, имелись в наличии различные виды услуг. Согласно распоряжению Генерального комиссара Беларуси от 10 сентября 1941 г., во всех городах под немецким наблюдением должны были организовываться детские сады для присмотра за детьми тех женщин, которые из-за наличия детей не могли быть использованы на работе⁹³. В г. Минске в 1943 г. детскими садами и яслями было охвачено 1960 детей, родители которых работали на предприятиях или в учреждениях города⁹⁴.

Семейные отношения можно было оформить в церкви. К примеру, в «Мэтрычным пасьведчаньні» церковного брака, выданном 28 февраля 1943 г. Озерской церковью Узденского района Минского округа, благословение удостоверено угловым штампом. Сам документ составлен на немецком и белорусском языках, а подпись священника заверена круглой печатью церкви⁹⁵. О наличии семейного фактора свидетельствуют данные акушерского отделения больницы г. Барановичей за 1941–1943 гг., где в среднем принималось 20 родов в месяц⁹⁶. Это в немалой степени могли использовать для спасения еврейских детей при оформлении документов об их семейной принадлежности.

Еврейкам пособия по беременности не предусматривались. Не имели возможности претендовать на «льготы» и деревенские женщины, которым приходилось работать на тяжелых сельскохозяйственных работах до самых родов. Единственным правом, которым они могли воспользоваться, являлось освобождение от работы в рамках обязательной трудовой повинности по причине большого (от 6 месяцев) срока беременности на основании врачебно-медицинского свидетельства, выданного отделом здоровья местной администрации⁹⁷.

Женщины-матери в отношении детей были готовы на все. Нередко патриотические порывы мужей по сохранению символов советской власти

⁹¹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 309–310.

⁹² Там же. – С. 301.

⁹³ ГАМО. – Ф. 623. – Оп.1. – ЕХ. 1. – Л. 145.

⁹⁴ Там же. – Ф. 688. – Оп.2. – ЕХ. 4. – Л. 11.

⁹⁵ Там же. – Оп. 1. – ЕХ. 156. – Л. 8.

⁹⁶ Еленская, И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1999. – С. 93.

⁹⁷ ГА Мог. обл. – Ф. 858. – Оп. 1. – ЕХ. 45. – Л. 170.

в условиях оккупации натывались на противодействие со стороны их жен, не пожелавших подвергнуть опасности этим своих детей. Так, жена бывшего председателя Черкасского сельсовета Скидельского района – мать пятерых детей – сожгла хранившийся в их доме красный флаг сельсовета⁹⁸. Такие значимые обстоятельства поведения женщин нередко учитывали оккупационные органы для получения нужной информации. Например, для поимки председателя Сольского сельского совета Сморгонского района Степана **Лешко** оккупанты захватили жену и, угрожая убить ее сына, вынудили указать место его укрытия. Пойманного расстреляли на виду сына и жены⁹⁹.

Чтобы не умереть. Нина **Куманяева** – одна из Червенского детдома – ссылается на свой опыт выживания. Он типичен, но все это происходило с ними и на их глазах. «*Дети перешли на голодный немецкий паек. По карточкам в городе в это время рабочие получали 240 гр., дети – 40 гр. хлеба. Для приготовления завтрака на котел емкостью 12 ведер воды выдавали 3 кг самой плохой овсяной или ячневой с остюками муки. Размешивая в воде, получали скользкую баланду. Мы ее на завтраке и пили без хлеба. На обед также 3 кг муки, 1 ведро картошки и 40 грамм хлеба из желудевой муки. На ужин – 3 кг муки, по 2 черпака баланды. Этот паек был рассчитан на более чем 200 детей. Соли в детдоме тоже не было. Тарелок и ложек у нас не было, каждый ребенок приобрел у немцев на мусорке себе жестяную банку из-под консервов. С них мы пили. Одежду в детдоме с начала войны не получали. Она износилась, а мы остались раздетые и босые. Зима была очень холодной. В школу нас тоже не пустили.*

...Так как дети были страшно худые, то горожане обратились в Управу с жалобой. Для нас тогда был выделен отдельный день. В церкви батюшка обратился к населению о помощи и спасении маленьких детдомовских детей. После этого мы ходили с ведром по городу и собирали молоко. Кто стакан даст, кто полстакана, а кто ложкой столовой мерил. Хотелось плакать от обиды: мы ведь не хотели ходить и просить, но умирающие дети заставляли это делать. В летнее время для кормления ходили работать по домам.

...Немцы часто навевались в детдом. Нас ночью подымали, а они все что-то искали. Ничего не находили, уходили, а нам – сколько страха было! В результате детдом немцы разграбили, и нас с военного городка переселили в центр города. Там же находились умственно больные дети. Когда их расстреляли, то 9 менее больных привели в наш детдом. Мы заняли полупустые помещения на половине территории детдома, а другую половину забрали под казармы»¹⁰⁰.

Дети как щит. В конце мая 1944 г., когда фронт вплотную приблизился к Витебску, оставшихся в живых отправили в лагерь, расположенный возле станции Крынки в Лиозненском районе. Сюда же попали и дети из детских домов города, больные из сыпнотифозной больницы... Целых десять дней вели их по лесам, болотам и буеракам. До изнеможения. Узники спали

⁹⁸ Маркава, Н.Е. Акупацыйны рэжым / Н.Е. Маркава // Памяць: гіст.-дакум. хроніка гарадоў і р-наў Беларусі: Сморгонскі р-н. – Мінск, 2004. – С. 242.

⁹⁹ Маркава, Н.Е. Акупацыйны рэжым / Н.Е. Маркава // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Сморгонскага раёна. – С. 241.

¹⁰⁰ Куманяева, Н.А. // Война и украденные годы. – С. 100–112.

под открытым небом, питались корой деревьев, пили воду из окружающих болот. Задача у фашистов была одна: вызвать эпидемию тифа в рядах Советской Армии, наступающей на Витебск...¹⁰¹

В период с апреля по июнь 1944 г. из г. Витебска и ближайших районов насильно угнали в Германию 2400 детей, около 6000 были согнаны в лагерь «5-й полк» со своими родителями, которые позже были угнаны к линии фронта, в район Богусhevска, в качестве «живого заслона» для прикрытия отступления немецких войск. Вот что пишет в своих воспоминаниях 12-летний Андрей Усов: «...В апреле 1944 г. я и моя семья, состоящая из матери, бабушки и двух моих братьев – 4-х и 6-ти лет, – болели тифом. Всех нас со станции Лецы привезли в Витебск и поместили в больницу, где мы находились без всякого лечения. В начале июня нас в числе других тифознобольных отправили на ст. Витебск, где погрузили в эшелон и отвезли на передовую линию фронта»¹⁰².

Наиболее явно данное проявилось при организации силами вермахта лагеря прифронтовой полосы для гражданского населения в Озаричах, большинство которого составили женщины и дети¹⁰³.

Дети-доноры. Первым испытанием детей стали результаты расово-биологических комиссий, которые посещали сиротские заведения с целью выявления арийского и неарийского происхождения. Нередко к еврейским детям соотносили и белорусских. Уничтожая инвалидов, отдел охраны здоровья ГКБ тесно сотрудничал с СД, СС и вермахтом. Так, Червенская комендатура еще в августе 1941 г. высказалась насчет 144 детей «детского сумасшедшего дома» (Ideotenheim) и его ликвидации. Там из 144 детей 84 были тяжелобольными. Отдел охраны здоровья считал такое решение справедливым, так как не было уверенности, что хоть один ребенок может преодолеть такое психологическое заболевание, и, начиная с сентября 1943 г., неоднократно просил Главного командира СС и полиции в Минске ликвидировать «детское пекло». Практически такая же ситуация наблюдалась и в Домачевском детском доме. При отсутствии необходимого персонала и возможностей одни умирали от голода и дифтерии, другие в сентябре 1942 г. были расстреляны¹⁰⁴.

Имеются немногочисленные свидетельства, что для обеспечения донорской помощи военным госпиталям использовались детские лагеря. Одним из таких в 1944 г. для детей от 7 до 14 лет стал Красный Берег. «В апреле 1944 г. ранним утром ...они начали отнимать детей от 7–14 лет. Кричали родители. Дети кричали. Сплошной вопль. Знали, что берут детей в Красный Берег. Некоторые из окрестных деревень там работали и знали для чего»¹⁰⁵. И такие места возникали и в других регионах Беларуси при необходимости

¹⁰¹ Аникеев, Л. Тайна фашистских концлагерей. – С. 50–51.

¹⁰² Мишкорудная, А. Е. «Дети-узники концлагерей» // Дети войны. – С. 79.

¹⁰³ Озаричи – лагерь смерти. Документы и материалы / сост. М.И. Богдан, А.Н. Гесь, Н.А. Яцкевич. – Минск, 1997. – С. 4–7.

¹⁰⁴ К'яры, Б. Штодзеннасць за лініяй фронту... – С. 212, 218–219. *Жертвами стали 54 воспитанника Домачевского детского дома. В 1941 г. там жило 100 детей до 12 лет. Спасая от расправ, жители их брали в семьи на воспитание. Спасти всех не удалось. 23 сентября 1942 г. каратели ворвались в детский дом, погрузили оставшихся детей в машину и увезли. Их расстреляли вблизи р. Западный Буг. См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Минск, 2005. – С. 166.

¹⁰⁵ Лившиц, Г.Т. // Война и украденные годы. – С. 122–124.

в них со стороны оккупационных властей. Только в одном концлагере в Барановичах было убито 5,2 тыс. детей¹⁰⁶.

Кроме того, немалое число больных детей оставалось без опеки и медицинской помощи. Например, в Витебске в детдоме № 1 в 1942 г. находилось около 100 детей до 6 лет. Из-за неоказания помощи большинство из них умерло¹⁰⁷.

Дети сожженной Хатыни. Беларусь в образе сожженной 22 марта 1943 г. деревни Хатынь стала символом трагедии войны. Это были старики, женщины и дети. Из 149 чел. было 75 детей. Смогли сохранить жизнь 13-летний Володя **Яскевич**, его младшая сестра Соня и 12-летний Саша **Желобкович**. Кроме них 7-летний Витя **Желобкович** и 12-летний Антон **Барановский** смогли вырваться из огня живыми. Вот еще несколько детских историй. Подросток Юльян **Цалко** в д. Копанка Ельского района 18 июня 1942 г. навещал бабушку, но вместе с жителями деревни его загнали в сарай. Оккупанты сожгли 186 чел. Удалось спастись только ему и Реме **Стаховской** из Доманович (кроме мамы и бабушки был сожжен и братик Володя, а ее местный парень вытащил еще живой из кучи расстрелянных тел). В то же время в родной Юльяну деревне Круглое были сожжены его отец, мама, сестра Юля. В д. Парщаха Глуцкого района из 72 чел. было 46 детей (20.01.43). В д. Березинец Слуцкого района 23 февраля 1943 г. в семье Анны **Братковской** были сожжены мама, брат Вова (12 лет), сестра Соня (4 года). В д. Переходы Слуцкого района 23 февраля 1943 г. оккупантами сожжено 46 детей из 116 жителей деревни. Фаине **Анасович** было 11 лет, когда оккупанты 5 мая 1944 г., после нападения на них партизан, сжигали д. Борки Вилейского района вместе с 98 ее жителями. От страха девочка забралась в кучу веток сада. Холодно было, вся продрогла, но вылезла только после того, как все успокоилось. Так из всей деревни спаслась только эта девочка. У нее погибли два брата, сестра и мама¹⁰⁸.

1.4 Дети гетто

Самая большая трагедия гетто – это дети. Весь ужас безвыходного положения евреев отражался на них. Все лишения и беды дети переносили молча, не слышно было детского плача, они сидели притихшие, им не надо было ничего объяснять. Они все понимали, даже кушать не просили. Понимали, если будет еда – им дадут. Люди голодали, но последний кусок съедобного отдавали детям. На детей невозможно было смотреть. Они были похожи на маленьких мудрых старичков с печальными глазами. Когда с улицы доносились стрельба и крики, дети прижимались к взрослым, ужаснее всего было то, что взрослые не могли их защитить, не могли им ничем помочь¹⁰⁹.

Дети узников гетто не имели права учиться. В соответствии с распоряжением Генерального комиссара Беларуси в гетто нельзя было открывать школы. Однако для стабилизации обстановки еврейскому комитету удалось организовать для сирот детский дом по ул. Заславской.

¹⁰⁶ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 166.

¹⁰⁷ Пахомов, Н.И. Витебское подполье. – С. 28.

¹⁰⁸ Падаляк, Т. Нашчадкі вогненнага вясак: дакументальныя нарысы, эсэ, успаміны / Т. Падаляк. – Мінск, 2009. – С. 18–22, 24–25, 27, 29, 38, 122.

¹⁰⁹ Маломед, Б. Меня расстреляли 2 марта 1942 года / Б. Маломед // Выжить – подвиг. Воспоминания о Минском гетто. – Минск, 2008. – С. 83.

Выявление еврейских детей. Под влиянием происходящих процессов изменилась структура состава населения. Так, в г. Минске каждый второй имел возраст до 18 лет, в гетто – каждый пятый. Однако в Минске с 1941 г. действовала комиссия по определению национальности по внешнему виду. «Специалисты» выявляли еврейских детей и отправляли их обратно. В лучшем случае назад в гетто. Некоторые матери, боясь оставлять детей в гетто, брали их с собой на работу. Большая часть из-за голода пробиралась в «русский район» и нищенствовала. Вечерами они собирались у Западного моста около ул. Московской, поджидая рабочие колонны, чтобы с ними вернуться назад. Бывали случаи, когда мальчики «русского района» предупреждали полицейского, что «жиденки» ходят по домам¹¹⁰.

Или же «вдоль улиц Шорной и Коллекторной сновали полицейские-евреи из охраны порядка. Они громко на еврейском языке звали детей к себе. Притаившись в укромных местах полуразрушенных домов, подростки доверчиво отзывались на родную речь и покидали свои временные убежища, попадая в руки предателей, которые возвращали их обратно в гетто»¹¹¹.

Депортированные дети. Часть детей в гетто составили депортированные. Их судьбы мало чем отличались от белорусских. Но все же некоторые особенности присутствуют. Одна из них – транспортировка в Минск. По свидетельствам, например, охрану транспорта из Кельна сопровождали офицер и 13 полицейских. Дети также должны были оплачивать свой проезд, выплачивая половину названной суммы. Если у кого-то не было средств, то другие должны были компенсировать недостающую сумму. Их везли как преступников¹¹².

По словам немецкой исследовательницы Клары Хеккер о жизни детей в зондергетто известно очень мало¹¹³. Те, кто остался в живых, в своих рассказах почти не упоминают о них, хотя детей среди депортированных было много, особенно среди тех, кто прибыл с франкфуртским транспортом. Моника Кингрен пишет, что в числе евреев, депортированных из Франкфурта, было более семидесяти детей в возрасте от шести до двенадцати лет¹¹⁴. 63 еврея, депортированных из Бремена, были моложе четырнадцати лет¹¹⁵.

В зондергетто I была организована временная школа, которую посещали более семидесяти гессенских детишек. Занятия в школе вели учителя, депортированные из Франкфурта¹¹⁶. Хаим Барам в своих воспоминаниях – правда, в главе «События, о которых мне рассказывали», – упоминает, что однажды в класс ворвались эсэсовцы и расстреляли всех, кто там находился¹¹⁷.

¹¹⁰ Кнатько, Г.Д. История Минского гетто / Г.Д. Кнатько // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца). – Мінск, 2003. – С. 56–57.

¹¹¹ Мурох, В.И. В 10 лет стал киллером / В.И. Мурох. – М., 2008. – С. 12.

¹¹² Corbach, D. 6.00 Uhr ab Messe Köln – Deutz Deportationen 1938–1945 / D. Corbach. – Köln, 1994. – S. 171.

¹¹³ Хеккер, К. Немецкие евреи в Минском гетто. – Минск: Историческая мастерская, 2007. – С. 61–62.

¹¹⁴ Kingreen, M. «Wir werden darüber hinweg kommen». Letzte Lebenszeichen deportierter hessischer Juden. Eine dokumentarische Annäherung / M. Kingreen // Die Deportationen der Juden aus Deutschland. Pläne – Praxis – Reaktionen 1938–1945, hrsg. v. Birthe Kundrus und Beate Meyer. – Göttingen, 2004. – S. 86–111.

¹¹⁵ Es geht tatsächlich nach Minsk. Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18.11.1941 in das Vernichtungslager Minsk, hrsg. v. Staatsarchiv Bremen. – Bremen, 2001. – S. 124.

¹¹⁶ Kingreen, M. «Wir werden darüber hinweg kommen»... – S. 86.

¹¹⁷ Baram, Ch. Where was the sun 1939–45. – Israel: Gideon Behrendt, 1996. – S. 24. К данной главе Барам дает следующее пояснение: «Здесь речь идет о событиях, о которых мне довелось слышать от

Карл Левенштайн рассказывает о рождении ребенка. Это произошло в январе 1942 г. Однако уже через четыре недели младенец умер, потому что матери нечем было его кормить¹¹⁸.

Опасность даже от детей. В словах воспоминаний бывшей узницы Минского гетто Рахиль Раппопорт о сюрпризах судьбы в гетто первых месяцев оккупации – трагические ноты детской зависимой судьбы. Даже от мальчишек, которые в нашем воображении могут лишь мило шутить. «Мы еще не миновали кладбища, как за нашей спиной раздался пронзительный свист, и ватага мальчишек-подростков окружила нас. С гиком и улюлюканьем, поколачивая хворостинами, они погнали нас в сторону поселка. Так как Сара с Виточкой из-за ослабших ее ножек застревали, они больше усердствовали около нее, и, воспользовавшись этим, пригнувшись, я спряталась в кустах. Мальчишки не стали меня искать, и, удовлетвовав своей добычей, угнали Сару в поселок. Я вышла из кустов, когда они были уже далеко, и в глубоком отчаянии, не зная, что предпринять, заметалась взад и вперед.

Господи, господи, как спасти Сару с ребенком, как вырвать ее из рук маленьких негодяев? У кого просить помощи? Неужели на свете людей совсем не осталось? В окне барака я заметила молодую девушку, видимо, наблюдавшую всю эту сцену. Бросившись к ней, я постучала в окно. Она сразу скрылась. Не зная, как быть, но, зная, что не могу, не смею уйти с этого места, горько плача, я металась возле дома, и вскоре увидела несколько женщин с ведрами, идущих к колодезю. Колодезь был вблизи от дома. Шли женщины со стороны поселка, и, не думая о том, что они, скорее всего, немки, я бросилась к ним. Сбивчиво рассказывая о том, что произошло, я упрасивала их, молила отбить Сару с ребенком у мальчишек, пожалеть их, спасти. Набирая воду, они молча слушали меня. Слушали с замкнутыми лицами. Но не было злобности в их лицах. Наконец одна из них, молодая женщина, подняв голову, сказала мне: «Я их отобью и приведу вам, только ожидайте нас не здесь, а там», – и указала в сторону рва, откуда мы пришли. Я ринулась туда с бешено колотящимся сердцем. Прошло некоторое время, и я увидела приближающуюся ко мне со стороны поселка группку. Впереди шла женщина и вела под руки пошатывающуюся, с заплаканным лицом, Сару, за ней девочка лет девяти-десяти, показавшаяся мне в этот момент маленьким ангелом, спустившимся с неба, почти несла на своих детских руках Виту. «А теперь, сказала женщина, – уходите отсюда как можно быстрее». Она ушла со своей дочерью, не слушая наших благодарностей»¹¹⁹.

В ряду сложных представлений о возможном появлении детей в партизанских зонах с целью сбора разведанных для оккупационных органов имеются некоторые сведения. Так, в одном из отрядов в восточной части БССР был пойман и разоблачен подросток-диверсант, который заявил, что Минское отделение гестапо подготовило и направило в партизанские отряды 300 человек подростков – бывших беспризорников с задачей выводить из строя руководящий комполитсостав отрядов¹²⁰. При этом, по сообщениям разведорганов,

моих друзей; я решил записать и их. Это события, происходившие в гетто тогда, когда я находился в карауле у складов амуниции».

¹¹⁸ Loewenstein, K. Minsk. Im Lager der deutschen Juden / K. Loewenstein. – Bonn, 1961. – S. 42.

¹¹⁹ Раппопорт, Р. Остаться собой / Р. Раппопорт // Выжить – подвиг. – С. 29.

¹²⁰ НАРБ. – Ф. 1399. – Оп. 1. – ЕХ. 21. – Л. 26.

засылка агентов так велика, что только по Минскому соединению за май 1943 г. было выявлено и расстреляно 40 агентов, а 15 несовершеннолетних было отпущено¹²¹.

Уничтожение детей. В зондергетто в августе 1942 г. **Рюбе** обнаружил группу детей-сирот. На следующий день прибыл «специальный грузовик» и фрау **Бибер**, собственные дети которой тоже были там, умоляла эсэсовцев пощадить их, оставив хотя бы маленьких. Пригрозив взять и ее в машину, они уехали¹²². Из организованного в Минском гетто детского дома для сирот по Заславской улице, что у самой границы гетто, в феврале 1942 г. в ходе облавы детей вывезли на еврейское кладбище и расстреляли¹²³. В апреле 1943 г. он был уничтожен.

О тех, которые так и не родились. «Лиза была беременна еще довоенной беременностью и вскоре у нее начались роды. Родила она мальчика. Здорового, орущего младенца во что-то завернули, вынесли из комнаты и где-то выкинули. Мать едва взглянула на него и не обронила ни одной слезы – нужно было Томочку спасать, милую свою, любимую Томочку. Лиза была в числе немногих еще рожавших в гетто женщин. Вскоре это полностью прекратилось. Детей нельзя было сберечь. Погибали не только новорожденные. Маленькие дети до четырех лет не умели еще разумно вести себя. Они не понимали, когда их затаскивали в «малины», что следует затаить дыхание, не издавать ни звука и молчать, молчать. Случалось, когда затаившиеся в тайниках люди, при приближении немцев, боясь, что малыши выдадут их плачем, душили их на коленях матерей и те не смели роптать. На одном из последних этапов существования гетто, незадолго до моего побега из него, когда осталось всего несколько улиц и немного людей, какая-то женщина забеременела. Это была сенсация, распространившаяся по всему гетто»¹²⁴.

Во время погрома (7 ноября 1941 г.) у Доры, сестры Раи, начались роды. Рая, ее мама и еще одна женщина, она была медсестрой, все время были возле Доры. Она корчилась от боли, руками зажимала себе рот. Потом засунула себе в рот какую-то тряпку, чтобы не закричать. И вдруг в этой страшной тишине раздался крик родившегося ребенка. В этом ужасе родился мальчик. Все застыли в страхе, некоторые стали шептать: «Теперь мы все погибнем!» Другие охали, шепотом приговаривая: «Погибаем!» Ребенок как внезапно закричал, так вдруг и замолчал. Стало так тихо, что слышно было, как люди тяжело дышат. Никто не спрашивал, почему ребенок перестал кричать. Люди опустили головы и не смотрели друг на друга. Бабушка этого ребенка сидела, закрыв лицо руками и качалась из стороны в сторону. Отец Доры, который лелеял мечту стать дедушкой и который с нетерпением ждал первого внука, положил на долгожданного, только что родившегося своего внука подушку¹²⁵. Немало было примеров в Минском гетто, когда для спасения всей группы укрывшиеся в «малинах» матери душили своих детей¹²⁶.

¹²¹ Соловьев, А.К. Они действовали под разными псевдонимами / А.К. Соловьев; под ред. С.М. Симанова. – Минск, 1994. – С. 93.

¹²² Rosenberg, H. Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage / H. Rosenberg. – Göttingen, 1985. – S. 34, 37, 49.

¹²³ Кнацько, Г.Д. История Минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне... – С. 56–57.

¹²⁴ Раппопорт, Р. Остаться собой // Выжить – подвиг. – С. 36.

¹²⁵ Маломед, Б. Меня расстреляли 2 марта 1942 года // Выжить – подвиг. – С. 88.

¹²⁶ Иоффе, Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск, 2003. – С. 76.

Даже те, которые должны были родиться в 1943 г., так и не родились. По представлению на декабрь 1942 г. комиссара г. Минска Вильгельма Янецке «*впервые в этом отчетном периоде в гетто не отмечено ни одного рождения*». Методы устрашения были жестоки. Когда в госпитале комендант гетто Рюбе (1943 г.) увидел 30 беременных женщин, он приказал СС-цам их расстрелять тут же вблизи госпиталя¹²⁷.

1.5 Праведники и спасение детей

Опыт совместного выживания. В совокупности 587 граждан Беларуси (на 1.01.2008) признаны «Праведниками народов мира» за спасение евреев от уничтожения в годы германской оккупации¹²⁸. Они рисковали собственной жизнью, жизнью своих родных и близких, а также соседей. Однако они выжили и помогли выжить другим. В данном поведении есть много закономерностей и особенностей, отпечаток коллективного и сугубо персонального поведения. Да и характер большинства событий во многом драматичен и непостижим в простом восприятии.

Уход из гетто был связан с передвижением в безопасные места. Таковыми могли быть квартиры или жилища знакомых, которые готовы были принять. Так как ситуация изменилась, и многие покинули город или переехали в другой район, то найти их было достаточно сложно. За короткое время надо было в тяжелых условиях найти тех, кто согласился бы рисковать и принять родителей, женщин, детей. При анализе 47 случаев спасения из Минского гетто в 27 из них использовали свои связи со знакомыми им соседями. Для них путь к спасению был знаком, остальные приобретали такую надежду в сложнейших условиях. Приходилось адаптироваться к новым условиям. Как правило, дети или подростки, молодые люди зачастую были внешне мало похожи на евреев. Им выдавали паспорта с новыми фамилиями, их крестили в православных церквях, их принимали в детские приюты или дома и это служило гарантом признания перед германскими органами об их белорусском происхождении (в дальнейшем им предстояла борьба вернуть свою еврейскую идентичность. – *К.К.*). Всего в Минске в не менее чем в 27 случаях спасители прибегали к подготовке новых документов или паспортов, крещению, где в церковные книги (в одном случае обряд крещения произведен в католическом костеле) вносились новые имена и национальность¹²⁹.

Особенно значим, например, поступок бывшей директрисы детского дома № 7 Веры **Спарнинг**. Она взяла под свою опеку 35 еврейских детей. Изменила их имена и подделала их личные дела с тем, чтобы никто не догадался, что они – еврей¹³⁰. Анна **Величко**, работая в детском доме № 3 г. Минска, вместе с другими работниками способствовала приобретению свидетельств

¹²⁷ Отчет комиссара г. Минска В. Янецке о положении в городе, 3 декабря 1942 г. // *Judenfrei! Свободно от евреев.* – С. 77; Воспоминания жителя г.Гамбурга Хайнца Розенберга, бывшего узника Минского гетто // *Judenfrei! Свободно от евреев.* – С. 236.

¹²⁸ Феферман, К. К вопросу о спасении евреев неевреями на оккупированной территории Советской Белоруссии и присвоения их спасителям звания «Праведник народов мира» / К. Феферман // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. Сборник научных работ / сост. и ред. Я.З. Басин. – Минск, 2005. – С. 139.

¹²⁹ Козак, К.И. Германский оккупационный режим в Беларуси: Геноцид, Холокост и борьба за выживание еврейского населения / К.И. Козак // *Праведники народов мира.* – С. 28, 35.

¹³⁰ *Праведники народов мира Беларуси.* – С. 135.

для немалого числа еврейских детей на основании крещения их православным священником¹³¹. В схожей ситуации **Василий Орлов**, работая в Минской городской управе, вместе с подпольщиками Минского гетто, по разработанному Михаилом **Гебелевым** плану, участвовал в спасении 300 еврейских детей¹³². Еще один такой пример связан с организацией сиротского дома **К.В. Сквородкиным** в Борисове. Там среди других были и еврейские дети. Для сохранения жизни ему пришлось скрыть имена Люси **Бейнинсон**, Ханы **Липкинд**, Лени **Неймана** и др. Иногда удавалось из других мест добраться до Минска и под новым документом найти себе работу. Так, Гиня **Мац** из Бобруйска при помощи Галины **Михолап** под фамилией **Бородач** была переправлена в Минск, где ее никто не знал, и устроилась санитаркой в немецкий госпиталь. Она передавала медикаменты партизанам и вскоре стала их связной¹³³.

В некоторых случаях матери подбрасывали детей в дома в надежде, что это поможет им выжить. В других случаях свидетели уничтожения еврейских детей самостоятельно принимали решения по определению детей в специальные дома или учреждения. Вот некоторые примеры. Еврейская тринадцатилетняя девочка Хана **Цирульник** (Анна Юшкевич) попала в русский детдом. *«Ходила просить по домам. Зашла в детский сад на Интернациональной. Повар, очень добрая тетя Дуня, налила затирки в миску. Увидела заведующую Мария Васильевна **Бабиц**, позвала: «Малая, хочешь в детдом?» – «Да, хочу», – обрадовалась я. «Тогда приходи завтра утром». Еле-еле пережила ночь. Выстирала одно-единственное платье, что осталось. Утром говорю маме: «Ухожу в детдом». Попрощалась со своими и пошла к проволоке. Ходит полицией. Пока искала, где можно перелезть, заведующая уже выходила из ворот детдома с мужчиной. Показала идти следом. На Карла Маркса, возле управления, сказала: «Подожди, зайдешь позже, скажешь, в деревне работала у пана». Так я и сделала. ...Немолодой воспитатель **Якубовский Иван Александрович** всю дорогу учил: не признавайтесь, в комиссии немцы: «Скажи на горе Арарат, сними шапку, платок, посмотри вперед, в сторону...». Воспитатель, как мог, отстаивал нас. И отстоял (Хана это говорила с гордостью)»¹³⁴.*

Редко данная для спасения фамилия так и оставалась, несмотря на то что родители все же отыскали своих детей или когда ребенок узнавал свою настоящую фамилию. Так, минчанка Эмилия **Варакса** для спасения Изи **Марголина** достала ему документы на имя Иосифа Казимировича **Козловского**. В 1943 г. он присоединяется к партизанскому отряду «Грозный» и с тех пор по-прежнему носит фамилию **Козловский**. Случайная встреча с населением в д. Бобры (Речицкий р-н), когда потребовалось сказать о Басе **Пикман**, что она не еврейка, а сестра ее сопровождавшей Лены **Поцелуйко**, изменила отношения. Положение улучшилось после того, как был приобретен паспорт на имя

¹³¹ Праведники народов мира Беларуси. – С. 77, 135.

¹³² Таубкин, Д. Если бы не он... / Д. Таубкин // Авив. – Май – июнь 2006. – № 5–6. – С. 15. *После войны В. Орлова обвиняли в пособничестве оккупантам за работу в управе, однако учли гуманитарную деятельность. В начале 2000-х годов инициаторами представления Орлова к званию Праведника стали бывшие малолетние узники гетто. См.: Там же.

¹³³ Праведники народов мира Беларуси. – С. 33, 35–36. *После войны они вернули свои имена и фамилии. См.: Там же.

¹³⁴ Давыдова, Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть / Г.Р. Давыдова. – Минск, 2000. – С. 69.

Натальи Матвеевны **Поцелуйко**. Более надежно себя чувствовала Бронислава **Альтшулер**, совершившая побег из Минского гетто в Бобруйск после того, как ей Виктор **Ялович** представил документы о ее белорусском происхождении на фамилию **Козелко**¹³⁵.

Оставленные дети и их сложные судьбы. Это грудные или дети, оставленные родителями перед домами или на улице в надежде, что их возьмут новые родители на воспитание, и дети таким образом смогут выжить. После этого настоящие родители, погибая в гетто, навсегда покидали детей без подлинных историй их происхождения. Новые родители могли только лишь догадываться о настоящем, а нередко их представления были достаточно далеки от реальных событий. Так, узнице Минского гетто **Токарской** удалось вынести свою двухгодовалую дочь Валентину из гетто и оставить в разрушенном доме. Оставив малышку в разрушенном доме, мать спряталась недалеко, чтобы проследить за дальнейшими событиями. Когда девочка заплакала, проходивший мимо мужчина заметил ее и взял на руки. Поскольку все происходило в районе гетто, мужчина подозревал, что это еврейский ребенок. Мать издали следила за мужчиной, уносящим ее дочь. Она видела, как он зашел в жилой дом. После этого мать девочки вернулась в гетто и с остальными узниками ушла на работу¹³⁶.

Немало еще примеров, когда родители, оставляя знакомым своих детей, тем не менее оставляли подробные письма (записки) для детей о их происхождении. Так, перед уходом в Минское гетто, **Лея Рудерман** оставила два письма, завещанные сыну. Она догадывалась, что больше никогда не увидит его, и хотела, чтобы сын хотя бы из писем узнал, кто его родители. Первое письмо было адресовано Надежде **Крезо**, а второе – мужу: *«Я пишу тебе это письмо в момент, когда мне нужно расстаться с моей единственной радостью (нашим сыном). Я пошла на такой шаг потому, что хочу сохранить хотя бы его жизнь. Моя жизнь прожита, и сейчас приходится каждую минуту ждать смерти, но она мне не страшна, потому что я умираю с сознанием того, что, может быть, ты вернешься, застанешь нашего сына и вдвоем вспомните меня когда-нибудь...»*¹³⁷. В другом случае **Анна Гуревич** представляет свою историю, когда мама оставляет двух с половиной годовалого ребенка у входа в детский дом с запиской в кармане «**Аня Патеко**». Таким же образом перед уходом в партизаны была оставлена своей мамой **Идой Видерман** девочка **Женя (Печкова)**¹³⁸.

Подобных историй немало. Так, с лета 1942 г. Белла **Блюмкина** бежала из Минского гетто вместе с 3-летней дочерью, попала в партизанский отряд, однако женщине с ребенком не разрешили оставаться там постоянно. Начались скитания по деревням и хуторам. И только Александр **Прокопович** из д. Кучкуны (Столбцовский р-н) предложил спрятать ребенка в его доме. Оставив его, она вернулась назад только в ноябре 1943 г. После этого и Белла нашла здесь укрытие до окончания оккупации¹³⁹.

¹³⁵ Праведники народов мира Беларуси. – С. 17, 29, 112.

¹³⁶ Там же. – С. 11.

¹³⁷ Там же. – С. 113. *Родители Леонида Рудермана погибли, и семья Крезо в 1945 г. оформила над ним опеку. Так Лея прожил со своими спасителями до свадьбы в 1965 г. См.: Герасимова, И. Уникальные документы / И. Герасимова // Авив. – Июнь – июль 2003. – № 6–7. – С. 6.

¹³⁸ Праведники народов мира Беларуси. – С. 77.

¹³⁹ Там же. – С. 120.

При этом не всегда такие действия имели успех. Ведь ситуация и для приютивших или взявших на себя обязанности новых родителей была крайне сложная. Например, доктор Генри Рид из Столина, боясь, что при бегстве из города трехлетний малыш Саша не выдержит тяжелых условий жизни, передал его давним знакомым. Но те, из-за страха быть самими расстрелянными, не смогли ребенка долго держать у себя и передали его немецким властям¹⁴⁰.

Для некоторых детей родители добывали новые документы об их происхождении, а затем передавали в детские дома. Таким был путь минчанина Марата Гальперина (1932 г.р.), которому по новым документам на Марата Калиновского удалось устроиться в детский дом. И только после того как его мать стала партизанкой, он в 1943 г. был переправлен в отряд. У Лени Сацункевича из Шепелевичей (Могилевская обл.) были убиты мама, 11-летняя сестра Лариса. Его одного взяла на воспитание 18-летняя Анна Борисенок. Она отвела его в другую деревню и крестила в местной церкви. Однако Борисенок вместе с другими женщинами забрали на принудительные работы в Германию. Трехлетний Леня остался один. Он переходил от одной семьи к другой. Оккупанты, узнав, что его отец командир партизанского соединения «Разгром», схватили ребенка в качестве заложника. Однако партизанам удалось похитить его из гарнизона Шепелевичи и спрятать в доме Виктории Барановской. В апреле 1943 г. при поиске командирского сына в д. Падар каратели сожгли всю семью¹⁴¹.

Некоторые дети еще в начальный период войны были оставлены родителями. Это касается, прежде всего, отдохавших в лагерях и находившихся в детских домах. Некоторые из них эвакуировались, а другие вынуждены были возвратиться назад. Так, Юлия Кухто в Бешенковичах летом 1941 г. после бомбежки взяла 4-месячного Алика и его брата Марика, потерявших свою маму Сару Борисовну (она, как оказалось, добралась до Могилева и была отправлена в глубокий тыл. Работала врачом), а их отец, Липа Соломонович, погиб на фронте в первые дни войны. Для того чтобы кормить детей, она мыла полы соседям, потом устроилась на кухню в немецкий госпиталь. Обоих она отвела в церковь и покрестила, чтобы иметь метрики, по которым можно было получать паек. В метрике Марика записала Кухто Марк Иванович. И так все три года оккупации прожила с ними¹⁴².

Семья Лукьяновичей помогала выжить маленькой Наташе Рабинович. Когда в июле 1942 г. немцы гнали по городу к месту казни колонну евреев, одна из узниц Минского гетто – Рабинович – шла вместе с двумя дочерьми: двухлетней Наташей и ее сестренкой семи лет. Надеясь на спасение детей, она вытолкнула младшую на тротуар. Оказавшаяся свидетельницей этого ужасного шествия Софья Лукьянович без раздумий схватила девочку и скрылась с ней в толпе. Наташу выдали за близкую родственницу, а сама она называла

¹⁴⁰ Там же. – С. 13.

¹⁴¹ Там же. – С. 40–41, 101–102. * Леня был переправлен в Кличевский район, а затем с партизанского аэродрома в тыл. См.: Там же. – С. 102. * Сацункевич И.Л. – один из организаторов партизанского движения, подпольных партийных органов в Минской области. Командир отдельного отряда «Разгром» (02–09.42). См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск, 1983. – С. 402, 406, 484, 497.

¹⁴² Праведники народов мира Беларуси. – С. 106.

Софью и ее мужа мамой и папой, а их дочь Свету – сестрой¹⁴³. Как правило, принимаемые в таких случаях меры предосторожности помогали обезопасить такие семьи. Так, после принятия в декабре 1942 г. двухлетней Тани – дочери узницы Минского гетто Ольги **Циммеровой** – спасительница Александра **Гржибовская** вскоре переехала в Гомель и переписала ее на свою фамилию¹⁴⁴.

Такая борьба продолжалась до последнего дня оккупации. Уже в последний день ликвидации Минского гетто, 23 октября 1943 г., погибла мать семилетней Анны **Крайзельман**. Самой девочке чудом удалось спастись. В тот роковой день ранним утром Аня с подругой проползли под проволокой, окружавшей территорию гетто, и отправились в город на поиски продуктов. Целый день провели девочки, прося подавание, а когда к вечеру они приблизились к гетто, незнакомая женщина остановила их и предупредила о погроме. В ужасе дети провели ночь в развалинах города. На следующий день детей приютили незнакомые люди. Однако через некоторое время подругу Ани по доносу забрали полицаи и расстреляли. Женщина, приютившая девочку, опасаясь за свою семью, все же попросила Аню уйти. В конце 1943 г. Аня пришла в семью **Герасимовичей**, своих бывших соседей, и попросила спрятать ее. И до конца войны **Герасимовичи** обеспечивали ей безопасность проживания¹⁴⁵.

Несколько схожей является история еще одной семьи – **Левиных** из Минска. Они до войны были добрыми белорусскими соседями с **Уласиками**. Когда главу семейства **Уласиков** репрессировали в 1938 г., то **Левины** взяли на себя обязательства помогать и поддерживать его семью. Во время войны врачи **Левины** были мобилизованы на фронт, а троих детей оставили на попечение бабушки. В дни организации гетто они остались в семействе **Уласиков**, но по требованию полиции их переселили в гетто. Через некоторое время няне Екатерине **Голоцевич** удалось достать документы для Ларисы, после чего она забрала ее из гетто. Сын Владик сбежал и также остался у нее, однако при попытке перейти к партизанам он был схвачен полицией и расстрелян¹⁴⁶.

Полна трагизма история спасения девятилетнего Бориса **Левитана**. Он после побега в октябре 1942 г. из Минского гетто вынужден был в пути оставить больную мать и идти один. Дойдя до Радошкович, в доме Ольги **Кулиной** он нашел убежище. Как сын там оставался до 1951 г.¹⁴⁷

Нередко действия представителей оккупационных органов в отношении еврейского населения классифицировались однозначно – как преступные. Однако при критическом отношении к данному немало примеров, когда внешне злобные действия в конечном итоге давали положительный результат. В другом случае Мария **Мирук** для спасения Любы – дочки брата из Борисовского гетто – предложила полицейскому сумку с продуктами, а когда тот ушел разговаривать с немцами, то один из них вырвал из рук матери ребенка и бросил идущей за ним Марии. Она же подхватила девочку и убежала¹⁴⁸. Или в другом

¹⁴³ Там же. – С. 122. *После войны настоящий отец вернулся с фронта в звании генерал-майора, разыскал Наташу.

¹⁴⁴ Там же. – С. 41–42. *Единственный оставшийся в живых отец разыскал и забрал дочь. См.: Там же.

¹⁴⁵ Там же. – С. 113–114.

¹⁴⁶ Там же. – С. 94–95. *Лариса после войны была найдена родителями и возвратилась с ними в Минск. См.: Там же. – С. 95.

¹⁴⁷ Праведники народов мира Беларуси. – С. 43.

¹⁴⁸ Праведники народов мира Беларуси. – С. 107. *В данной ситуации две другие сестры осуждали женитьбу брата на еврейке, для чего Мария пряталась на дальнем хуторе и стремилась, чтобы сестры не узнали о спасении ребенка. См.: Там же.

случае в Чаусах при перемещении евреев к месту расстрела один из охранников обратился к бабушке Тамары **Ползик**: «Отдай мне девочку, она же русская». Затем ее забрала к себе соседка Вера **Перцева**, а после того как ее с «русскими» документами угнали на принудительные работы в Германию, местная работница **Франсуа Трико**, договорившись с охраной, забрала ее к себе¹⁴⁹.

Некоторым для спасения евреев приходилось покидать свои собственные жилища. В этом случае они становились преследуемыми беглецами. Например, полиция, узнав о местонахождении двухлетней еврейской девочки, потребовала от Юлианы **Виноградовой**, которая проживала вместе с дочерью в Лиозно, передать ее в полицейский участок. Не выполнив указания, они с 1942 г. скрывались у родственников, затем у соседей. Девочка Полина **Смородина (Леонова)** и после войны проживала в семье **Виноградовых**¹⁵⁰.

Преднамеренное сотрудничество или послушание из-за страха быть убитым? Проживая временно или постоянно, бывшие узники гетто или евреи по ряду обстоятельств были узнаваемы соседями, жителями населенных пунктов, а иногда и местной полицией. В некоторых случаях они доносили германским органам. Одни боялись за жизнь своих детей, другие стремились быть послушными требуемым от них обязательствам, третьи могли быть сторонниками идеологии национал-социалистов. А нередко взятых под присмотр детей отдавали назад. Так, переданный белорусской семье маленький Лева через месяц был возвращен назад узнице Минского гетто Риве **Грингауз**, так как он все время плакал, а это представляло опасность¹⁵¹.

К примеру, по анонимному доносу об укрывательстве двухлетней еврейской девочки в д. Носилово (Молодечненский р-н) арестовали кроме Владимира **Имшеник** и его жены Галины (признаны Праведниками) подозреваемую Елену **Жодинскую**, да еще и мать Галины – Е.А. **Славинскую**. В их семье также имелся и шестилетний сын. Так как никто из соседей не выдал, то пришлось оккупационным службам их выпустить. В такой ситуации очевидно, что степень риска для всех была предельной¹⁵². По словам Людмилы **Мачуленко**, одна женщина донесла на свою соседку-полуеврейку, затем открыто говорила, что в ее доме еще остается 4 детей¹⁵³. В Юровичах (Калинковичский р-н) полицейский Василий **Прищеп** застрелил жену-еврейку Симу и ее дочь от первого брака. Полицай из Парич Иван **Менц** убил свою жену-еврейку **Фрейдлу Нисман** и двоих детей¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Там же. – С. 108.

¹⁵⁰ Праведники народов мира Беларуси. – С. 72. *Перед расстрелом мама Полины достала документы, что у нее отец русский. В доме Виноградовой соседи указывали Полине на ее неродственные отношения с Ю.С. Виноградовой. Однако Полина держала в себе страх, но никогда не спрашивала об этом. Виноградова также никому не рассказывала о своей «приемной дочери». См.: Кяры Б. Лес беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 10 лістапада 2004 г. – Мінск, 2005. – С. 81.

¹⁵¹ Там же. – С. 109.

¹⁵² Праведники народов мира Беларуси. – С. 23.

¹⁵³ Кяры Б. Лес беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізца да незразумелага / Б. Кяры // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг. – С. 81. *Все дети сумели пережить оккупацию и остались живы. См.: Там же.

¹⁵⁴ Смиловицкий, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. – С. 83. *После освобождения Беларуси Василия Прищеп судили, и он умер в Мозырской тюрьме. Иван Менц после ареста повесился в тюрьме. См.: Там же.

Немало женщин находилось в сложном положении из-за страха за жизнь своих детей. Даже когда пришла сестра Мария с пятилетней дочерью из гетто к своей сестре в д. Брусы Борисовского района, которая замужем была за русским, то та, опасаясь, что могут расстрелять ее детей и ее семью, переправила Марию к знакомым. Те – к оставшимся без родителей детям – **Черным**: Анне (самой старшей – 14 лет), Вале и Виктору. Вот так, все вместе, претерпевая холод и голод, собирая травы и гнилую картошку, тягая на себе плуг при посадке картошки, выжили¹⁵⁵.

Немало было примеров оказания помощи евреям со стороны представителей оккупационных органов. Нина **Герасимова** (1928 г.р., г. Чаусы) вспоминала, что спастись ей, дочери расстрелянного еврея Бориса Абрамовича **Шустермана**, помог полицейский **Ковалев**, знакомый матери. Когда вместе с другими детьми от смешанных браков Нину арестовали, ее мать собрала подписи соседей, что девочка родилась от Ивана Петровича **Лялькова**, который когда-то за ней ухаживал. Молодой переводчик из гестапо, который вместе с бургомистром вскоре после этого случая со всеми немецкими документами перешел к партизанам, выдал Нине новый аусвайс на имя **Ляльковой**¹⁵⁶.

Выживши, еще надо жить. Выжившие становились свидетелями чудовищных преступлений нацистов – убийства родных. Один из мальчиков по имени Лева упал в яму расстрелянных живым. После расстрела услышали его голос. Вытащили из ямы, пересадили через забор. Мальчик через поле и огороды пришел в «русский район». В ближайшем доме его помыли и накормили. А затем он вынужден был уйти обратно в гетто¹⁵⁷. В этом трагическом образе предстают перед малолетними узниками **Майей Крапиной** убитые папа, младшая сестренка, повешенная на Юбилейной площади мама; **Фридой Рейзман** – кусочек хлеба, переданный ей мамой из рук задохнувшегося в «малине» ребенка. Неудивительно, что в гетто дети научились вести себя как взрослые¹⁵⁸.

Мы помогли детям. Среди населения, как и самих узников гетто, было немало, кто поддерживал и помогал детям в самые трудные минуты их жизни. Ситуации были разными. Вот, к примеру, среди узников зондергетто было достаточно учителей и они в состоянии были организовать школу для обучения 50 детей. Однако на практике оказалось, что дети были достаточно обучены и подготовлены¹⁵⁹. По мере карательной деятельности в гетто фрау **Бибер** со своей подругой собрали детей-сирот и разместили в одной комнате большого дома. Дети были из разных городов и частей гетто. Вместе с ними было трое детей и фрау **Бибер**. Такой пример совместного проживания придал всем

¹⁵⁵ Черная Анна Алексеевна // ... На перекрестках судеб. – С. 211–216.

¹⁵⁶ Шендерович, И. Спасатели / И. Шендерович // История могилевского еврейства: Документы и люди: науч.-популяр. очерки и жизнеописания. В 2 кн. Кн. 2, ч.2 / сост.: А. Литин, И. Шендерович. – Могилев, 2009. – С. 208.

¹⁵⁷ Справка Н.А. Косого о массовом истреблении еврейского населения Минска. 24 марта 1944 г. // Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы. – С. 198.

¹⁵⁸ Антонова-Мельянович, Т. Территория боли / Т. Антонова-Мельянович // Труд. – 3–9 марта 2005. – № 36. – С. 13; Из воспоминаний М.И. Левиной-Крапиной, узницы Минского гетто // Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. – Минск, 1995. – С. 154–156; Шибалис, М. Когда седеют дети. Судьба трех девочек их Минского гетто / М. Шибалис // Народная газета. – 1 лістапада 1996.

¹⁵⁹ Loewenstein, K. Minsk. Im Lager der deutschen Juden / K. Loewenstein. – Bonn, 1961. – S. 42.

им силы и спокойствие. Однако по обнаружению лагерным руководством они были все отравлены газом¹⁶⁰.

После знакомства с еще одним еврейским семейным отрядом номер 106 (ком. Шалом **Зорин**) группа из состава 9 партизан отряда им. М.И. Калинина (ком. Тувья **Бельский**) решила помочь им в обустройстве семейного лагеря: одеть всех спасенных детей, заготовить продукты, чтобы они смогли пережить зиму. *«Мы разведали хутора, где жили семьи «бобиков»-предателей. Что это за публика, мы хорошо насмотрелись в гетто. Ночью мы окружали хутор и забирали с него все. Действовали как налетчики, но у кого повернется язык так нас назвать? Мы спасали детей»*¹⁶¹.

Семилетняя девочка **Майя Радашковская** вместе с сестрой осталась без родителей в пионерском лагере Колодищи, что недалеко от Минска. Около 150 подростков, которым было по 7–14 лет, воспитатели привели в Минск. Часть нашла своих родных, а другая – начала поиски близких. Там после скитаний, неустройства Майя была передана сестрой в сиротский дом на Заславской. В последний день гибели Минского гетто 23 октября 1943 г. Майе удалось бежать. Вначале она находилась в семье **Бовтов**, где проживало с родителями трое детей. Оборудованный временный схрон помог на протяжении 2 месяцев переждать наиболее опасное время. Прибывшая племянница переправила в безопасное место. Там для спасения приходилось ходить по домам и просить, чтобы пустили ночевать. Немногим позже в д. Перхурово Койдановского района удалось устроиться в помощницы к старушке-инвалиду, а весной 1944 г. найти еще одно место по соседству. Вот так и дождалась дня освобождения¹⁶².

Они просто нас спасали. Вот только одна из сотен подобных историй, но которая хоть частично сохранила имена своих спасителей. Вначале это были просто соседи по гетто (имена неизвестны), которые после гибели родителей не оставили девочку **Аллу Городкевич**. Они приняли ее к себе. Им же удалось вырваться из Минского гетто. В августе 1943 г. они добрались до д. Вишневка Минской области и там оставили девочку у крестьянки **Прасковьи Хмыз**, которая даже не была ранее знакома с ними. Вот у нее Алла и оставалась до самого освобождения. А по окончании войны ее удочерила семья **Шапиро**¹⁶³.

О возможностях спасения детей под разными предложениями говорят многие. Среди таковых и **Раппопорт**. Еще в начале 1942 г. *«...я сказала Саре, чтобы она просила **Иванова** в записках, которые передавала ему, забрать **Виточку** из гетто. Ребенка спрятать было нетрудно. Мы знали случаи, когда друзья подобным образом спасали детей. Так, например, домработницей был спасен*

¹⁶⁰ Rosenberg, H. Jahre des Schreckens... – S. 49. *Флорентана Бибер, 16.12.1909 г.р., Глайвитц; Денни, 15.10.1939; Ильзе, 19.07.1936; Рут, 31.05.1931 г.р. – депортированы из Гамбурга 18 ноября 1941 г. См.: Hamburger jüdische Opfer des Nationalsozialismus. Gedenkbuch. – Hamburg, 1995. – S. 36.

¹⁶¹ Левин, Н. Любовь и смерть / Н. Левин // В. Левин, Д. Мельцер. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). – Балтимор, 1996. – С. 504–505. *Данные отряды в списке партизанских формирований Беларуси не значатся. См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск, 1983. – 765 с.

¹⁶² Радашковская Майя // Праведники народов мира. – С. 223–226.

¹⁶³ Праведники народов мира Беларуси / сост: И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. – Минск, 2004. – С. 145–146.

сын профессора Ситермана»¹⁶⁴. В обычной ситуации девочка Л. Кецко привела к себе домой мальчика, у которого маму убили в Минском гетто. Родители поддержали такое решение дочки. Помыли, дали поесть и отдохнуть мальчику, а потом передали в детский дом № 2 по переулку Красивый г. Минска. Там уже было немало еврейских детей, в том числе и из гетто. Им давались русские фамилии, а при угрозах облав их забирали к себе. И все это делалось группой христиан Евангелической церкви для спасения детей. В этой истории счастливый финал. Когда закончилась война, они снова встретились¹⁶⁵.

Однако не все истории были такими. Так, Евгений Лямперт (1936 г.р.), 24 июня 1941 г., спасаясь во время бомбардировки Минска, вместе с братом Львом (1929 г.р.) в общей суматохе потеряли сестру Берту (1938 г.р.). Оставшись одни в городе, братья вскоре попадают в гетто. С февраля 1942 г. спасались вне гетто. Им помогали многие, но их имена не запомнили. Попав в детский приют № 3, братья нашли свое спасение. Уже после войны встретились с мамой, а сестра Берта так и не нашлась¹⁶⁶.

Детские дома как места спасения еврейских детей. Воспитательница детского дома в Могилеве Юзефа Иосифовна Куявская поменяла имена и документы, что стало спасением Гиты Эйдельмант, Зины Соморовой и Леонида Симонковского¹⁶⁷. Неудивительно, что немалое число таких детей так и не узнает о настоящих своих родителях. Нередко в послевоенное время им приходилось через суды восстанавливать свою национальность. Поучительной в данном отношении может быть история с Марией Иосифовной Жуковой. Она также находилась в детском доме № 3, имея русскую фамилию, как у большинства еврейских детей, которых спасали воспитатели. Без документов и родителей им и после войны приходилось оставаться в сложном положении, задавая вопрос, а кто я есть? В такой ситуации даже брат и сестра рисковали остаться не признанными. Так, Лариса Лозовая (Каганович) в детдоме № 3 г. Минска была записана под фамилией Чернушева, а брат Эрик – под фамилией Бажанов¹⁶⁸.

Детские дома и проводимые селекции. В Минске на конец 1942 г. подростки до 18 лет составляли около половины жителей, а в гетто их было 2127, или 22,5 %. Организованный для сирот детский дом по Заславской улице у самой границы гетто в апреле 1943 г. был уничтожен. Еще ранее, в феврале 1942 г., в ходе облавы детей вывезли на еврейское кладбище и расстреляли¹⁶⁹.

В ряде случаев о находящихся в детских домах еврейских детях заведующие информировали горуправы, те передавали их в гетто. Так, заведующая

¹⁶⁴ Раппопорт, Р. Остаться собой // Выжить – подвиг. – С. 32.

¹⁶⁵ Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. – Минск, 1997. – С. 189–191.

¹⁶⁶ Интервью Евгения Ефимовича Лямперта // Архив Исторической мастерской. *Отец Лямперт Хаим (Ефим) Беркович органами НКВД был командирован в Белосток, а мама Хая Шлемовна, работая в минской тюрьме, сопровождала конвоированных. Встреча с ними произошла только после войны. Счастливая случайность помогла брату Илье (1926 г.р.) встретиться с мамой в Червене, а затем эвакуироваться в тыл.

¹⁶⁷ История могилевского еврейства: Документы и люди: науч.-популяр. очерки и жизнеописания. В 2 кн. Кн. 2, ч. 2 / сост. А. Литин, И. Шендерович. – Могилев, 2009. – С. 229–230.

¹⁶⁸ Бут-Гусаим, И. «Верните мне национальность», – просит пожилая женщина, потому что национальность – единственное, что она сумела узнать о себе / И. Бут-Гусаим // Белорусская деловая газета. – 18 февраля 2000. – С. 10; Праведники народов мира Беларуси. – С. 77.

¹⁶⁹ Княтько, Г.Д. История Минского гетто. – С. 56–57.

детским домом № 3 г. Минска (до 1942 г. – ясли-сад № 1) А.Ф. Петуховская 6 января 1943 г. в досланном в горуправу заявлении указала о нахождении там еврейских детей. Созданная комиссия отобрала 30 детей, которые и были вывезены машиной СД в неизвестном направлении¹⁷⁰.

Часть детей из детских домов, особенно старших, отправляли на принудительные работы в Германию. Так, три раза из Кринковского детдома (Осиповичский р-н) отправляли старшие группы по 10 чел. на работы в Германию. Например, в конце 1942 г. 10 чел. были вывезены в Осиповичи. Разместив 25–30 чел. в товарные вагоны без охраны, но в сопровождении немца с документами и некоторых людей, которые ехали в Германию по своим делам, в холодном вагоне они доехали до Барановичей. Так как в вагоне было холодно и надо было добывать кипяток, то двое подростков должны были пополнить водный запас. Очереди и их нарушение немцами привело к тому, что оставленные на станции подростки вынуждены были вернуться назад¹⁷¹.

Подпольщики и партизаны: пути спасения. Как показывает практика, только небольшая часть евреев смогла укрыться в городе до освобождения Красной Армией Минска. Большинство же вынуждено были покинуть обжитый кров уже через несколько дней или недель своего пребывания. Но куда? Свидетели уточняют, что таким местом были партизанские зоны. И тогда значимую роль играли связные партизанских отрядов или подпольщики. Им предстояло преодолеть еще немало трудностей, чтобы провести в более безопасные места группы евреев. Как правило, достигали желаемой цели лишь немногие. Это был тяжелый и смертельный путь. Всего в составе партизанских формирований находилось под охраной 34 342 школьника и более 5 тыс. детей младшего возраста¹⁷².

Партизанам удалось спасти от уничтожения немало детей. Одним из таких примеров является операция «Звездочка». Осенью 1943 г. о намерении фашистов превратить детей в доноров стало известно в партизанском отряде им. Н.А. Щорса (бригада им. В.И. Чапаева). Партизанским командованием была спланирована операция по спасению детей. Под покровом ночи 18 февраля 1944 г. детей доставили в партизанскую зону. Другим этапом спасения детей была их эвакуация на Большую землю¹⁷³.

1.6 Вывоз детей на принудительные работы и в концентрационные лагеря

Насильственная эвакуация. Одной из форм уничтожения мирного населения явилась его насильственная эвакуация в период наступления Красной Армии. Например, по замыслу немецкого командования, чтобы воспрепятствовать усилению советской власти, в документе от 14 июня 1944 г. в отношении

¹⁷⁰ Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця. – С. 249. *Петуховская А.Ф. осуждена на 10 лет плюс 5 лет с поражением в правах.

¹⁷¹ Кісялеў, У. Дараганана / У. Кісялеў. Рукапіс. – Мінск, 2009 // Архив Исторической мастерской. – С. 150, 152.

¹⁷² Котаў, А.І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы. Ч. I. – С. 62.

¹⁷³ Поляков, С.И. Полоцкий детский дом. В 1941–1944 годах операция «Звездочка» / С.И. Поляков // Дети войны. – С. 29.

населения было определено: *«Группа армий «Центр» намерена захватить в районах своего расположения 40–50 тыс. подростков в возрасте 10–14 лет и доставить их в Германию. Это мероприятие проводится по инициативе 9-й армии»*¹⁷⁴. Часть жителей отказалась от быстрого выезда из жилых помещений. Многие из них стремились еще сохранить остатки имущества, некоторые, по мере возможности, возвращались назад в надежде выжить. Иные были просто не в состоянии это осуществить. Их здоровье было слабым. Возможный переход грозил гибелью. В такой ситуации они принимали решение оставаться на месте и ждать своей участи.

Другая форма таких действий широко осуществлялась во время карательных операций против партизан. Так, в 1942–1943 гг. 30 дивизий, 55 охранных полков и 206 батальонов, 34 полицейских полка и 115 полицейских батальонов, много других частей и подразделений – в общей сложности около 50 дивизий участвовало не столько против партизан, сколько против мирного населения деревень и местечек¹⁷⁵. Таким образом, в период карательных акций германские оккупанты уничтожили 5295 деревень со всем или частью населения. В Витебской области 243 деревни они сожгли дважды, трижды – 40, четырежды – 9, пять и более раз – 6 деревень¹⁷⁶. Из 9200 поселков и деревень, разрушенных и сожженных в годы войны, 5454 белорусских деревни были уничтожены полностью или частично вместе с жителями. Что касается сожженных деревень, то свыше 3 % сожжено в 1941 г., 16 % – 1942 г., 63 % – 1943 г., 18 % – 1944 г.¹⁷⁷

В ходе таких мероприятий были осуществлены акции по массовому вывозу населения, в том числе и детей. Так, в июне 1944 г. германскими подразделениями в ходе проведенной облавы в Паричском районе было задержано и вывезено в Германию более 3 тыс. детей. Большое их количество было подготовлено для вывоза в Пуховичском районе. И только благодаря наступлению частей Красной Армии дети были освобождены и возвращены родителям. Уже на пути в Германию на ст. Брожа было остановлено 22 вагона с детьми, преимущественно с мальчиками¹⁷⁸.

Положение тех детей, которые были вывезены за пределы Беларуси, имело такие характеристики.

Дети и несовершеннолетние до 12 лет, которые были депортированы вместе с их родителями, как правило, не привлекались к труду, однако в связи с принудительной депортацией испытали те же ужасы, что и их родители.

Во время маршевого или моторизованного передвижения дети первыми становились жертвами тяжелых условий. Их смерть не была зафиксирована в статистике. Нередко погибали и матери, тем самым произошедшее практически исчезало из памяти. Лишь немногим удалось зафиксировать такие данные. Так, *«...в 1942 г. в деревню пришли немцы. Всех жителей деревни, в том числе и меня с двухлетним сыном Ваней, схватили, построили в колонну и повели*

¹⁷⁴ Всенародная борьба в Белоруссии... – Т. 3. – С. 223.

¹⁷⁵ Освобождение Белоруссии. 1944. – М., 1974. – С. 246.

¹⁷⁶ Всенародная борьба в Белоруссии... – Т. 3. – С. 219.

¹⁷⁷ Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). – Мінск, 1995. – С. 31.

¹⁷⁸ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Док. – М., 1945. – Вып. 14. – С. 38; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – С. 228; Телегин, К.Ф. На земле белорусской / К.Ф. Телегин // Освобождение Белоруссии, 1944. – С. 265; НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33а. – ЕХ. 478. – Л. 142; Всенародная борьба в Белоруссии... – Т. 1. – С. 224.

в Витебск (в Пятый железнодорожный полк). Там мы находились два месяца, а после немцы посадили нас в вагоны и куда-то повезли. Никто из нас не знал, куда мы едем, зачем и что с нами будет дальше. Многие из нас заболели тифом. В вагоне не было ни лекарств, ни врачей. Мой сын Ванечка умер там»¹⁷⁹.

При отборе рабочей силы взрослые, имевшие детей, не пользовались особым вниманием и нередко только наиболее здоровая часть отбиралась, а дети отделялись от родителей или передавались в специальные учреждения.

Женщинам, привлекавшимся к принудительному и рабскому труду, пришлось рожать детей в специально отведенных для них нацистами родильных домах или произвести в принудительном порядке искусственное прерывание беременности. Как правило, дети изымались от рожениц и их дальнейшая судьба становилась неизвестной.

Таким образом, вывоз, уничтожение или оставление детей без опеки явились определенным фактором дестабилизации общества. В сложившихся условиях, когда немалое число взрослых погибло, а ранее действовавшие сиротские дома не вошли в сферу обеспечения германскими органами, дети были предоставлены на некоторое время сами себе. Немалое число больных детей оставалось без опеки и медицинской помощи. Например, в Витебске в детдоме № 1 в 1942 г. находилось около 100 детей до 6 лет. Из-за тяжелых условий большинство из них умерло¹⁸⁰. В Брестской, Бобруйской, Полоцкой и Гомельской областях было сожжено и расстреляно 63 920 детей и подростков. В каких пропорциях происходило такое уничтожение, определить трудно, но обобщенные показатели по Бегомльскому району представлены 3703 детьми, которые были уничтожены или вывезены в немецкое рабство. Всего же из Беларуси в Германию было вывезено 24 180 детей¹⁸¹.

Дети – принудительные рабочие. Причины вывоза были различными: разнорядка в населенных пунктах, близость к коммуникациям или границам Рейха, нахождение в партизанской зоне, зачистка прифронтовой полосы и т.д. Так, из сравнительно малонасыщенной партизанами Гродненской области тем не менее вывезено 72 тыс. жителей¹⁸². При этом селекция населения была

¹⁷⁹ Воспоминания Болдышевой Марии (1918 г.р., д. Заборочье Городокского р-на Витебской обл.) / Архив музея СШ № 39 г. Витебска // Дети войны. – С. 116.

¹⁸⁰ Пахомов, Н.И. Витебское подполье / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – С. 28.

¹⁸¹ Котаў, А.І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Ч. I. – С. 62. *Всего, по данным Белорусской центральной рады, в Германии в конце 1944 г. находилось 10 тыс. белорусских юношей и девушек. (По сведениям СНК БССР, по состоянию на 30 ноября 1945 г. из Германии возвратилось 22 825 детей младше 16 лет, в том числе 778 потерявших родителей). См.: Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 184. Согласно сведениям СНК БССР о количестве населения, угнанного из Белоруссии в период оккупации и возвратившегося на Родину, по состоянию на 30.11.1945 г. эта цифра равна 33 244 чел. В том числе и с территории Витебской и Полоцкой областей было угнано соответственно 341 и 12 684 ребенка в возрасте до 16 лет. Возвратилось к указанному времени (30.11.1945 г.) на территорию Белоруссии 22 825 детей в возрасте до 16 лет и в Витебскую и Полоцкую области – соответственно 3973 и 4707 чел. По авторским представлениям число возвратившихся детей в Беларусь в реальности составит не менее чем 10 тыс. Всего же на 01.01.2006 г. количество бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, тюрем, гетто, иных мест принудительного содержания по Витебщине составило 10 056 чел. Это – показатель, свидетельствующий о весьма их значимом количестве. См.: Пищуленок, М.В. Дети Витебщины – оstarбайтеры Рейха / М.В. Пищуленок // Дети войны. – С. 93.

¹⁸² Всего с оккупированной территории СССР было насильственно угнано на работы в Германию 4 794 087 граждан, из них более 2 млн из Украины, около 2 млн из России и 160 тыс. из Литвы. См.: Смыслов, О.С. Проклятые легионы / О.С. Смыслов. – М., 2007. – С. 101.

направлена больше всего на производительный возраст. Нередко выбор падал на единственного кормильца семьи или на мать с детьми и т.д. В конечном итоге это сказывалось на социальном положении как отдельной семьи, так и населения деревни или региона в целом.

Отбор производился также из детских домов. Так, комиссар Минска Вильгельм **Янецке** 25 февраля 1942 г. доложил Генеральному комиссару о наличии детских учреждений в городе и пригороде, количестве в них детей, их возрастном составе и в заключение отметил, что 18 февраля из детской трудовой колонии в Козырево 42 человека из 70, содержащихся в ней, направлены в Рейх как рабочая сила. *«В настоящее время предпринимаются усилия увеличить число направляемых в Германию детей»*, – заверял **Янецке**. Однако специальной программы по угону молодежи Беларуси в Рейх в то время не было¹⁸³.

Каково же было их состояние? Вот только незначительная часть унижений и тягот одного из таких – Евгения **Гусева**. *«Работали и на стройках, в цехах, на уборке мусора, чистке машин, на побегушках, разборке руин после бомбежек. Уставали страшно. Охрана не давала никакой передышки, а питание было совсем скудным. В обед выдавали черпак супа, в основном из брюквы, иногда с шелухой из картошки. Утром и вечером – котелок черной бурды, почему-то называемой кофе. Два раза в неделю выдавали по маленькой буханке хлеба с кусочком маргарина. Мы все это съедали в первый день, а остальные дни проходили впроголодь. Многим приходилось воровать. Иногда удавалось выпросить что-нибудь у американских военнопленных во время работы вблизи их лагеря. Но это было не часто, да и охрана могла подстрелить. Когда у нас немецкие санитары брали кровь, то в обед полагался лишний черпак супа. Если кто настойчиво просил у немецкого повара еще добавки, то он просто со смехом выливал суп из черпака на голову»*¹⁸⁴.

10-летняя Мария **Алекчева** вместе с мамой была арестована и подвергалась пыткам. После пребывания в концлагере г. Минска ее вывезли на принудительные работы в Германию. *«Мы там, в госпитале, работали сутками, потому что я не помню, отдыхали мы когда-нибудь или нет. Ночью мы мыли, драили каменный пол коридора, а днем убрали палаты, туалеты, операционные, морг. Мы жили в небольшой комнате с маленьким окном. Там едва вместили пять кроватей, и спали мы немного, по двое. Кормили ужасно, всяким гнильем. Мы и сами воровали зимой на участке гнилую капусту. Немцы местные нас ненавидели, никакого сочувствия мы, дети, у них не вызывали, их дети плевали в нас и бросали чем попало в нас»*¹⁸⁵.

Нередко в качестве принудительных рабочих вывозили на работы в Германию и еврейскую молодежь. Так, **Женя Стельман** (еврейское имя Сюта, но Женей звали уже на русский манер) испытал на своем пути Минское гетто, концлагерь на Широкой, тюрьму СД, лагерь смерти Тростенец, а затем в числе заключенных Малого Тростенца его в 1944 г. отправили в Германию, в г. Шлезберг. Там он работал у бауэра до освобождения частями Красной Армии. Никто не верил, что Женя еврей¹⁸⁶.

¹⁸³ НАРБ. – Ф. 510. – Оп. 2. – ЕХ. 27. – Л. 9; Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – С. 183.

¹⁸⁴ Гусев, Е.А. // Война и украденные годы. – С. 82.

¹⁸⁵ Мосина (Алекчева) М.М. // Война и украденные годы. – С. 143.

¹⁸⁶ Игруша Виктор Ульянович // ... На перекрестках судеб. – С. 47–51.

Дети концлагерей. Освенцим. Учитывая, что в рамках карательных акций, проводимых на территории Беларуси с 1943 г., более 6 тыс., в основном женщины и дети, как члены партизанских семей были вывезены для уничтожения в Освенцим, то их особое положение настоятельно требует выделения детей из общей группы жертв. Практически, их положение в концентрационном лагере Освенцим можно условно разделить на следующие четыре группы¹⁸⁷.

Дети, уничтожавшиеся непосредственно по прибытии транспортов на место. Таких насчитывалось многие тысячи. Если во время осмотра прибывших оказывалось, что ребенка на руках держала мать, то в крематорий попадали оба – и мать, и ребенок. Встречались и другие варианты.

Дети, уничтожавшиеся в утробе матери или сразу после их рождения.

Дети, рожденные в лагере, но не уничтожавшиеся, а отнимавшиеся у матерей. Это была относительно небольшая группа. Основу ее составляли дети так называемого нордического типа – светлые глаза, продолговатая форма головы.

Массовое появление их в лагере приходится на период 1943–1944 гг. Они принадлежали к семьям участников движения Сопротивления, к семьям тех, кого называли политическими, расовыми врагами Рейха.

Вот некоторые воспоминания малолетних узников. *«В 1943 г. захватили деревню, замертво падали невинные люди. Разрешили взять ценные вещи и пешью погнали на Сураж, оттуда – на машинах в Витебск. Загнали за колючую проволоку пересылочного лагеря 5-й полк. Три недели отсидели в лагере. Раз в сутки получали черпак баланды. Голодали и млели от жажды. Насмотрелись на сотни трупов: живых и мертвых. Потом нас переправили в Освенцим». Короткий стал путь их жизни. «Мы как партизанская семья попали в список старосты. Забрали всю нашу семью: отца, мать и нас, четверых детей. Нас посадили в машины и повезли в Витебск, в 5-й полк. Оттуда – в Освенцим»¹⁸⁸.*

Каждый уцелевший в концлагере ребенок совершал настоящий подвиг – подвиг выживания.

...«На каждом поле, где стояли наши бараки, была яма. Она дымила день и ночь. Рано утром, еще до построения, я вышел из барака и увидел страшную картину: машина с металлическим кузовом, самосвал, была полна детишками от 3 до 7 лет. Она круто развернулась и задом подъехала к горячей яме. Кузов стал приподниматься, а дети стали падать в горящую яму. Некоторые детишки хватались за край кузова, но СС тут же бил палкой по пальчикам и дети падали в огонь. Я был потрясен увиденным, стоял мертвецки обезумевшим, что один узник меня отвел в барак. Я лежал и плакал, плакал тихо, плакал горько, до чего же люди озверели, до чего же они превратились в диких животных. Неужели у них нет деток, неужели они не держали на руках своих детей, не любили и не целовали их нежные личики? Дети горели

¹⁸⁷ Из реферата польской исследовательницы Янины Косцюшковой – бывшей узницы Освенцима (номер татуировки 36 319) «Судьба детей крупнейшего в мире концентрационного лагеря под Краковом».

¹⁸⁸ Воспоминания семьи Новицких: мать – Екатерина Никифоровна, двенадцатилетняя сестра Валя, трехлетняя сестра Рая, грудная дочурка Аня; Кравченко-Будсохиной Валентины Захаровны // Дети войны. – С. 111.

на костре позора немецкого народа, народа, давшего Гете, Шиллера. Безумцы! Одумайтесь! Побойтесь Бога! Что вы делаете?! Трудно поверить, что я несколько месяцев прожил вблизи крематория, который не успевал пожирать все трупы, надо еще ямы, в которых сжигали людей.

Я заглянул в эту лабораторию уничтожения людей. Я и сейчас еще не в состоянии выйти из этого окаменения, в котором я прожил целый год»¹⁸⁹.

Татьяна **Мельник** из Борисовского района (1936 г.р.) жила в большой семье – семеро детей и родители. Как партизан их вывели в концлагерь. *«В Майданеке все были в полосатой одежде и в беретах на голое остриженной голове, поэтому все были похожи, одинаковы и узнать свою мать было невозможно. Все дети говорили на всех: «Это моя мама». ...Мне и моим сестрам повезло, так как в этот лагерь с очередной партией маленьких детей, которые сами еще плохо ходили, прибыла моя мама. Она должна была за ними ухаживать. Она очень боялась, чтобы немцы не узнали, что у нее в этом лагере нашлись свои дети, чтобы ее не отправили еще куда-либо. Поэтому с нами она могла поговорить только ночью, когда дежурила возле парашу. Она застала еще живым и нашего меньшего братика и смогла проститься с ним навсегда на польской земле, где в январе 1945 г. он умер.*

В апреле нас освободили. Всех детей, оставшихся в живых, распределили по детским домам. Нас направили в детдом в Саратовскую область. Там нас и разыскал брат»¹⁹⁰.

У детей не осталось родителей, но и при живых родителях нередко они оказывались вдали от дома – в Германии. Кто боролся за их возвращение? Вот совершенно новая тема. Но она вполне актуальна: в Беларуси многие дети стали жертвами германского оккупационного режима. Они умирали от болезней, холода и голода, их сжигали вместе с любимыми мамами. Вывозили на принудительные работы в Германию. И когда, в силу своего малолетства, они не так жестоко переносили тяжелый принудительный труд, а порой оказывались и под опекой добрых немцев, нередко и в специальных учреждениях типа «Лебенсборна», то постепенно в их память возвращалось желаемое детство.

Прошли годы, и сейчас дети войны выступают главными свидетелями той истории. Их память удерживает эпизоды войны. У большинства послевоенного поколения информации достаточно для определения степени трагичности прошлого. В итоге уже сама война становится более романтической историей, ее картинка – более благообразной и предсказуемой.

В необычном восприятии ребенка представлены материалы украинского исследователя Владимира **Литвинова** «Исчезновение архивов Лебенсборна»¹⁹¹ о плане колонизации и германизации оккупированных народов на Востоке через создание системы специальных приютов. Для этого с территории Советского Союза необходимо было вывезти не менее 50 тыс. «расовоценных» детей в возрасте от 10 до 14 лет с целью ассимиляции. Даже в период наступления Красной Армии нацисты не только захватывали, но и активно «работали» с детьми. Именно в лагерях они всегда находили тех, кто был нужен.

¹⁸⁹ Монак Николай Степанович // Война и украденные годы. – С. 136.

¹⁹⁰ Лашина Татьяна // Жанчины ў Другой сусветнай вайне. – С. 195.

¹⁹¹ Литвинов, В. Коричневое «ожерелье» / В. Литвинов. Кн. 2. Ч. II. – Киев, 2001. – С. 166–222.

Что нам известно о судьбах вывезенных в Германию детей? Что с ними происходило?¹⁹² Получить ответ очень сложно. По сути, представленные здесь материалы могут открыть путь для более внимательного прочтения детской военной истории. Один из тех, кого вывезли в Германию из Гродно, А.М. Соболев отмечал: *«Я не просто говорил по-немецки – я по-немецки думал. А ведь времени прошло всего ничего. Да и настоящее имя мое (по документам) – Альберт – не требовало «редакторского» вмешательства эсэсовских ассимиляторов. В детдоме жили ребята разных национальностей. Из славян – русские, украинцы, поляки, чехи... Все – сироты. Все онемеченные. На родном языке никогда не говорили. Отца с матерью не вспоминали, как будто их и не существовало на свете. Носили мы короткие тяжелые шорты, сшитые из толстой кожи. Держались они на ремнях с красочной перемычкой на груди... Нетрудно было предвидеть, чем завершится, чем закончится этот процесс...»*¹⁹³

Другое воспоминание принадлежит Л.П. Ходыревой: *«Весна сорок шестого. Меня выводят на лестничную площадку. Внизу стоит незнакомый советский офицер. Улыбается, руки широко распростерты. Видимо, przygotовил к тому, что я брошусь ему навстречу, и он заключит меня, похищенную и германизированную русскую девочку, в свои крепкие объятия. Но ничего этого не происходит. Я стою на месте. Тогда офицер, обращаясь ко мне, что-то говорит. А я его не понимаю. Ведь он говорит по-русски. Я же знаю только немецкий. В конце концов, офицер поднимается ко мне по лестнице, берет на руки и уносит в машину. Машина ждет нас на улице»*¹⁹⁴.

Вот учетная карточка девочки: Лидия Петровна Завьялова, 1936 года рождения, сирота, уроженка г. Могилева, русская. Родителей нет. Отправлена 4.06.1946 г. в Симферополь. Основание: списки от 16.06.1946 г. на лиц, репатриированных из Германии¹⁹⁵.

Вчитайтесь в историю возвращения бывшей узницы Минского гетто Зинаиды Никодимовой¹⁹⁶. Ее путь домой не менее драматичен, но имеет счастливое завершение. Как во многом схожи жизни этих незащитных детей военной поры. Известны имена почти 92 тыс. детей, находившихся в воспитательных учреждениях «Лебенсборна» (полный список этих воспитательных учреждений не найден, однако названия и адреса наиболее крупных известны: «Таунус» в Висбадене, «Альпенланд» в Обервейсе, «Поммерн» в Бан-Полцине, «Зонненвизе» близ Лейпцига, «Вестервальд» близ Познани, «Марквальд» близ Кракова, «Остлан-Хайм» близ Варшавы). На родину возвратилась лишь малая толика, исследователи затрудняются назвать хотя бы примерную цифру. Так что истории А.М. Соболева и Л.П. Ходыревой можно считать редкими исключениями.

¹⁹² Литвинов, указ. соч., с. 188.

¹⁹³ Воспоминание А.М. Соболева // Литвинов, указ. соч., с. 190, 194–195.

¹⁹⁴ Из воспоминаний Л.П. Ходыревой (Завьяловой) // Литвинов, указ. соч., с. 203. В войну потеряла отца, мать, младшего брата. Из тюрьмы в Герлице переведена в католический приют. После освобождения воспитывалась в детских домах Крыма. Проживает там же. См.: Там же. – С. 220.

¹⁹⁵ Из ответа Управления по розыску советских и иностранных граждан Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (№ 68014/4 от 6 июля 1990) // Литвинов, указ. соч., с. 206.

¹⁹⁶ Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З.А. Никодимова. – Минск, 2010.

Остаются неизвестными судьбы детей, которых отнимали у вывезенных на принудительные работы, брошенных в бараки концлагерей женщин. И даже открытие архивов в Коблинце, где хранится значительная часть документов по программе «Лебенсборн», принципиально не решает проблему. Ведь за год-полтора нахождения в иноплеменной среде из памяти ребенка почти полностью «испарялось», улетучивалось знание языка, на котором он слушал материнские колыбельные песни. К тому же обстановка секретности и профессиональные уловки в искажении данных о похищенных, в том числе и придумывание новых имен и фамилий, сводили на нет возможность доказать истину происхождения.

Рожденные в неволе. Особенно трагические последствия имели такие случаи в лагере смерти Освенцим. Вот только несколько историй. Зимой 1944 г. Александру **Тарасевич**, которой пришлось рожать уже в лагере, перевели в какое-то медицинское учреждение на этой же территории. Возвратилась в барак в слезах и без ребенка, которого у нее сразу же забрали. Больше она его не видела и каких-либо разъяснений тоже не получила¹⁹⁷. Екатерина **Пинчук** родила в мае 1944 г., но когда в ноябре ребенок заболел, его забрали для лечения. С тех пор она не видела своего малыша. Ванда **Андреевская** родила своего ребенка в Освенциме в том же 1944. Ребенка забрали, а женщине дали для выхаживания другого, рожденного кем-то от немецкого бауэра. У Тамары **Карелиной** также несколько раз хотели отнять ребенка, родившегося в лагере в декабре 1943 г. Она просила, умоляла и ей удалось его оставить¹⁹⁸.

Особенно жестоко относились к детям, рожденным принудительными работницами в Германии. За нарушение порядка грозило выдворение беременных. В октябре 1942 г. ведомство **Гимmlера** издало памятку об обращении с гражданами – иностранными рабочими в Германии, где под пунктом «2» значилось: *«Половая связь между немцами и восточными рабочими запрещена и карается для восточных рабочих смертью, для немцев – отправкой в концентрационный лагерь»*. Так как единых указаний о судьбе женщин и их детей не существовало, то в лучшем случае в созданных домах для грудных детей восточных рабочих предусматривалось пол-литра молока и полтора куска сахара в день. Такие рационы вели к смерти от истощения. Однако позднее питание новорожденных детей несколько улучшилось¹⁹⁹. В тяжелых условиях пришлось поддерживать шестерых детей в лагере Кенигсберга **Букиным**. На железнодорожном пути в Берлин немецкая охрана проводила осмотр – кто из людей умер или тяжело болен. На остановках таковых забирали и выносили из поезда. Так не стало малыша Гены. До сих пор никто не знает, что с ним стало. Похоронили ли его? Позднее, в Кенигсберге, у них родилась дочь Анна (1945)²⁰⁰. Партизан Вячеслав **Пунинский** вместе с женой и сыном в октябре 1943 г. были вывезены на принудительные работы в Печендорф (Восточная Пруссия). Работали родители на сельхозработках. Там же в сентябре 1944 г. и родилась их дочь **Леокадия**²⁰¹.

¹⁹⁷ Тарасевич Захар Захарович // Борисова, А.В. Лагерь смерти Освенцим / А.В. Борисова, К.И. Козак, Г.Л. Стучинская. – Минск, 2009. – С. 291.

¹⁹⁸ Пинчук (Сайковская) Екатерина Ефимовна, Андреевская Ванда Васильевна, Сухарава (Карэліна) Тамара Радзівоўна // А.В. Борисова, К.И. Козак, Г.Л. Стучинская, указ. соч., с. 104, 246, 284–285.

¹⁹⁹ Пищуленок, М.В. Дети Витебщины – остарбайтеры Рейха // Дети войны. – С. 98.

²⁰⁰ Воспоминание Головач (Букина) Марии (1935 г.р.) // Архив Исторической мастерской.

²⁰¹ Воспоминание Пунинской Леокадии // Архив Исторической мастерской.

Немало детей погибало по разным причинам. Вот одна из таковых. По свидетельству Александры Бандыко в Дуйсбурге для детей был организован детский сад. «*Разам з гэтым, нас чакалі частыя бомбавыя атакі саюзнікаў. Невыпадкова, што страты павялічваюцца. Вось упала бомба, дзе размяшчаўся дзіцячы дом, і ўсе 22 немаўляці загінулі. Памятаецца, што сярод іх былі і дзве рускія дзяўчынкі Верачкі, якія абслугоўвалі маленькіх*»²⁰². И такие примеры не являлись исключением.

Здесь же существовали специальные лагеря для беременных женщин-невольниц с Востока. Многие из них потеряли новорожденных, у некоторых – их просто отбирали. И после этого они теряли своих детей навсегда²⁰³. Тем не менее адаптация детей во многом зависела от отношения их хозяев. В Германии немало было примеров бережного и уважительного отношения к детям из Беларуси.

Возвращение. Что же происходило в Беларуси после окончания войны? Все ли дети были возвращены? В книге «Белорусские остарбайтеры», которой за разработку данной темы присуждена Государственная премия в 2003 г., этот процесс описан²⁰⁴. Отмечено, что со стороны государственных органов особое внимание было сосредоточено на детях без родителей. Так, 7 февраля 1945 г. на пункты скопления репатриантов была послана инструкция санитарного отдела Управления уполномоченного СНК СССР о порядке возвращения на Родину детей, потерявших родителей, и сирот²⁰⁵. Инструкция предусматривала их размещение отдельно от взрослого населения группами по 20–25 чел. в отвечающих санитарно-гигиеническим нормам помещениях, тщательный медицинский осмотр, выявление инфекционных и нуждающихся в лечении, госпитализацию или временную изоляцию в боксах, санитарную обработку всех детей.

22 сентября 1945 г. помощник начальника отдела СНК БССР по делам репатриации С.П. Драпекко подготовил начальнику отдела СНК БССР по делам репатриации И.П. Баркову докладную записку «Об устройстве прибывших из Германии детей-сирот в детские дома Молодечненской области». В ней отмечалось, что большинство детских домов были расположены в сельской местности, за исключением двух (Ошмяны, Поставы), которые находились в городе. Здания в большинстве случаев требовали капитального ремонта (Вязьинский, Куренецкий, Михайловский, Воложинский). В текущем ремонте нуждались Костеневичский, Юратишковский, Молодечненский и другие детдома. Везде ощущался острый недостаток твердой и мягкой мебели (кровати, столы, стулья и табуретки). Например, в Антопольском, Будславском детдомах дети спали на нарах, а в Молодечненском детдоме 17 детей спали на полу. Пищевые блоки не соответствовали своему назначению. Не было отдельных комнат для разделки мяса, мытья посуды и чистки овощей: все работы производились в одной комнате.

²⁰² Бандыка Аляксандра Іванаўна // Война и украденные годы. – С. 58.

²⁰³ Там же, с. 419–423. По некоторым данным, в специальных лагерях Рейха погибли примерно 100 тыс. детей советских женщин. По возвращении в СССР эти женщины подверглись моральному террору. Иначе как «немецкими овчарками» их не называли. Некоторым удалось скрыть факт рождения ребенка в Германии. См.: Литвинов, указ. соч., с. 431–432.

²⁰⁴ Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. – Минск, 2001. – С. 256–260.

²⁰⁵ НАРБ. – Ф. 46. – Оп. 6. – Д. 4. – Л. 209–210; Белорусские остарбайтеры. Репатриация 1944–1951: Документы и материалы ... – Кн. 3 в 2 ч. Ч. 2. – Минск, 1998. – С. 63–67.

В Будславском детдоме из 100 прибывших детей 84 были отправлены к родителям, и на 20 сентября 1945 г. в детдоме осталось 16 чел.; в Ивьевском детдоме – 42, 15 и 27; Юратишковском – 27, 19 и 8; Сморгонском – 69, 30 и 39; Островецком – 87, 53 и 34; Воложинском – 49, 25 и 24; Кривичском – 56, 51 и 5; Куренецком – 37, 20 и 17; Поставском – 40, 20 и 20; Раковском – 61, 43 и 18; в Вязынском детдоме из 52 все (52) были отправлены к родителям, в Ошмянском детдоме из 76 чел. 39 были отправлены к родителям, и на 20 сентября 1945 г. здесь оставалось 37 детей. Всего же из 696 прибывших из Германии детей 451 отправили к родителям, и на 20 сентября 1945 г. оставалось 245 чел.²⁰⁶

Оставшиеся дети были размещены в детдомах на общих основаниях, где их распределили по группам дошкольного и школьного возраста. При каждом детдоме была организована столовая, где сироты получали 4-разовое питание по существовавшим нормам, предусмотренным Постановлением СНК БССР от 21 августа 1943 г. № 90. Кроме того, каждый детдом имел подсобное хозяйство, в некоторых детдомах был свой молочный скот.

Во всех детских домах имелась только одна смена постельного и носильного белья, а в верхней зимней одежде и обуви наблюдался острый недостаток. Для решения проблемы были организованы пошивочные мастерские, где производился текущий ремонт белья и одежды.

Все дети учились в школах. При каждом детдоме был организован Красный уголок и библиотека. К группам школьного и дошкольного возраста были прикреплены воспитательницы, которые проводили с детьми беседы, политинформации, читки газет.

Медицинское обслуживание сирот находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. В большинстве детских домов не было медработников, не везде имелись аптечки.

На документе есть резолюция И.П. Баркова: «Драпеко. Напишите докладную на имя т. Киселева». И пометка: «Исполнено. 5.10.1945 г. Драпеко»²⁰⁷.

Органы репатриации занимались поисками белорусских детей, вывезенных немцами из республики в годы оккупации, их родственников, людей, потерявших друг друга, способствовали соединению семей. 23 сентября 1947 г. начальник отдела репатриации и розыска граждан Объединенных Наций Советской военной администрации в Германии М.Г. Юркин направил из Берлина в Совет Министров БССР И.П. Баркову телеграмму о белорусских детях-сиротах. В ней говорилось: «В детдоме 226-го лагеря имеется двое белорусских детей-сирот в возрасте тринадцати лет. Срочно сообщите, куда их можно направить. № 3087. Юркин»²⁰⁸.

Дети-сироты – Нестерович Алексей (1933 г.р.) и Кришанович Владимир (1934 г.р.), уроженцы Беларуси – 10 октября 1947 г. были направлены из 226-го лагеря в Калининградский отдел народного образования²⁰⁹.

10 февраля 1949 г. заместитель председателя Совета Министров БССР К.В. Киселев направил министру здравоохранения БССР И.А. Инсарову и министру просвещения БССР П.В. Саевичу письмо с просьбой выслать оккупационным властям западных зон Германии все данные о детях из детских

²⁰⁶ Белорусские остарбайтеры. Историко-аналитическое исследование. – С. 256–257.

²⁰⁷ НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – ЕХ. 1907. – Л. 174–176; Белорусские остарбайтеры. – Кн. 3. Ч. II. – С. 397–399.

²⁰⁸ НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – ЕХ. 1932. – Л. 204; Белорусские остарбайтеры... – С. 526.

²⁰⁹ Белорусские остарбайтеры... – С. 625.

домов и детских санаториев, которые были вывезены из республики. В письме **К.В. Киселева** отмечалось, что, по сообщению уполномоченного Совета Министров Союза ССР по делам репатриации граждан СССР, в западных зонах Германии имелось несколько тысяч детей, вывезенных немцами из СССР и других стран.

Для предъявления требований о передаче детей необходимо было предоставить оккупационным властям западных зон Германии полные документальные доказательства. Для этого Совет Министров БССР просил **И.А. Инсарова** и **П.В. Саевича** выслать все данные о детях, которыми министерства здравоохранения и просвещения БССР располагали. В них, по возможности, необходимо было отразить: 1) откуда и какие детские дома и детские санатории были вывезены немцами; 2) именные списки: фамилия, имя и отчество, год, месяц и место рождения ребенка; 3) наличие родственников: фамилия, имя и отчество, их адрес и где в данный момент они проживают (все это документально надо было подтвердить); 4) списки обслуживающего персонала, вывезенного с детскими домами и санаториями.

О принятых мерах **К.В. Киселев** предлагал сообщить к 25 февраля 1949 г. На документе есть резолюция: «Тов. **Саевич П.В.** Если в министерстве нет данных, прошу срочно запросить облздравотделы, к 25.02. подготовить ответ зам. пред. Совмина тов. **Киселеву**.

10.02. Зам. пред. **Инсаров**»²¹⁰.

4 ноября 1950 г. исполняющий обязанности начальника Управления переселения и репатриации при Совете Министров БССР **И.П. Барков** направил начальнику отдела переселения и репатриации при Гродненском облисполкоме **В.А. Фундатору** записку с просьбой оказать помощь прибывшему из Польши в лагерь № 312 Игорю Олеговичу **Гирши**, 1934 года рождения, который не имел никаких родственников. **В.А. Фундатору** предлагалось оказать мальчику содействие в устройстве на учебу²¹¹.

Тем не менее, как свидетельствуют документы, оказался не менее сложным путь домой угнанных детей и подростков. Так, среди репатриантов были случаи смертности. На сборном пункте № 310 умерло 17 чел., в том числе – 15 детей от диспепсии. Пункт № 315 – умерло 6, пункт № 317 – 9 детей. 23 сентября 1945 г. на территории пункта № 310 обнаружено 2 трупа детей грудного возраста. В источниках указывается, что в медицинском обслуживании недостатком является то, что на 315-м пункте и на 317-м пункте нет регулярного осмотра детей, необходимого ухода за новорожденными, грудными детьми совершенно не ведется²¹².

В итоге к октябрю 1946 г. в СССР было устроено свыше 50 тыс. детей-сирот, возвратившихся из Германии.

Но после этого хочется знать: кто-нибудь пробовал искать, находить и возвращать детей? Почему до сих пор длится молчание? Сначала трудности общего характера – не до этого было. Но потом... Потом новые проблемы и задачи. Желание найти дочь, поиск и обращение к представителям государственных органов показало Хасе **Пруслиной** – этой важной работой в Беларуси, да и не только, не занимаются. Как было тяжело тем родителям, которые верили,

²¹⁰ НАРБ. – Ф. 46. – Оп. 6. – ЕХ. 23. – Л. 30; Белорусские оstarбайтеры... – С. 562.

²¹¹ НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – ЕХ. 1955. – Л. 184; Белорусские оstarбайтеры. – Кн. 3. Ч. II. – С. 567–568.

²¹² Пищуленок, М.В. Дети Витебщины – оstarбайтеры Рейха // Дети войны. – С. 99.

но ничего не могли сделать после возвращения с фронта или из мест принуждения. Хася **Пруслина** – человек решительный, смелый, умеющий отстаивать свое мнение и настоять на своем. Можно сказать, она победила в той борьбе. Но остальные?²¹³

*Я выжила, но стала ли я жестокой? Уже на освобожденной территории тем не менее и дети получали наравне со взрослыми обидные ярлыки предателей родины. По словам **Шипко Я.С.** «...после войны мы стремились быстрее вернуться на Родину, но не только взрослые, но и дети считались «изменниками Родины», а поэтому старались от всех скрывать, что были в Германии и Австрии»²¹⁴.*

Одна из героинь – белорусская девочка **Ираида Крушевская**, испытывавшая ужасы насилия, вывезенная на принудительные работы в Германию, тем не менее смогла понять: *«Я выжила, стала на ноги, но увидела другой ужас: среди окружающего нас немецкого населения мои ровесники, немецкие дети, были голодны, больны и истощены. Несмотря на все страдания и ужасы, перенесенные мною от гитлеровцев, к этим несчастным голодным немецким детям кроме сострадания ничего я не испытывала. Я жалела этих голодных людей и их детей, видимо, свежо и глубоко в моем воспоминании было чувство голода.*

И, вопреки всем нареканиям, я ежедневно носила еду в немецкую семью, где немка-мама с двумя девочками, с которыми я познакомилась и играла, страдала в нищете. С ведома своего военного руководства я кормила эту семью вплоть до изменения места нашей дислокации»²¹⁵.

1.7 Культура памяти

На территории Беларуси впервые с послевоенного времени в мемориализации памяти о войне появляется детский образ. Он был связан с героизацией партизан и подпольщиков. Так как дети нередко совершали мужественные акты в борьбе с германскими оккупантами, то немало было воздвигнуто памятников, мемориальных плит, музейных и школьных уголков боевой славы. Еще одно направление было обозначено в начале XXI в. Жителям д. Поречье Пуховичского района, которые участвовали в спасении около 40 еврейских детей из Минска, был воздвигнут первый памятник Праведникам народов мира в Беларуси (09.2000)²¹⁶. Еще одно значимое событие совершилось в 2007 г., после 12-летнего строительства мемориального комплекса «Красный Берег» (архитектор **Л. Левин**, скульптор **А. Финский**, худ. **С. Каткова**) – на месте одного из детских лагерей. Скульптурная группа, архитектура в виде детских игрушек, фрески детских рисунков – создали уникальный образ детской Хатыни, не имеющий аналогов ни в СНГ, ни в странах Европы²¹⁷.

Таким образом, в Беларуси на всех административных уровнях отсутствовали предпосылки защиты прав и интересов местного населения. Партизанские формирования не позволили в большей мере осуществить вывоз

²¹³ По некоторым данным, из общего количества советских детей, вывезенных с целью германизации, на Родину вернулось не более 40 %. См.: Литвинов, указ. соч., с. 212.

²¹⁴ Шипко, Я.С. // Война и украденные годы. – С. 178.

²¹⁵ Крушевская (Кухаренок) Ираида Ивановна // Война и украденные годы. – С. 106.

²¹⁶ Крапина, М. Мы вместе – Праведники и спасенные / М. Крапина // Праведники народов мира. – С. 234.

²¹⁷ Морозов, И. Неизбывная тема: Вдохновение, замыслы, претворения / И. Морозов, В. Слободчиков // Архитектура и строительство. – 2008. – № 7. – С. 91–93. *По итогам 2011 г. в области архитектуры авторскому коллективу присуждена Государственная премия Республики Беларусь.

населения, но, с другой стороны, члены семей партизан и подпольщиков в своей основе стали жертвами принудительного труда как на территории Беларуси, так и в странах Третьего рейха.

Вспомогательные полицейские формирования своими действиями усиливали военное присутствие германского вермахта, СС и различных служб, что приводило к большей эскалации политики насилия, массового террора и уничтожения населения.

Военный характер действий на оккупированной территории Беларуси со стороны формирований вермахта был основан на насилии по отношению к местному населению. Формы и степень их эксплуатации – одна из наименее изученных и исследуемых тем войны на территории Беларуси.

Более значимые потери среди принудительных рабочих наблюдались во время проводимого оккупантами этапирования захваченных до железнодорожных станций, пересыльных лагерей, тюрем, сборных лагерей. Отсутствие учета такой категории жертв среди населения позволило карательным органам значительно уменьшить их действительную статистику потерь.

До настоящего времени так и не определены состав и категории погибших граждан Беларуси, вывезенных на принудительные работы в страны Третьего рейха или по разным причинам оставшихся там после Великой Отечественной войны.

Детские дома, находившиеся на территории Беларуси в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг., и наличие сведений об их существовании

Национальный архивный фонд располагает довольно обширной документальной базой о детских домах, находившихся на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. Основная их часть хранится в Белорусском государственном архиве (Национальный архив Республики Беларусь. – *К.К.*). И распределена по фондам: Центрального управления белорусской народной самопомощи, Генерального комиссариата Белоруссии, Белорусской Центральной Рады, Союза белорусской молодежи, Минского окружного комиссариата (отдел просвещения).

Изучение архивных документов показывает, что по состоянию на 13 апреля 1942 г. в Минской области было 6 детских домов с общим количеством 450 детей в возрасте от 4 до 15 лет. По состоянию на 3 марта 1943 г. в г. Минске и Минском районе функционировало 9 детских домов, в которых находилось 717 детей 1925–1939 годов рождения. Всего же в списке детских домов, сохранившемся в документах архива за 3 марта 1943 г., указывается 25 детских домов с количеством детей в 2007 чел. дошкольного и школьного возраста: г. Минск (№ 2, 4, 8, 9, 11), Минский район (Семков Городок, Острошицкий Городок, Тростенец), Узда, Слуцк, Барановичи, Новогрудок, Слоним, Вилейка, Глубокое, Лида. Кроме того, в документах архива есть упоминания о существовании детских домов в г. Клецке (200 чел.), г. Браславе Витебской области, г. Альбертине Слонимского округа (400 детей из Бобруйска).

В детдомах находились дети разных национальностей: белорусы, русские, украинцы и другие, кроме еврейских детей. Этому вопросу уделялось самое пристальное внимание. Всех детей, которых подозревали в принадлежности к еврейской национальности, направляли на комиссию при городском

комиссариате. Если ребенка признавали евреем, его передавали в больницу Минского гетто.

Сохранившиеся в Белорусском государственном архиве документы позволяют сделать вывод о функционировании детских домов, о положении в них детей только в детских домах Минской округи.

С 1 апреля 1942 г. детские дома Минской округи перешли в ведение Минского окружного комиссариата, что позволило сосредоточить контроль за детскими домами в одних руках. Первые ревизии хозяйственной деятельности детских домов, проверки состояния учебно-воспитательной работы были проведены в январе – феврале 1942 г. сотрудниками Минского окружного и районного комиссариатов.

Проверки выявили значительные недостатки в работе большинства детских домов: питание детей было недостаточным, дети худые, их физическое состояние слабое, внешний вид неряшливый, дети плохо обуты, мало бывают на свежем воздухе. Так, из 60 детей младшей группы в детдоме Семково – 9 детей страдали малокровием, 1 ребенок болел рахитом, 1 – туберкулезом легких и 1 – пороком сердца. Воспитательная работа была поставлена неудовлетворительно. По итогам проверок 27 февраля 1942 г. было проведено совещание отдела образования комиссариата Минской округи с заведующими детских домов. На совещании было объявлено, что все детские дома районов округи (Минского, Заславльского и Узденского) передаются в ведение окружного комиссариата. В качестве первоочередных были поставлены задачи:

- а) обеспечить сытое питание детей;
- б) навести чистоту и порядок в детских домах;
- в) наладить подсобное хозяйство при детдомах (ф. 393, оп. 1, д. 291).

Заведующим детскими домами было предложено пересмотреть штаты, укомплектовать соответствующими работниками. Подчеркивалось, что заведующие детдомами несут всю ответственность за работу детдомов.

Тогда же, 27 февраля 1942 г., до ведома заведующих детдомами было доведено распоряжение по комиссариату Минской округи о нормах питания для детей. Начальникам районов, на территории которых находились детские дома, вменялось в обязанность обеспечение детей продуктами питания по следующей норме на одного ребенка в день: хлеб – 250, картофель – 400, крупа – 30, мука – 30, мясо – 25, костей-сбою – 80 грамм. Для детей, не имеющих полных 5 лет, необходимо было дополнительно выдавать по 1/4 литра молока в день. Эту норму молока по решению доктора необходимо было выдавать более взрослым детям, но только больным (ф. 393, оп. 5, д. 47).

Норма питания доводилась до ведома заведующих детдомами ежемесячно. В апреле 1942 г. по распоряжению комиссариата Минского района нормы питания на одного ребенка в детдоме на неделю были следующими: хлеб – 2100, мясо – 100, жир – 75, крупы или муки – 400, картофель – 6000, кофесуррогат – 90, сахар – 60, соль – 35, мармелад или сироп – 140 грамм (ф. 393, оп. 1, д. 293). В разработке этих минимальных норм принимала участие директор Минской детской больницы, доцент кафедры физиологии Ю. Николаева. В дальнейшем нормы питания детей в детских домах оставались практически неизменными. Во всех документах, касающихся норм продуктов питания, подчеркивалось, что распределение и использование выделяемых продуктов должно осуществляться «исключительно» для детей, воспитанников детского дома. Использование этих продуктов для собственных или семейных потребностей будет наказываться снятием с работы и передачей

немецкому суду» (ф. 393, оп. 1, д. 293). В случае невозможности обеспечения детей мармеладом, кофе, сахаром, жирами и мясом по норме, администрация должна была увеличить норму хлеба до 400 грамм в день и выдавать каждому ребенку в день 1/2 литра молока из подсобного хозяйства детдома. Кроме обязательного минимального пайка другие необходимые продукты частично поступали от Белорусской народной самопомощи, от приусадебного хозяйства детдомов, добывались заведующими детдомами в колхозах, воинских частях и т.д.

Существовала ежемесячная строгая отчетность руководителей детдомов перед районной управой о количестве полученных и использованных продуктах с указанием остатков на первое число следующего месяца. Так, сохранились ежемесячные отчеты заведующего детским домом в Острошицком Городке, в котором указывались такие продукты, как картофель, горох, жиры, крупа ячная, перловая, гречневая, кофе, капуста, лук, мармелад, мясо, молоко, мука ржаная и гречневая, соль, хлеб, сахар, творог (изредка), специи (ф. 393, оп. 1, д. 293).

Бургомистром Минского района было принято распоряжение «О меню питания детей в детских домах», где был четко оговорен порядок получения продуктов питания из кладовой и поступление их на кухню. Все проверки детдомов, которые проводились сотрудниками Минского комиссариата, подтверждают, что это распоряжение в детдомах выполнялось неукоснительно, а поскольку нормы продуктов были минимальными, а контроль строгим, хищения практически были исключены. Так, например, из акта обследования жизни детей и сотрудников Острошицко-Городецкого детдома, которое проводил сотрудник Минского окружного комиссариата Белоусов 20 сентября 1942 г., следует, что: *«Подсобное хозяйство является источником улучшения питания детей, а именно огородница: свекла, огурцы, морковь, брюква, репа, капуста, ранний картофель – все идет на питание детей. Питание детям дается четыре раза в день. Дополнительно к отпускаемым продуктам дети получают отдельно следующее: молоко от подсобного хозяйства 35 литров, от молочного пункта 30 литров, соли 3 кг, хлеба 1000 г на каждого ребенка, огородница и пр.»*. Кроме того, указывалось, что работники детского дома живут исключительно на зарплату и отпускаемый им паек по себестоимости (отдельно от детского), поэтому высказывалось пожелание, чтобы сотрудникам отпускалось кое-что с подсобного хозяйства (огородница и картофель), так как они вместе с детьми принимают участие в уборке урожая, что улучшит их материальное положение и даст возможность полностью заниматься своей работой (ф. 393, оп. 1, д. 295).

В вопросах обеспечения детских домов продовольствием и одеждой органы власти действовали совместно с органами БНС. Сохранилось письмо заведующего отделом просвещения Минского областного комиссариата М. **Островского** в БНС от 13 апреля 1942 г. с просьбой помочь в обеспечении детских домов как продуктами питания, так и одеждой и мылом. Воспитанники детских домов обеспечивались мылом исходя из нормы 15 г мыла на воспитанника в день. В обеспечении мылом, одеждой и обувью были громадные трудности, дети были зачастую раздеты и разуты. Так, например, в заявке инспектора по детским домам И. **Конькова** от 19 февраля 1943 г. гебитскомиссариату г. Минска содержались сведения о необходимом количестве одежды и обуви для воспитанников детских домов, из чего следовало, что каждый второй нуждался в обуви, каждый четвертый – в одежде.

Практически при всех детдомах Минской области были подсобные хозяйства. Так, например, Семково-Городецкому детдому Заславльского района принадлежало 62 га пахотной земли, 20 га сенокоса, 35 га леса. В подсобном хозяйстве имелось 10 рабочих лошадей, 11 коров, 1 племенная бык, 2 телят, 2 кабана, 3 свиноматки, 19 поросят, 1 коза и 2 козлят (из акта от 7 ноября 1942 г.). При детдоме была водяная мельница, которая одновременно давала электрическое освещение детдому; хлебопекарня, швейная и столярная мастерские, кузница, которые использовались для хозяйственного обслуживания детдома. Хозяйство обслуживалось рабочими, воспитанники принимали участие в сельхозработах.

Помимо вопросов хозяйственной деятельности детских домов, обеспечения детей продовольствием и одеждой сотрудники отдела просвещения Минского окружного и районного комиссариатов очень большое внимание уделяли состоянию учебно-воспитательной работы в домах.

По результатам первых проверок состояния воспитательной работы в январе – феврале 1942 г. в детдомах было отмечено много недостатков, в частности: несоблюдение режима дня, отсутствие кружковой работы, слабая забота о внешнем виде детей. Указывалось, что главная причина – безответственное, халатное отношение к работе сотрудников детдомов, «адсутнасць мацярынскай любасці да дзяцей з боку ўсяго персаналу дзіцячага дому».

Большие обязанности возлагались на медицинского работника, который обязательно входил в штат сотрудников детского дома. Он должен был осуществлять надзор за состоянием кухни и питания детей, не реже 2 раз в месяц проводить «поголовный медосмотр детей, кроме ежедневного». В документах подчеркивалось, что «справа ўрача састаіць не толькі ў тым, каб лячыць, а больш у тым, каб папярэдзіць усякія хваробы і фізічны заняпад дзяцей» (ф. 393, оп. 1, д. 293).

И действительно, это не было только декларацией. Детям в детдомах делали прививки от брюшного тифа, дифтерии, дизентерии, 2–3 раза в месяц детей водили в баню с полной сменой постельного белья, раз в месяц проводилась стрижка волос.

Во всех сохранившихся в Белгосархиве документах в отношении детских домов есть только три упоминания о смерти детей:

- 1) в результате несчастного случая – ранения в голову;
- 2) ребенок был болен двухсторонним туберкулезом и пороком сердца, в таком состоянии поступил в детдом в сентябре 1941 г.;
- 3) воспитанник Тростенецкого дошкольного детдома умер в больнице от болезни 27 марта 1942 г.

В целях оказания помощи воспитателям в их работе были подготовлены и разосланы по детдомам методические рекомендации по вопросам развития интересов, любви к природе у детей, программа трудового обучения детей; регламент для детских учреждений, в котором указывалось, что забота о здоровье детей, об их правильном физическом и духовном развитии является важнейшей задачей детского учреждения.

Во всех методических рекомендациях подчеркивалось, что вся работа детского дома и воспитание детей в нем должны проводиться в духе белорусского национального воспитания: «прышчапіць дзецям любоў да маці-Беларусі, беларускага народу, беларускай культуры, песням, музыцы, казкам і звычкам» (ф. 393, оп. 1, д. 523). Поэтому в работе с детьми можно было пользоваться только белорусским языком, категорически запрещалось говорить

в детских учреждениях по-русски или по-польски. Все руководители и воспитатели детских учреждений должны быть «сябрамі ВНС».

Не менее важным направлением воспитательной работы являлось воспитание любви и уважения к Германии, к Гитлеру, к немецкой армии. Так, например, в «Рагляміне для дзіцячых устаноў» было подчеркнуто: *«Вялікае палітычнае і выхаваўчае значэнне мае азнаямленне дзяцей па малюнках і апавяданнях аб жыццці і дзейнасці правадыра Вялікай Нямецчыны Адольфа Гітлера, яго цеплых і чужых адносінах да дзяцей, для чаго скарыстаць брашурку «Адольф Гітлер і дзеці», пазнаеміць дзяцей з жыццём і мужнасцю нямецкіх жаўнераў, выхаваць у дзяцей прыхільныя адносіны да нямецкага войска, пазнаеміць з жыццём нямецкіх службоўцаў, рабочых і сялян»* (ф. 393, оп. 1, д. 523).

Особое внимание в воспитательной работе в детских домах уделялось поддержанию дисциплины.

В 1943 г. были разработаны методические рекомендации «Аб выхаванні дысцыпліны дзіцячага дому». В этих рекомендациях впервые находим упоминание о таких мерах наказания детей, как:

- 1) арест на срок до 7 дней с отсидкой в карцере при детском доме;
- 2) применение палок согласно п.п. 5 и 6 приказа гебитскокомиссара № 428 от 30.12.41;
- 3) исключение из детского дома и выдача под суд за поступки криминального характера.

Однако при этом оговаривается, что эти меры воздействия могут накладываться только директором детдома по ходатайству воспитателя и после детального знакомства с делом, а на применение палок – только с согласия гебитскокомиссара. Подчеркивалось, что *«упамянутыя пакаранні павінны прымяняцца асцярожна, зусім правільна, з улікам індывідуальных асаблівасцей дзяцей»* (ф. 393, оп. 1, д. 523).

В сохранившихся архивных документах нет ни одного упоминания о применении вышеназванных мер наказания. Есть другое: *«За безпадастаўна непедагагічнае і грубае да крывацёкаў прымяненне фізічных мер уздзеяння да асобных выхаванцаў, за праяўленне недысцыплінаванасці выхавацелю Загавалка»* инспектором по детдомам Минского районного комиссариата был объявлен строгий выговор с последним предупреждением.

В детдомах функционировали кружки. Планировались районные выставки, на которые необходимо было представить номера художественной самодеятельности, образцы детского труда (вышивка, рисование, лепка, аппликация, шитье и т.д.). Сохранился «План показа мероприятий по детскому дому Острошицкого Городка на районную выставку» от 30 июля 1942 г. В этом плане предусматривался показ номеров художественной самодеятельности (физкультура, песни, танцы, выступления струнного оркестра, декламация), а также образцы продукции сельского хозяйства.

Имеющиеся документы позволяют сделать вывод о том, что многих воспитанников детских домов старшего возраста после прохождения медкомиссии направляли в Германию для обучения различным профессиям.

Адамушко В. Справка о положении в детских домах, находившихся на территории Беларуси в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. // Реклама. – 11 августа 1995. – С. 3.

Социальные проблемы.

Раненые дети на полях Великой Отечественной войны

Вопросы установления причинной связи инвалидности с детства с ранением, контузией, увечьем, боевых действий в период Великой Отечественной войны либо с последствиями военных действий решаются медико-реабилитационными экспертными комиссиями (МРЭК), которые находятся в ведении Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Согласно вынесенному заключению, МРЭК выдает соответствующее удостоверение инвалиду, на основании которого ему предоставляются положенные законодательством льготы.

Инвалидам третьей группы с детства вследствие ранения, контузии, увечья, связанных с боевыми действиями в период Великой Отечественной войны либо с последствиями военных действий, в соответствии со ст. 25 Закона Республики Беларусь «О ветеранах» предоставляются следующие права и льготы.

1. Повышение размеров пенсий и льготное налогообложение в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

2. Получение льготных кредитов, субсидий на строительство (реконструкцию или приобретение жилых помещений, садовых домиков, благоустройство садовых и приусадебных участков) в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

3. Внеочередное предоставление жилых помещений социального пользования состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий.

4. Первоочередное вступление в организации граждан-застройщиков, гаражные, дачные кооперативы, садоводческие товарищества.

5. Безвозмездная передача в собственность (с учетом жилищной квоты, суммы квот) занимаемых жилых помещений в пределах 20 квадратных метров общей жилой площади на себя и каждого проживающего вместе с ним нетрудоспособного неработающего члена его семьи с соблюдением принципа одноразовости использования данной льготы.

6. Плата за техническое обслуживание в пределах 20 квадратных метров общей площади жилого помещения производится со скидкой 50 процентов и 20 квадратных метров общей площади на всю семью – по установленным ставкам. 50-процентная скидка предоставляется по оплате за коммунальные услуги (горячее и холодное водоснабжение, канализацию, газ, электрическую и тепловую энергию, лифты, вывоз и обезвреживание твердых бытовых отходов, другие услуги).

Проживающим в домах без централизованной подачи тепловой энергии 50-процентная скидка предоставляется со стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению. Отпуск топлива производится во внеочередном порядке. Указанные льготы предоставляются инвалидам и проживающим совместно с ними нетрудоспособным неработающим членам их семей.

7. Внеочередная установка квартирного телефона с оплатой в размере 20 процентов от установочной платы, 50 процентов от стоимости дополнительных работ при строительстве абонентской линии протяженностью не более 500 метров (при протяженности сверх установленной нормы плата взимается в полном размере), а при достижении мужчинами возраста 60 лет,

женщинами – 55 лет – 50-процентная скидка по оплате за пользование квартирным телефоном (кроме международных и междугородних разговоров).

8. Пользование при выходе на пенсию поликлиниками, к которым они были прикреплены в период работы (службы), бесплатное получение медицинской помощи в государственных лечебно-профилактических учреждениях.

9. Бесплатное получение лекарств, выдаваемых по рецептам врачей, на условиях и в порядке, установленных Советом Министров Республики Беларусь.

10. Первоочередное обслуживание в учреждениях здравоохранения, первоочередная госпитализация.

11. Первоочередное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов, фарфора и металлокерамики) в государственных лечебно-профилактических учреждениях по месту жительства.

12. Первоочередное (при наличии медицинских показаний) обеспечение путевками в санатории, профилактории и дома отдыха (работающих – по месту работы, а неработающих – органами, осуществляющими их пенсионное обеспечение).

13. Использование трудового отпуска в удобное для них время и предоставление социального отпуска без сохранения заработной платы сроком до двух недель в году.

14. Бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси) независимо от их места жительства, а проживающим в сельской местности – также на междугородном автомобильном транспорте в пределах административного района по месту жительства.

15. 50-процентная скидка по оплате стоимости проезда на внутренних линиях воздушного, железнодорожного, водного и автомобильного транспорта с 1 октября по 15 мая.

16. Бесплатный проезд на железнодорожном, автомобильном и водном транспорте пригородного сообщения.

17. Бесплатный проезд один раз в два года (туда и обратно) на воздушном, железнодорожном, водном или междугородном автомобильном транспорте либо по желанию инвалида проезд с 50-процентной скидкой по оплате стоимости проезда раз в год (туда и обратно) на указанных видах транспорта.

18. Первоочередное пользование всеми видами услуг связи, культурно-просветительных и спортивно-оздоровительных организаций, приобретение билетов на все виды транспорта, льготное обслуживание организациями розничной торговли и бытового обслуживания.

19. Первоочередное выделение кормов для скота, находящегося в личном пользовании.

Следует отметить, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 марта 2005 г. № 135 «Об оказании материальной помощи отдельным категориям граждан в связи с празднованием 60-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне» данной категории инвалидов с детства будет оказана материальная помощь в размере 70 тысяч рублей.

Босюк Н., начальник главного управления государственной социальной поддержки населения. Детям, раненым на войне // Народная газета. С. 4.

Разговор о нашем времени и жизни

Так много прошло времени с тех далеких пор. Оно и сегодня еще остается пугающим. Но мне хотелось бы быть узнанной в тех событиях. Смогу ли я это сделать? Такое желание мне понятно и я чувствую те времена. Может еще и потому, что со мной сострадали те, кому приходилось быть всегда рядом. Они стали опорой и поддержкой. Это моя семья и мои друзья. Для них я начинаю свой рассказ и свое повествование. Для них и для себя...

РАЗДЕЛ 2. БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Пожалуй, мало что могу сказать о самой войне. О ней немало написано историками. Я же хочу представить истории, которые мне ближе и узнаваемы мной. Но вначале несколько слов наблюдений, которые документально были представлены на суде: «В 1942 г. в детском доме № 3 г. Минска находилось 200 детей-сирот. Среди воспитанников этого приюта более половины составляли дети еврейской национальности. А документально они были оформлены как дети из белорусских семей, потерявшие своих родителей. А ведь такой детский дом в годы оккупации в Минске был не один.

Документы свидетельствуют, что в детский дом № 3 в ноябре 1942 г. из Минского гетто была доставлена и Мария Жукова. В ту ноябрьскую ночь в детском доме № 3 дежурила нянечка Анна Величко. Она услышала плач ребенка, доносившийся с крыльца здания детского дома. Отворив входную дверь, Анна Николаевна увидела маленькую девочку. Таким образом, Анна Величко оказалась в жизни Марии Жуковой как бы и крестной матерью. Она хорошо знала, откуда доставили в детский дом несчастную девочку, поэтому не случайно, в течение всего оккупационного периода, когда в детском доме появлялись немцы, нянечка прятала Марию и других детей подальше от глаз непрошенных «гостей». Жизнь детей-сирот в детских домах в годы оккупации, конечно, была тяжелой и бытовые условия неудобными. Терпели они голод и холод. Однако, находясь в экстремальных условиях, они не были заброшенными».

Действительно, заведующие детским домом № 3 нередко менялись. Видимо, текучесть была связана с тем, что в этом детском учреждении в годы оккупации Минска нашли приют, как свидетельствуют архивные документы, пятьдесят процентов детей еврейской национальности. А ведь все заведующие детскими домами, которые укрывали детей еврейской национальности, очень рисковали.

Во все детские дома гитлеровцы направили распоряжения вот такого содержания: «Все жидовские дети, по тем или иным причинам попавшие в ваш детский дом, должны быть под вашу личную ответственность из детского дома выделены и переданы в больницу гетто». А это означало – отправить их на уничтожение.

Из всех, кто заведовал детским домом № 3 в годы оккупации Минска, воспитанники запомнили только лишь Константина Носова и Анну Петуховскую. Носов носил полувоенную форму, был очень строг и наказывал детей за малейшую провинность, поэтому дети его не любили и даже дали ему кличку «Нос».

Однако за внешней строгостью он скрывал от гитлеровцев нахождение среди своих воспитанников еврейских детей. А Петуховская приняла смену от Носова и руководила детским домом до самого освобождения от немцев Минска. Она была трусливой, писала донос в городскую управу о назначении комиссии по выявлению среди воспитанников детского дома детей еврейской национальности. А когда восстановили в Минске Советскую власть, тогда уже сотрудники детского дома написали на Анну Петуховскую донос «куда следует» о том, что она брала взятки за определение в детский дом еврейских детей. Поэтому и одевала красивые платья и даже в тяжелое военное время сумела выйти замуж не за кого-либо, а за самого начальника городской управы. Донос был принят, и Петуховскую сразу же осудили в 1944–1945 гг. на десять лет и 5 лет поражения в правах. Отбыв срок от «звонка до звонка», она возвратилась в Минск в добром здравии. Однако в дальнейшем не имела права занимать руководящую должность.

Детский дом № 7. В первые дни оккупации немцами Минска смелая и мужественная женщина Вера Леонардовна Спарнинг занялась поиском сирот и беспризорных детей. А затем на базе бывшего детского сада, который размещался в переулке Красивом, создала приют для беспризорников. А городская управа дала ему наименование «Детский дом № 7». Под крышу этого дома, в трудных условиях оккупации города, Вера Леонардовна собрала 120 детей-сирот разных национальностей. Для спасения от гибели она приняла тайным образом в свое детское учреждение в качестве воспитанников 30 еврейских детей. Эта сильная женщина с прочным моральным и нравственным стержнем фактически совершила подвиг в военное время. Ведь государство за брошенных на произвол судьбы детей не несло никакой ответственности. А такую ораву малышей надо было одеть и накормить, а зимой обогреть и спать уложить.

На центральной базе продукты питания и одежду немцы не выдавали. И все это заведующая детским домом Вера Леонардовна должна была где-то приобрести лично сама. Обращалась за помощью к церковным общинам, к руководителям молочных заводов и мясокомбинатов. Ездила по деревням.

А кроме детей надо было создать и содержать штат обслуживающего персонала: воспитателей, нянек, хозяйственных рабочих и платить им какую-то заработную плату. А в детском доме еще и тайно содержалось на воспитании тридцать детей еврейской национальности, о чем было известно всем сотрудникам. В таких условиях достаточно было доноса одного злого человека. И тогда заведующей не довелось бы ждать от гитлеровцев добра. Однако все невзгоды и лишения мужественная женщина выдержала с честью. С приходом Красной Армии Вера Леонардовна Спарнинг передала Советской власти 120 спасенных детей, в том числе и тридцать воспитанников еврейской национальности.

Руководствуясь здравым смыслом и законом справедливости, за спасение от гибели 120 советских детей Вере Леонардовне следовало тогда ожидать от Советской власти награду. А вместо награды – арест. Одна очень мерзкая и шустрая женщина, которая вовремя убежала от немцев из Минска, а затем вовремя возвратилась из самого Ташкента и как опытный «стрелок» вовремя прицелилась к должности заведующей детским домом, будучи воспитанной по системе Павлика Морозова, тоже вовремя сочинила донос в НКВД на Веру Леонардовну Спарнинг с обвинением ее в евангелизации советских детей. И этого в то время уже было вполне достаточно, чтобы по доносу «православной» атеистки направить заведующую детским домом для изучения атеизма и научного коммунизма в лагерь, в зону вечной мерзлоты. И тогда все «евангелизированные» дети встали стеной на защиту любимой заведующей своего детского дома. Они вспомнили довоенные песни и стихи про маршала Ворошилова, где были и такие строки: «...Товарищ Ворошилов народный комиссар. Товарищу Ворошилову письмо я написал...». И вот дети-сироты взяли и написали письмо в защиту Веры Леонардовны и с множеством детских подписей направили его Климу Ворошилову по адресу: «Москва – Кремль». Вот только не установлено, покидало ли пределы Минска то детское письмо и получил ли его Красный Маршал. Ведь известно, что письма с адресом: «Москва – Кремль» очень редко уходили за пределы первого почтового отделения связи. А вот о том, что Веру Спарнинг из тюрьмы НКВД выпустили на свободу через полтора месяца, достоверно известно, и все ложные и клеветнические обвинения в адрес мужественной женщины были сняты.

Личное гражданское мужество и отвагу по спасению от гибели еврейских детей проявил и Василий Семенович Орлов. Он в годы оккупации Минска работал в городской управе в отделе просвещения – инспектором детских учреждений. Используя свое служебное положение, подвергаясь опасности, он выдавал направления для определения в приюты детей еврейской национальности. Таким методом он спас от уничтожения более семидесяти еврейских детей из гетто. После освобождения Минска Советская власть обвинила Василия Орлова в коллаборационизме и посадила его за решетку. Однако спасенные им дети выступили в его защиту. Они сочинили письма и с детскими подписями направили в НКВД. И эти письма помогли снять с Василия Орлова обвинение в пособничестве оккупантам. И только дети помогли Василию Семеновичу Орлову избежать сталинских лагерей.

Вера Спарнинг и Василий Орлов совершили настоящий подвиг. Они, как добровольцы, в чрезвычайных условиях фашистского оккупационного режима вдвоем спасли от гибели двести детей и после прихода в Минск

Красной Армии передали их Советской власти живыми и здоровыми. Тогда среди спасенных оказались и ныне проживающие в Минске: я – Мария Иосифовна Жукова, Виктор Аскарлович Кантор, Анатолий Михайлович Дикушин, Владимир Степанович Баранов, Евгения Яковлевна Печкова, Иван Иванович Богданов, родные брат и сестра Химинец Леонид Борисович и Химинец Елизавета Дмитриевна (так в детском доме № 3 записали их отчество) и другие. А вместо награды за совершенный подвиг Веру Спарнинг и Василия Орлова Советская власть обвинила в коллаборационизме (слово подобрали такое, пока его человек произнесет – заикой станет) и посадила за решетку. А приبلуда, приехавшая из Ташкента в Минск, за донос и клевету получила награду – должность заведующей детским домом № 7, который был создан тяжелым трудом Веры Спарнинг в годы фашистской оккупации Минска. И никто за клевету, ложные доносы и стукачество не понес никакого наказания, поскольку в Стране Советов такие подлые поступки людей считались нормой. А вот если бы Вера Спарнинг при гитлеровцах в детском доме организовала Красный уголок и в углу вместо иконы Иисуса Христа приспособила портрет Иосифа Сталина и всем голодным и полураздетым воспитанникам вместо крестиков одела на шею красные пионерские галстуки и водила детские хороводы с песней «Все ребята-октябрюта любят Сталина», это было бы в рамках научного атеизма, советской идеологии и патриотизма. Только вот прихожане евангелической церкви под сталинский ритуал не носили бы в детский дом продукты питания, детскую одежду и обувь. Это с одной стороны. А с другой, появились бы на пороге детского дома ребята в черном, с изображением черепа и двух человеческих костей на кокардах их головных уборов. И тогда отвезли бы они в Тростенец заведующую детским домом вместе со всеми воспитанниками. Вот только лишь в таком случае Веру Спарнинг могли бы наградить посмертно Почетной грамотой или другой какой-либо наградой с сообщением в газетах о героическом поступке мужественной советской женщины в тылу врага.

«Никто – не забыт, ничто – не забыто». Во все времена народ каждой страны стремился увековечить память о тех, кто совершал подвиги во имя спасения человеческой жизни, как пример для потомков. Поэтому неслучайно родилась поговорка: «Сам погибай, а товарища спасай».

Вот и в Государстве Израиль, в далекой от Беларуси дружественной нам стране, увековечили имена граждан Беларуси, которые в годы фашистской оккупации, подвергая свою жизнь смертельной опасности, не преследуя корыстных целей, спасали от неминуемой гибели еврейских детей. Правительство Государства Израиль наградило Почетной Грамотой и медалью Праведника народов мира уже около шестисот граждан Республики Беларусь. Их фамилии и имена навечно выгравированы золотыми буквами на «Стене Почета» в Саду Праведников в Иерусалиме. Там заняли свое достойное почетное место и Анна Николаевна Величко – бывшая сотрудница минского детского дома № 3, и Вера Леонардовна Спарнинг – бывшая заведующая детским домом № 7 в Минске, и Василий Семенович Орлов – бывший инспектор детских учреждений Минской городской управы.

Вот только некоторые документы, представленные по воссозданию справедливости в отношении Анны Николаевны Величко. Так, ею спасенная Печкова (Видерман) Евгения, 1939 г.р., с начала немецкой оккупации

находилась в Минском гетто со своей мамой и двумя братьями. В 1942 г. ее мама Ида Видерман сбежала из гетто к партизанам. Она оставила Евгению у входа в детский дом, где Евгения была до освобождения Минска в 1944 г. Она немного помнит из того времени, но также как и остальные, она помнит тот же эпизод. Нацисты пришли забрать еврейских детей, в том числе и Евгению. Но воспитательница не дала им сделать это. Она сказала, что это ошибка, потому что ребенок не еврей. Спасенная думает, что работники детского дома рисковали своими жизнями, потому что наказанием за сокрытие еврея была смерть, а в детском доме было много еврейских детей. Сотрудница Величко Анна в течение всей оккупации заботилась о еврейских детях и этим рисковала своей жизнью. (*Свидетельство от августа 1994 г.*)

Директору института «Яд Вашем»

Руководство Минского объединения еврейской культуры им. Изи Харики просит Вас вступить в ходатайство перед правительством Израиля о награждении орденом «Праведник мира» гражданку Беларуси Величко Анну Николаевну, 1914 года рождения, проживающую в г. Минске.

Величко А.Н., начиная с лета 1941 г. и по сей день, работает в Минском детском доме № 3 нянечкой. В годы оккупации вместе с другими сотрудниками детского дома принимала участие в спасении еврейских детей, которые подбрасывались в детский дом из гетто. (О судьбе еврейских детей в годы оккупации по литературным и архивным данным – см. исследование Анны Гуревич «Признана не жидовкой» в газете «Авив» № 2, 1994 г., ст. 15).

Именно в этом детском доме по инициативе директора Петуховской А.Ф. было уничтожено 42 ребенка еврейского происхождения, однако, благодаря стараниям персонала, значительное количество еврейских детей было спасено.

Нами представлены подлинники собственноручно написанных воспоминаний воспитанников этого детского дома периода оккупации Чертковой Л.Е., Лозовой Л. (Каганович), Жуковой М.И., Печковой Е.Я., Каплана С.П. Все они (кроме Каплана С.П.) – 1939 года рождения, поэтому каких бы то ни было серьезных воспоминаний в их сознании не сохранилось. Но тем не менее уничтожение еврейских детей и собственное спасение от смерти у большинства врезалось в память.

В настоящее время в объединении воспитанников детских домов (БелОВДИ) состоит 14 человек еврейской национальности, которые пережили оккупацию в детском доме № 1 (№ 3). Всего отозвалось за пять лет 34 человека. Такой высокий процент спасения еврейских детей – результат самоотверженной заботы персонала.

Приводимые нами воспоминания Величко А.Н. относятся к лету 1989 г., и тогда же они были перенесены с магнитофонной ленты на бумагу. Последующие беседы с ней позволили нарисовать общую картину спасения еврейских детей, в чем принимала участие и Величко А.Н.

Детям, подобранным из гетто, присваивали «русские» имена и фамилии, нередко по внешнему виду: Тихий, Чернышева, Черноглазов, Хромова и т.д. Детей крестили, надевали всем нательные кресты, их имена вносились в приходские книги, у каждого была крестная мать из числа местных жителей (документы погибли при пожаре церкви).

Детям перекрашивали волосы. Кому не удавалось, остригали наголо. Во время селекции детей прятали в чуланах, овощехранилищах, различного рода тайниках, летом – в зелени, в ботве картофельных посадок и т.д., укладывали в постель, представляя их больными, отдавали в эти дни в больницу, в семьи крестных, знакомых. Имеются дети, «отбитые» воспитателями у немцев.

Во время приезда антропологической экспертизы учили детей как себя вести, каким образом отвечать на вопросы и т.д.

При этом персонал рисковал собой и своими близкими. К примеру, Величко А.Н. жила при детском доме с двумя детьми. В случае разоблачения смерть ждала и ее, и детей, и, тем не менее, она помогала спасти воспитанников, подброшенных из гетто. Кроме того, приходилось еще преодолевать сопротивление коллаборационистов (к примеру, директора детского дома № 3 Петуховской А.Ф.), то есть, скрывая все свои действия даже от многих членов коллектива детского дома.

Из сотрудников детского дома периода оккупации, кроме Величко А.Н., никого больше не осталось в живых, и сейчас уже трудно определить степень участия каждого из бывших сотрудников в спасении еврейских детей, которых, по признанию самой Петуховской А.Ф. на суде в 1945 г., было «50 %». Но сам факт подвижнической деятельности Величко А.Н. в годы оккупации не подлежит сомнению.

Материалы о спасении еврейских детей в детском доме № 1 (№ 3) г. Минска публиковались в газете «Авив» (№ 2 – 1992, № 2 – 1994 и статье «Пароль – «Козырево» в газете «Добрый вечер» от 6 октября 1993 г. и др.) и были одним из сюжетов документального фильма «Кадиш» (реж. – Валерий Анисенко, 1992). В каждом из них рассказывалось об Анне Николаевне Величко, которая и сейчас работает в этом детском доме.

*Заместитель Председателя
Минского объединения Еврейской культуры
Яков Басин*

*Справка об оккупации Минска на 1 л. прилагается
г. Минск, 12.10.1994*

Справка об оккупации Минска

Минск был оккупирован 28.06.1941. Но уже с 20.07.41 в детских домах появилось различие между еврейскими и нееврейскими детьми. В марте 1942 г. были уничтожены детские дома на территории гетто. За пределами гетто также находились детские дома, в которых жили еврейские дети. Городской детский дом № 3 в Минске не был исключением.

По словам бывшего директора этого детдома Петуховской, которая по окончании войны была обвинена в сотрудничестве с фашистами, 50 % из 200 детей были евреями. Некоторые из них умерли или были угнаны на работу в Германию (когда им исполнилось 12 лет), а вместо них были приняты новые дети, среди которых большую часть составляли евреи.

Оккупационные власти время от времени проводили облавы. Газовые автобусы – «душегубки» вылавливали еврейских детей на улицах, во дворах, в больницах. Детьми набивали огромные кузова машин. Груды маленьких тел выбрасывали в ямы деревни Тростенец. Чтобы выяснить, кто из детей

является евреем, в городе был учрежден антропологический комитет. Во главе этого комитета стоял человек из СД по фамилии Ребигер. В работе комитета также участвовали ответственный за детские дома в городском совете Бухвалов, инспектор из городского совета по фамилии Шеврук и директора детских домов. Дети, которые признавались евреями, отправлялись в гетто. Однако некоторым из них удалось выжить. И случилось это благодаря помощи работников детских домов. Они знали, кто из детей еврей, и, рискуя своей жизнью, спасали их.

Машинопись, копия. Минск, 1994 г.

Из архива Марии Жуковой.

Величко Анна – спаситель (работник детского дома № 3)

Дата рождения – 1914 г.

Адрес – Минск, Беларусь.

Список спасенных: Гуревич Анна, г.р. 1939, Минск, Беларусь

Каплан Семен, г.р. 1936, Минск, Беларусь

Шацкий Владимир, г.р. 1939, Зеленоград, Россия

Лозовая Лариса, г.р. 1939, Москва, Россия

И еще 10 еврейских детей, родившихся между 1938 и 1939 гг.

Все живут за пределами Беларуси.

Свидетельство от 22.07.1989 г. До войны Анна жила в д. Лошица в пригороде Минска. В 1941 г., когда ее муж был призван в Красную Армию, Анна с двумя своими детьми переехала в Минск. Во время войны она работала в городском детском доме № 3, где продолжала работать и после войны. Здесь некоторая часть ее воспоминаний. «В детском доме было много еврейских детей. Работники знали это, но не отдавали никого. Немцы обычно проводили проверки, они строили всех детей в линию, пытаясь найти евреев. Было очень тяжело с едой. Хлеб выдавался по карточкам, а карточки выдавались только тем, у кого было свидетельство о рождении. Поэтому позвали священника, чтобы он крестил детей и выдал им свидетельства».

Документы:

1. Свидетельство Шацкого Владимира, ребенка из детского дома. Его мама выжила и нашла его в 1944 г.
2. Свидетельство Жуковой Марии, ребенка из детского дома. Никто из ее семьи не выжил. Работники детского дома дали ей русское имя. Она не помнит свое настоящее имя.
3. Свидетельство Кондрагиной Анны (Аллы), г.р. 1936, дочери Величко Анны.
4. Статьи из газеты «Добрый Вечер» от 6.10.1993 и газеты «Вечерний Минск» от 23.09.1993. В этих газетах рассказывается о встрече воспитанников детского дома № 3 в Минске и о событиях, происходивших во время оккупации, и о роли работников детского дома в спасении еврейских детей.
5. Общество еврейской культуры в Минске обратилось в Яд Вашем с просьбой признать Величко Анну праведником, так как из всех работников детского дома она одна еще жива. Ассоциация, которой руководит Яков Басин, собрала все материалы об этом детском доме и отправила их в Яд Вашем.

Рекомендация: признать Величко Анну праведником.

Решением специальной комиссии мемориального института катастрофы и героизма европейского еврейства «Яд Вашем» Величко Анне присвоено почетное звание Праведника народов мира.

Следует отметить, что правительство Государства Израиль не пожалело денег для установления каждому Праведнику ежемесячной пожизненной финансовой и материальной помощи. А вот в Республике Беларусь еще строго соблюдается сталинская традиция. Узники концлагерей при Сталине не квалифицировались, как и пленные, – предателями. Устойчивость этой традиции в нашем государстве ярко продемонстрирована по отношению к бывшим узникам фашистских концлагерей о лишении этой беднейшей категории престарелых граждан последних льгот, которые были предусмотрены Законом «О ветеранах». А ведь это именно те люди, которые в годы оккупации Беларуси не протянули руку дружбы Адольфу Гитлеру, а, рискуя собственной жизнью, снабжали партизан продовольствием и одеждой, собирали для них оружие и боеприпасы, доставляя опасные грузы на партизанские базы. А Гитлер в то время заявлял: *«Кто не протянет мне и Великой Германии руку дружбы, тот протянет ноги»*. И он постоянно выполнял свои обещания. Поэтому за патриотическую деятельность гитлеровцы и бросали наших граждан за колючую проволоку фашистских концлагерей.

А теперь у нас в Беларуси лозунг «Никто – не забыт, ничто – не забыто», похоже, что девальвировался. Его вспоминают только под фанфары, когда отмечают казенные юбилейные даты. Послушаешь торжественную речь главного начальника и с грустью в сердце уходишь с такого торжественного мероприятия.

А когда воспитанникам детских приютов исполнялось 14–15 лет, «приемные родители» их отправляли на свой хлеб. При этом напомнили, что они теперь не только дети Великого Сталина, но еще и являются хозяевами великой страны. Следовательно, надо ехать на стройки коммунизма и там ковать свое личное счастье для светлого будущего.

Вместо студенческих билетов детям-сиротам – мальчикам и девочкам – вручили кому кельмы каменщика, а кому малярную кисть и другие примитивные инструменты, не требующие особых трудовых навыков. И почти все выпускники детских домов оказались далеко от родной Беларуси: на стройках Ленинграда, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале и других отдаленных местах с непривычным для белорусских детей суровым климатом.

В 1954 г. меня из минского детского дома № 12 «родители» отправили на Урал в Свердловскую область в промышленный город Асбест учиться токарному делу. Вместе со мной на Урал уехали еще три девочки из моего детского дома № 12: Лариса Ульянова, Маргарита Муравьева, Тамара Савчик. Там нас, 15-летних девочек, поставили к токарным станкам обучаться тяжелой мужской профессии. Однако я не смогла стать токарем, поскольку была весом всего 30 килограммов и болела язвенной болезнью. Я не прошла медицинскую комиссию и по состоянию здоровья была откомандирована в город Минск. Лариса Ульянова (по мужу – Поливода) по сей день живет в России, судьбу двух других девочек я не знаю до сих пор.

Вернувшись в Минск, я обратилась в ГорОНО и меня направили в детский дом № 8, где я находилась несколько месяцев. Поскольку я была «переростком», то в сентябре этого же года меня и еще несколько девочек: Елизавету Химинец, Раису Андрончик, Валентину Агейчик, Галину Козлинскую и Тамару Садкевич из детского дома № 8 определили ученицами в швейную мастерскую, которая размещалась в поселке Ждановичи, что под Минском.

Освоив профессию швеи и получив специальность портнихи 3-го разряда, я отработала 4 года в швейной мастерской. Однако по причине ослабленного зрения мне пришлось оставить швейное дело и освоить новую профессию – машинистки, окончив 9-месячные курсы машинописи при Минском Окружном Доме офицеров в 1959–1960 гг. Затем продолжила свою трудовую деятельность в Ленинском райвоенкомате, потом была переведена для дальнейшей работы в войсковую часть. В итоге последние 25 лет я отработала машинисткой 1-й категории на минском заводе «Калибр» до ухода на пенсию по возрасту в 1994 г. Общий стаж – около 40 лет.

А настоящей квалифицированной машинисткой может стать только грамотный человек. И мне пришлось без отрыва от работы продолжить учебу в вечерней школе. А наука, как известно, требует жертв и ограничений в личной жизни. Для молодого человека, не зависимо от пола, учеба после трудового дня в вечернее время достигалась дорогой ценой молодости. Когда мои подруги шли в кино или на танцы, я в это же время спешила на занятия в школу. Совмещать работу с учебой мне, девчонке, самостоятельно без помощи взрослых было очень тяжело, а помочь было абсолютно некому. Со школы надо было возвращаться в позднее вечернее время, а столовые общепита и магазины уже были на замке. Следовательно, об ужине приходилось часто забывать. Даже не все ребята-вечерники смогли выдержать всю учебную дистанцию и покидали школу. Однако я все же с хорошими и отличными оценками окончила среднюю школу № 42 в Минске и получила аттестат зрелости. Отличные оценки были по гуманитарным предметам и английскому языку. Любовь к белорусскому языку и литературе мне привила Мария Николаевна Душкина.

Учила я наизусть многие стихотворения Янки Купалы и Якуба Коласа. Запомнилось, как сироте, стихотворение Янки Купалы «Песня сiроткі»:

Трэба мне, сiротцы, доля.

Ой, трэба:

Няма хаткі, няма поля,

І хлеба.

На тым свеце бацька, маці

Ў магіле, –

Сама я запрацаваці

Не ў сіле.

Хто ж адзецца, пракарміцца

Паможа?

Дзе падзецца, прытуліцца,

Мой Божа?

Пайду к дрэўцу прытулюся,

Заплачу;

К зоркам думкай памалюся

Бядачай.

*Пашлю скаргу, хай нясецца
За мора,
Як мне цяжанька жывецца, –
Гавора.
Мо, не льюць там слез напрасна
Паводкай,
Маюць літасць над няшчаснай
Сіроткай.
Стогне бор, віхры зрываюць
Плет з стрэхай, –
Мае жальбы заміраюць
Без рэха...*

Я любила устное народное творчество – песни, стихи, поэтому принимала активное участие в художественной самодеятельности. Я начала участвовать в самодеятельности в возрасте 16 лет в Доме культуры в Ждановичах, работая в швейной мастерской, и продолжила на заводе «Калибр». Выступала в хоре народной и патриотической песни, декламировала стихи и произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, басню Сергея Михалкова, произведение Бориса Ласкина, Александра Твардовского.

Восстановление национальности. Я всю жизнь искала сведения, касающиеся своих родителей. Но поиски оказались бесполезными. В свидетельство о рождении в 1947 г. работники ЗАГСа Сталинского района Минска произвольно внесли запись о том, что мои родители белорусы, хотя никакими сведениями о них сотрудники ЗАГСа не располагали.

О том, что я еврейка, конечно, знала давно. Поэтому я решила оформить в установленном законом порядке свою национальную принадлежность. С этой целью я обратилась в суд. Однако при нынешней судебной системе сделать это оказалось слишком сложно. Судебная канитель растянулась на длительное время. В мае 1999 г. отдел ЗАГСа администрации Московского района Минска отказался внести изменения в свидетельство о моем рождении № 508 от 31.10.1947 г. о том, что моя национальность – еврейка. Суд Московского района столицы, куда я обратилась с жалобой, также вынес решение об отказе в изменении национальности. На решение суда не повлияли даже показания Анны Величко, работавшей во время войны нянечкой в детском доме № 3, а также бывших воспитанников этого заведения – евреев, находившихся там в военные годы под славянскими именами вместе со мной. Все эти люди свидетельствовали, что я – еврейка. Не помогло ни ходатайство Белорусской ассоциации евреев – узников гетто и концлагерей, ни тот факт, что я давно состою на учете в еврейской организации «Хэсэд-Рахамим». К тому же и внешне я не похожа на славянскую женщину.

Во время судебного разбирательства судья мне заявил: «Почему в Книге движения воспитанников детского дома № 3 вам сразу не записали национальность еврейка? Почему еврейка, а не татарка?» Ведь судья мог бы (или должен был) знать, почему евреи, находясь на оккупированной территории, сами скрывали свою национальность или им помогали это сделать, чтобы спасти от гибели. Приведенный факт свидетельствует о том, что культура наших судебных органов сегодня «хромает» и оставляет желать лучшего.

Затем я была вынуждена подать кассационную жалобу в Минский городской суд. Судебная коллегия по гражданским делам решение суда Московского района г. Минска оставила без изменения. Я решила не сдаваться и обратилась с жалобой к Председателю Верховного суда Республики Беларусь: «Я обращаюсь в суды за защитой и помощью, надеюсь на честные и справедливые решения, доброжелательное отношение к моей нелегкой судьбе, а в ответ получаю издевательства со стороны судей всех рангов, которые, по моему мнению, договариваются и согласовывают по телефону все свои неправомерные действия и выносят решения, не соответствующие Закону и защите прав человека, унижают, доводят до отчаяния и слез. До каких пор будут продолжаться издевательства в судах над беззащитными и бесправными людьми?» – написала я в своей жалобе. Видимо, наши судьи не читают Конституцию Республики Беларусь. Напомню, что статья 50 Основного Закона нашей страны гласит: *«Каждый гражданин имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к отрицанию и указанию национальной принадлежности. Оскорбление национального достоинства преследуется согласно Закону»*.

Чтобы защитить свои гражданские права, предоставленные Конституцией нашего государства, мне, гражданке Республики Беларусь, потребовалось провести в судах разных инстанций, вплоть до Верховного, в общей сложности два с лишним года. Этот факт ярко свидетельствует о том, что в нашей стране отстаивать свои гражданские или имущественные права гражданину стало трудно и очень дорого. Для этого требуются огромные деньги и крепкое здоровье.

Особенно судебная «роскошь» стала не по карману пенсионерам. За исковое заявление пенсионеру надо заплатить от 62 тыс. до 93 тыс. рублей в зависимости от содержания заявления. Консультация адвоката стоит 35 тыс. рублей, один день услуг адвоката – 130 тыс. рублей. Жалоба в прокуратуру на противоправные действия чиновников оценивается в 140 тыс. рублей и т.д. (1999–2000 гг.).

А ведь налогоплательщик платит налог из своей зарплаты на содержание госаппарата. Я не говорю о тяжелом грузе, давящем на граждан в виде других поборов и разных штрафов. Написал заметку в газету, отчитайся в налоговой инспекции за гонорар. Продав в комиссионке сапоги или телогрейку – завтра же нужно бежать отчитываться в налоговую инспекцию...

Вместе с тем идет бурное законодательное творчество не в интересах большинства граждан страны. А когда мы жили в великой стране Советов, там действовал один для всех Великий Закон. А теперь, кто ближе к власти, тот и пишет для себя законы. В действующей Конституции Республики Беларусь записано, что перед законом все граждане равны. Однако вопреки Основному Закону верховная власть в нашей стране поделила граждан.

Вспомним о сиротах военного времени. Прошло много лет с тех пор, как «приемные родители» отправили детей-сирот на свой хлеб. В послевоенный период много писали про юных героев, сражавшихся с врагом в партизанских отрядах и воинских частях наравне со взрослыми. Затем позже стали много писать о надоях и привесах, об ударниках коммунистического труда, о битвах за урожай.

А вот как сложились судьбы детей войны – круглых сирот в послевоенные годы и как им живется в наши дни, вообще никого не интересует. Теперь им уже далеко за семьдесят и все они ветераны труда. Весь свой физический и жизненный ресурс эти люди потратили на выполнение послевоенных пятилеток, на стройках коммунизма. А государство платило им за тяжелый труд всего лишь одну треть фактического заработка, а две трети забирало на строительство «развитого социализма», на караваны ракет и спутников земли, на повороты рек с севера на юг. Миллиардные суммы заработанных денег нынешними ветеранами труда руководители страны направляли на развитие революционного коммунистического движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, на оказание интернациональной «братской» экономической и военной помощи Китаю, Северной Корее, Северному Вьетнаму, Индонезии и другим государствам, где руководитель страны заявлял о том, что он намерен тоже строить «социализм».

А те деньги, которые мы заработали и хранили в сбербанках, «перестройщики» отняли у нас и объявили, что их «съела инфляция», а фактически их заменили на доллары, а сберегательные банки приватизировали и превратили их в «акционерные общества». Обещали вернуть наши вклады и облигации, но забыли свои обещания. И вот совсем недавно депутаты парламента единодушно приняли закон, который лишает ветеранов труда последней льготы даже на проезд до своих земельных участков, где они все лето трудятся, чтобы помочь государству решить продовольственную программу.

Вот я и решила посвятить свои воспоминания, приведенные в книге, круглым сиротам, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны при защите своей Родины от вражеского нашествия. Вечная им память.

*За уточнение и подготовку данного материала
выражаю благодарность руководителю общественного объединения
бывших малолетних узников «Эхо войны» Владимиру Парфирьевичу Шакутину.*

*Мария Жукова.
г. Минск, 2009 г.*

Козыревский детский дом № 3: судьбы и время, детские дома № 7 и 12

Баранов Владимир, г. Минск. Однажды, осенью 1941 г., к детскому дому № 7 подъехал кортеж легковых машин. Из одной из них вышли женщина с мужчиной и в сопровождении высоких офицерских чинов они вошли в здание приюта. По команде одного из офицеров выстроили всех девочек. Женщина и сопровождавший ее высокий чин, судя по всему, главный из приехавших, осмотрели выстроившихся, по его приказу, девочек. Пройдя несколько раз вдоль выстроенного ряда и указав пальцем на одну из них, женщина о чем-то переговорила с сопровождавшим ее мужчиной. После этого они увезли выбранную ими девочку.

Это был, как сказал нам один из воспитателей, верховный комиссар Белоруссии – сам гауляйтер Кубе, а женщина – его супруга Анита Кубе.

Лет десять-пятнадцать тому назад, в областном архиве я разыскивал необходимые мне документы. И тогда я спросил у служащей архива, известен ли им случай, что из детского дома гауляйтером Кубе и его супругой

в качестве прислуги была отобрана девочка? Мне ответили, что такой факт им известен. В архиве мне назвали имя жены Кубе. Сказали также, что она – Анита, была моложе мужа на двадцать лет, и добавили, что Анита Кубе еще жива.

Что касается забранной из детского дома девочки, то работники архива сказали мне, что она проживает в Минске, но на контакт не идет. Претензий к ней со стороны властей никаких нет, добавили они.

г. Минск, 2009 г.

Оригинал. Машинопись. Архив Владимира Баранова.

Примечание. Владимир Степанович Баранов кроме ценных уточнений по истории детских домов рассказал еще одну важную деталь. «...Это было раннее утро 1941 года. К детдому подъехала машина и в нее было загружено 20–30 детей. Их увезли. Я остался в живых, потому что ушел на жабровку (сбор подношений – К.К.). Пришел, а уже никого. Мне все это рассказала воспитательница. ...О судьбе вывезенных я больше не слышал. Они пропали. Но может кто-то и сможет рассказать. Мне очень хочется узнать о благополучном завершении этой истории.

Галяніцкі Зінаіда, Галіна і Міхаіл, г. Мінск. – Мы з маці ў першыя дні вайны спрабавалі бегчы ў бок Барысава, але маці была параненая, а нас траіх падабралі, пасадзілі ў грузавую машыну і прывезлі ў Мінск, у дзетдом-размеркавальнік на вул. Газетнай (Козырава). Першыя ж немцы пачалі сартаваць дзяцей і наогул умешвацца ў жыцце дзетдома. Кармілі дрэнна. Дзеці былі худыя, змучаныя, хварэлі. У Зінаіды пачаўся фурункулез.

Пасля ўтварэння гэта ў дзетдом пастаянна падкідвалі яўрэйскіх дзяцей. Дазнаўшыся пра тое, немцы наладжвалі начныя рэйды – прыязджалі ў дзіцячы дом у 2 гадзіны ночы. Пад'язджаў закрыты фургон, пра які мы затым даведаліся, што гэта душагубка. Нейкай ноччу, акрамя чарнявенькіх, кучаравенькіх (падобных на яўрэяў), забралі дзяцей-інвалідаў і наогул з усялякімі адхіленнямі. Нам казалі, што дзяцей павезлі ў іншы дзетдом, а потым мы даведаліся, што іх, ужо мертвых, завезлі на яўрэйскія могілкі...

Работнікі дзіцячага дому ратавалі не толькі яўрэйскіх дзяцей, але і тых, каго прыводзілі на працу ў дзетдом: яны даведваліся пра даты пагромаў і пакідалі гэтых людзей у такія дні ў дзетдоме...

У нас была няня, вельмі прыгожая, украінка па нацыянальнасці. Цетка Дуся была з намі ў акопе, калі пачалася бамбежка. Нейкія людзі зайшлі ў зямлянку (па даных М. Леановіча, гэта было гароднінасховішча), схопілі яе ды павялі з сабой. Потым мы знайшлі яе. Яна была забіта разрыўною куляй у патыліцу.

Рукапіс. Арыгінал.

Гуревич (Патекко) Аня: признанная «не жидовкой»

Так случилось, что мама меня после войны нашла. Она долго ходила по детским домам вместе с одной из своих приятельниц – та тоже искала дочку, исчезнувшую в оккупированном Минске. Приятельница не нашла, а моя мама меня нашла. А могла и не найти: в 1942 г., когда она «уходила» из гетто, мне не было и двух с половиной лет. А в 1945 г. я уже была почти что человек – длинная «дылда», самостоятельная и дикая.

Когда мама меня «подкидывала» в детдом, она сунула мне в карман платица записку: «Аня Патеко, 1939». Патеко – фамилия девочки из детских яслей, которые я посещала до войны. И это было третье слово, которое я тогда говорила. Два других были «мама» и «папа». И это слово – Патеко, ставшее моей фамилией, сохранило мне жизнь. Разве с фамилией Гуревич я могла бы выжить?

Теперь, когда мне приходится, разбирая архивные документы, восстанавливать по крохам историю жизни (а иногда и смерти) детских домов времен оккупации, с удивлением обнаруживаю, как же много было в них еврейских детей.

Ну, то, что было много, это понятно: в городах и поселках (местечках – штетл) еврейское население составляло от 40 до 80 с лишним процентов. То есть в среднем каждый второй житель, а это значит и каждый второй ребенок был евреем. А вот как они выжили, эти дети, в годы оккупации – вопрос особый. И, к несчастью, за полвека, пролетевших после окончания войны, вопросом этим практически никто не занимался.

Сидишь сейчас в архивах, листаешь пожелтевшие от времени листочки на русском, белорусском, немецком языках и вдруг всплывают фамилии бывших детдомовцев, которых знаешь отлично как людей стопроцентно не еврейских, а тут читаешь и глазам своим не веришь – евреи. Обнаруживаются какие-то сведения о родителях, о родственниках. Сведения, им самим не известные. И немедленно возникает проблема: говорить им об этом открытии или не говорить. Ведь можно жизнь кому-то перевернуть, семью разрушить, разлад в нее внести.

Но чаще встречается иное: вот таких «стопроцентных русских», как я, «Патек» разбирали после войны нашедшие их в детдомах стопроцентные еврейские, как моя мама, «Гуревичи». А в итоге на сегодняшний день из 34-х воспитанников детдома-яслей № 1(3) времен оккупации 14 мне известны как евреи.

Конечно же, дети из еврейских семей, по большей части, разделили в годы оккупации трагическую участь своих родных и близких. Однако все же значительному числу еврейских детей, подобно взрослым, удалось скрыть свое еврейское происхождение и найти приют в не еврейских семьях. (Низкий поклон этим людям – праведникам, рискующим жизнью своей и своих близких, в том числе своих детей и внуков). А еще было довольно много детей, которые каким-то образом прибивались к детским коллективам, функционировавшим на оккупационной территории – детским садам, детским домам.

Чаще всего в детдома их подбрасывали сами родители в хрупкой надежде, что хоть ребенка удастся при удачном стечении обстоятельств спасти. Это делало большинство бежавших из гетто: они понимали, что с детьми далеко не уйдешь. Так, к примеру, сделала и моя мама, когда, обменяв какое-то количество муки на «русский» паспорт и став паней Зосей Матусевич, бежала в сторону Ивацевич, уводя за руку мою старшую сестру шести лет. Иногда детей в детские дома сдавали друзья, знакомые, соседи евреев, когда на их глазах гибли в гетто родители этих детей. Так или иначе, еврейские дети в детские коллективы попадали, и было их там довольно много.

Когда после войны судили коллаборационистов, среди осужденных за сотрудничество с фашистами были и работники сиротских учреждений. Так вот, директор «моего» детского дома (№ 3, Козырево) Петуховская показала на следствии, что из двухсот воспитанников половина была евреями. Так и заявила: «50 %». А свидетель по делу инспектора отдела Минской горуправы Шеврука работник довоенного горсовета В. Парфенюк привел общие цифры: из 2000 детей, содержащихся в Минске в детских домах в годы оккупации, 500 было еврейских. Сам Шеврук называет еще большую цифру – 600.

Дети старших возрастов из гетто уходили самостоятельно: им это одолеть было легче, чем взрослым. В городе тогда было много бездомных детей, и еврейские ребята сливались, перемешивались с ними. Нет сомнения, что значительная часть бездомных детей на оккупированной территории была еврейского происхождения. Их спасало то, что идентификация ребенка по национальному признаку весьма затруднена. Единственным бесспорным свидетельством еврейства являлось в те годы наличие обрезания у мальчика. Все остальное – черный или кучерявый волос, конфигурация носа, цвет глаз, дефекты речи, наличие специфического акцента, данные антропологических промеров – весьма относительно. В результате – трагические ошибки, когда вместе с еврейскими детьми в душегубки отправлялись заведомо не еврейские. К примеру, на суде по делу Петуховской выяснилось, что так погиб трехлетний Лавренков: когда утром его старшие сестрички Нина и Оля прощались, брата своего они в детдоме не нашли.

Участь бездомных детей в годы оккупации была плачевна. Газета «Минскер цайтунг» так писала о детях, ведущих бродячий образ жизни: «При любой погоде они живут под открытым небом и занимаются попрошайничеством... Каждый поезд, который приходит на вокзал, осаждается беспризорными. Это дети от 5 до 12 лет».

К концу войны значительная часть таких детей погибла. Их отлавливали и, бывало, продавали за 10 марок местным жителям, но чаще всего вывозили в Германию. По признанию руководителя Белорусской народной самопомощи Ермаченко, «только из Минска к весне 1943 г. было отправлено в Германию, а также в помещицьи и купеческие хозяйства западных областей Беларуси свыше 5 тысяч детей». Сколько из них вернулось назад? И сколько из вернувшихся знает хоть что-нибудь о своих родителях?

А вот факты прямого геноцида детей. 27 сентября 1942 г. в Минске в результате облавы в районе вокзала и в развалинах домов было задержано, а потом расстреляно 100 бездомных детей. Из детей, попадавших в облавы, комплектовались детские лагеря смерти. Только в д. Скобровка Пуховичского района погибло 1500 детей, которых использовали как доноров. Из пункта сбора детей в пос. Красный Берег Жлобинского района было вывезено 1990 детей – будущих доноров.

Что касается еврейских детей, то в случае разоблачения их ждало одно – смерть. Тут вариантов уже не было.

Оккупационные власти вели подлинную охоту на них. Населению было предписано под страхом смерти не давать приют детям из еврейских семей. На этот счет было издано даже особое распоряжение. Семья, принявшая на воспитание бездомного ребенка, получала на него продуктовые карточки лишь в том случае, если его крестили и он проходил специальную комиссию на предмет признания «не жидом».

У меня в руках справки, выданные заведующей детскими яслями № 1 г. Минска Петуховской (той самой). Одна дана Бесиловскому Оттону Сцефановичу, взявшему на воспитание девочку Люду 2,5 лет, другая – Гуццо Пеллаге, взявшей на воспитание девочку Люсю 3 лет. Оба ребенка комиссией по определению национальности признаны «не жидовскими».

Состав детей в детских домах постоянно обновлялся: дети умирали от болезней и голода, достигших 12 лет вывозили в Германию и т.д., а на их место тут же поступали новые сироты. В итоге только через детдом–ясли № 1 (№ 3) при среднесписочном количестве детей – 200 за годы оккупации прошло не менее 500 воспитанников. Такая «текучесть» детского контингента заставляла оккупационные власти периодически проводить расовые чистки. Селекцией занималась специальная антропологическая экспертиза, которую возглавлял сотрудник ОД Ребигор. В комиссии был еще один немец – Кемпе, который посещал детские дома и лично отбирал детей для расовой экспертизы. В числе членов комиссии были также заведующий детским отделом Минской городской управы Бухвалов и вышеупомянутый Шеврук. На заседаниях всегда присутствовали директора детских домов.

Деятельность антропологической экспертизы, конечно же, носила антинаучный характер, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки и в ту, и в другую сторону. Так, еврейские ребятишки Дора и Сарра Златкины (ныне Галя и Соня Дедюли), Борис Озерский, братья Роман и Семен Капланы (Бураковы) – все ныне здравствующие – были признаны «не жидами», а не еврейка Валентина Кляшторная за ее кучерявый волос – «юдой». (Валю с трудом отбила у немцев воспитательница Зинаида Петровна Якубовская – директор нашего детдома до прихода Петуховской. Она заявила немцам, что Валя – дочь репрессированных большевиками родителей, и это спасло ребенка).

В Минске приказ об изоляции еврейских детей в детских домах немцы издали уже 20 июля 1941 г. То, что многие еврейские дети остались живы, – заслуга персонала, знавшего о еврейском происхождении воспитанников и спасавшего их с риском для собственной жизни. К примеру, когда началось уничтожение Полоцкого гетто, несколько детей бежало почти из-под расстрела. Их приютили в местном детском доме. Но однажды бургомистр Полоцка Дмитрий Петровский и переводчик Фридрих Безер (подпольщики, погибшие осенью 1942 г.) предупредили директора детского дома Михаила Форинко о том, что немцы будут проводить селекцию, и тогда еврейских детей распределили между местными жителями, а позднее и вовсе переправили в партизанскую зону. Никто из них не погиб.

Как вспоминает няня детдома-яслей № 1 (№ 3) г. Минска Анна Николаевна Величко, многих детей удавалось спасти, потому что им перекрашивали волосы, при появлении комиссий прятали в чуланах, овощехранилищах, летом – в ботве картофельных посадок. По дороге на антропологическую экспертизу детей учили, как отвечать на вопросы, что можно говорить немцам, а чего нельзя. Практически все дети прошли обряд крещения и носили настоящие кресты.

Нами обнаружены данные о том, что размещение в детских домах детей, выведенных из гетто, далеко не всегда было стихийным процессом. В деле по процессу того же Александра Шеврука имеются документы, заставляющие нас по-иному взглянуть на характер этого явления. Сам Шеврук, осужденный

после войны к 10 годам лагерей, на следствии и суде утверждал, что инспектором горуправы он устроился по заданию Михаила Гебелева (еврея, одного из героев Минского подполья), чтобы спасать детей, чьи родители уходили из города в партизанские отряды. Гебелева уже не было в живых, но этот факт смогла подтвердить известная подпольщица Хася Пруслина.

С ведома, а иногда и с прямой подачи Шеврука в детских домах Минска под русскими фамилиями оказалось довольно много еврейских детей. Об этом рассказали на суде партизанские связные Мария Бабич и Надежда Трубенюк – первая работала в годы оккупации заведующей детдомом № 2, а вторая – заведующей детским приемником-распределителем. По их словам, Шеврук всегда предупреждал их о готовящихся акциях по изъятию еврейских детей, и они успевали подготовиться к этим акциям. Об участии Шеврука в спасении еврейских детей показала и еще одна связная – Мария Калинина, передавшая в детприемник четырех еврейских детей.

Участие связных партизанских отрядов и городских подпольщиков в спасении еврейских детей не было случайным. Дело в том, что уходящие в леса евреи давали значительное пополнение рядов партизанских отрядов, и это очень беспокоило оккупантов. В своем рапорте гауляйтеру Остланда Генриху Лозе генерал-комиссар Белоруссии Кюбе писал 31 июля 1943 г.: *«После завершения запланированных акций в Минске останется 8600 евреев и около 7000 евреев в 10 других районах, включая свободный от евреев Минский район. Таким образом, будет устранена опасность, что партизаны смогут в какой-то существенной степени опереться в будущем на еврейство».*

Немцы догадывались, что во время проверок в детских домах им не всех детей показывают, поэтому они чаще всего приезжали по ночам. С фонариками обходили спящих детей, отбирали по выраженному внешнему виду, записывали их личный номер, а наутро заставляли приводить на экспертизу. Выявленных еврейских детей (а часто и просто подозрительных на еврейское происхождение) отправляли в гетто. В Минском гетто их определяли в детский дом, а после уничтожения его 2 марта 1942 г. – в больницу гетто. Позднее детей из детдомов прямо увозили в душегубках к «ямам» или крематориям Малого Тростенца.

Геноцид еврейских детей в детдомах начался уже летом 1941 г. К примеру, в акте «Об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 – сентябре 1942 г.» (составлен 25 ноября 1944 г.) отмечено, что «в 1941 г. в детском доме находилось 100 детей русской, белорусской, украинской, еврейской и польской национальностей в возрасте от грудных детей до двенадцати лет..., 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2 до 12 лет были изъяты из детского дома и помещены в гетто, а затем 14 из них расстреляны... Шеф района Прокопчук приказал бывшей зав.детским домом Павлюк А.П. отравить больного ребенка Ренклах Лену, 12 лет. После того, как Павлюк отказалась травить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома...».

Об уничтожении еврейских детей пишут в своих воспоминаниях практически все бывшие воспитанники детских домов.

«Первые же немцы стали сортировать детей и вообще вмешиваться в жизнь детдома, – отмечают в совместном воспоминании две сестры и брат Голянички... – После создания гетто в детдом постоянно подбрасывали еврейских

детей. Узнав об этом, немцы устраивали ночные рейды – приезжали в детдом в 2 часа ночи. Подъезжал закрытый фургон, о котором мы потом узнали, что это душегубка. В одну из ночей, кроме черненьких, кучерявых, похожих на евреев, увезли детей-инвалидов и вообще со всякими отклонениями. Нам сказали, что детей повезли в другой детдом, а потом мы узнали, что их, уже мертвых, завезли на еврейское кладбище...».

Были случаи, когда инициаторами расовых чисток были директора детских домов. В обвинительном заключении по делу бывшего директора детского дома-яслей № 1(3) г. Минска Петуховской А.Ф. (март 1945) отмечается, в частности, что «будучи лояльно настроена по отношению к немецким властям, Петуховская 6 января 1943 г. подала заявление на имя начальника отдела детдомов при Горуправе, в котором заявила о наличии в детдоме еврейских детей. В январе 1943 г. согласно поданному заявлению была создана комиссия с участием Петуховской по отбору детей-евреев, в результате чего было отобрано, а затем увезено совершенно раздетыми в крытой машине СД 30 детей, судьба которых неизвестна...». Сама Петуховская в суде заявила: «В январе 1942 г. 12 детей отправила в гетто... В 1943 г. комиссия по отбору отобрала 34 ребенка из 40 предварительно отобранных немцами».

В архивах нами обнаружены и другие случаи доносов, по которым были уничтожены или готовились к уничтожению еврейские дети.

Запущенный однажды фашистами механизм уничтожения людей безжалостно перемалывал и незащищенных детей. В этой мясорубке мы, еврейские дети, не должны были остаться в живых, и то, что я и еще какое-то количество еврейских сирот времен оккупации выжили, – редкое исключение.

Мама разыскала меня в мае 1945 г. Больше года она ходила по детским домам и спрашивала девочку по имени Аня Патеко шести лет. Она ездила в другие города, где были детские дома: а вдруг меня куда-нибудь перевели. Она знала, что множество умерло в годы оккупации, но в мою смерть она не верила. И не знала она, что я – совсем рядом, в нескольких кварталах от ее дома. Детский дом № 3 был в Козыреве (ныне – район Камвольного комбината), а мама жила напротив Червенского рынка. И прошел год, пока она вообще узнала о существовании этого детдома.

Так мне повезло второй раз в жизни: я не только выжила – меня еще разыскала оставшаяся в живых мать. Большинство же детдомовцев времен войны так и не познало счастья материнской ласки.

Всей логикой событий времен войны мы, воспитанники детских домов периода фашистской оккупации, были обречены на гибель. Однако мы выжили. Выжили, чтобы и сегодня, спустя полвека после страшной трагедии, быть последними свидетелями обвинения в незавершенном процессе против нацизма – и того, что был разгромлен в сорок пятом, и того, что поднял голову в наши дни. Поистине: люди, будьте бдительны! Все ведь может повториться!

Анна Гуревич

г. Минск

Машинопись, копия. 1994 г.

Из архива Марии Жуковой.

Демидов Сашка: наш парень

Демидов Александр Андреевич, 1934 г.р., Республика Конго. Отец Демидов Александр Парфирьевич, русский. Мать местная. Годовалым ребенком был отдан на воспитание Андрею Парфирьевичу – брату отца, который проживал в Югославии. Александр посещал русско-французскую школу. Смерть отца в 1938 г. не позволила ему вернуться назад. Так он остался у дяди в Югославии. После германской оккупации Югославии был схвачен в Белграде и отправлен в Германию. В Германии как русскоязычный попал в русский лагерь. Там пробыл до 1944 г. Убежал и попал к бауэру в д. Егао. Там он был освобожден американскими войсками. После перевода в русскую оккупационную зону попал к советским военным. В 1946 г. был направлен в Минский детдом № 12.

...

– Вы на белорусском языке разговариваете? – спрашиваю я у темнокожего гостя редакции.

– Трохі размаўляю...

– Все понимаете, когда смотрите белорусские передачи?

– А чаму не? Я ж вывучаў. Выкладчыца беларускай мовы Вера Калінаўна кожны дзень вызывала адказваць і патрабавала ад мяне ўх як! Что вы! А на школьных выпускных экзаменах меня просили спеть песню «М-бы – белару-сы, з бра-тня-ю Рус-сю..., и я пел... – без малейшего акцента ответил мужчина. Кстати, разговор так и шел – на трасянке.

– А когда вас называют негром, не обижаетесь? – задаю понятный вопрос.

– Да ну, что вы! Я еще как начну травить про этих негров анекдоты. Э, не, лучше не буду... А еще как по стаканцу... Не поймешь, где негр, а где белый.

Да, человек с юмором. И даже свое непростое детство он вспоминает, как нечто светлое и веселое: «Да не было никакого драматизма в жизни!» Хотя это как посмотреть...

В архивных данных об Александре Демидове помечено: привезен из Германии, сведений о родителях нет, по национальности негр. В советском же паспорте, где проставляли национальность, значилось – русский. По отцу (это известно). То есть перед нами – Сан Саныч, как ни странно звучит это обращение к человеку негроидной расы.

Так какова судьба у Сашки-негра?

«В СССР черных нет, езжай в Америку...»

В годичном возрасте темнокожего ребенка отдали на воспитание дяде в Югославию. Почему и кто его родители – всего этого он не знает. У дяди прожил по 1942 год. Помнит, ходил в русскую школу, вечером – во французскую. Когда же немцы оккупировали Югославию, из дома пришлось уйти. «Немцы выгнали. Из собственной хаты, як кажучь, я пайшоў валацугай. Знаете такое слово?» – специально подшучивает мой собеседник.

Вскоре беспризорника сдали полиции. Тот, правда, попытался удрать, но его вновь поймали и отправили в Германию – в концлагерь, жил в бараках для русских. Вместе с другими детьми он привлекался к уборке железнодорожного полотна. Сироте тогда было десять лет.

В 1944 г. американцы начали бомбить лагерь. «Даже Отче наш вспомнил от страха, – вспоминает Сан Саныч. – Потом оказалось, первая бомба попала

в наш барак, по центру, в печку. А я в это время был за воротами на бункере, смотрел, как самолеты летят. А они летали низко-низко... как у себя дома». От шока Сашка-негр отошел через несколько дней и решил бежать. Заскочил в тормозную будку поезда, который проезжал мимо, и ... вскоре был обнаружен полицаями. Да что ж такое!

Сироту забрал к себе один немец – в качестве рабочей силы, чтобы заготовливал чурки топить печку. Протрудился Демидов недолго: наниматель остался недоволен по-детски сделанной работой и, как говорится, вон за ворота. Но юркий пацан приглянулся другому немцу. Как признается сегодня мужчина, лучше уж было батраком пахать, чем находиться за колючей лагерной проволокой. А в деревне-то работал от зари до зари: двенадцатилетним ребенком рубил, колол, копал, присматривал за коровами, лошадьми... Все это – вместе с таким же подневольным из СССР. «Комната друга Кольки находилась в конюшне, а мне был выделен чердак, – рассказывает Демидов. – Зимой, чтобы согреться, грели в печке глиняные бутылки с песком и клали под ноги».

После окончания войны наш герой поспешил в советскую зону оккупации. Темнокожего подростка поначалу не пускали: мол, в СССР черных нет, езжай в Америку, там у тебя будут шоколадные домики и прочее-прочее. Но тот все же переплыл Эльбу и попал в военную часть. Служащие 76-го автополка развозили узников по Советскому Союзу, а мальчишка необычной внешности с ними ... просто катался – сдружился и был для всех как «сын полка». Наконец в 1946-м его определили в детский дом.

«Не могли победить только улицу Извозную»

Александр Демидов помнит этот день как сейсц: третьего апреля 1946 г. в группе из тринадцати человек его привезли в Минск. Улица Грушевская, дом 65а, детдом № 12. Первой же ночью сирота африканских кровей подрался. Нет, не из-за цвета кожи, хотя и был там единственной экзотичной фигурой. Просто темперамент как-никак горячий.

– А еще улица на улицу крепко бились: Грушевская, Щорса, Разинская, Железнодорожная. Мы, пацаны с Грушевки, были боевыми, всем давали джазу! – с гордостью восклицает Сан Саныч, аж подскочив со стула. – Не могли только победить улицу Извозную. Поэтому многие коренные жители города меня знают. Мы ведь часто подростками гуляли по проспекту туда-сюда... Минск тогда строился. Помню послевоенную разруху, нищету. Бегали на Комаровку воровать. Постоянно также ходили на танцы в парк Горького. Из-за девчонок с военными дрались. Годы, проведенные в детдоме, для меня самые счастливые.

А еще темнокожий подросток очень любил голубей. Бывало, воспитатели спохватятся: куда подевался Саша Демидов? Но друзья по детдому знали, что он – на голубятне. «Мы его никогда не называли негром, – вспоминает сегодня Мария Жукова. – Хотя в то время он был единственным темнокожим в Белоруссии. Несмотря на неславянскую внешность, он самый что ни есть славянин».

Были у нашего героя и интересные встречи, только в силу раннего возраста он их не оценил. Одна из них. Воспитанников детдома часто водили в театр имени Янки Купалы. «Со мной рядом всегда сидел какой-то дед и тлумачыў, что происходит на сцене», – вспоминает с улыбкой Сан Саныч.

«Ты хоть знаешь, кто с тобой сидит?» – спросил его однажды работник, стоявший на контроле. «Нейкі дзед. Он все время мне рассказывает, что по действию». «Так это ж Якуб Колас!»

Как-то в целом рисуется имидж дворового парня. Но неожиданно выяснилось, что мой собеседник равнодушен ...к опере и в свое время любил слушать по радио серьезные музыкальные передачи с анализом произведений. Кроме того, он утверждает, что был лично знаком с известным оперным певцом, народным артистом БССР Исидором Болотиным. «Мы всегда с ним встречались около ГУМа за поворотом, – рассказывает Демидов. – Минут двадцать пройдемся, а потом он убежал, напутствуя меня, мол, мне некогда, сынок, смотри «учись».

«Не выходи замуж за этого негра»

С тех пор прошло много лет. Александр Демидов женился, причем сразу по выходу из интерната, в 1953 г. «Вот мой сынуля, звать Сашай, – показывает фотографии мужчины. – Вторая у нас дочка Елена. Есть трое внуков, родилась недавно и правнучка». Замечу: жена, дети, внуки – все светлые.

– Какая реакция была у новых членов семьи, когда они впервые увидели темнокожего родственника? — спрашиваю у Сан Саныча.

– Да, Господи-и! Какие предрассудки! Никто на это не обращает никакого внимания. Правда, когда я собирался жениться, спутница моего тещи, работавшая тогда в серьезном государственном органе, говорила моей будущей супруге: «Людка, не выходи замуж за этого негра. Меня выгонят с работы».

Кстати, с работой, считает Сан Саныч, ему очень повезло. Машиниста негра представляете? Вот и во мне разыгралось любопытство, и я попросила мужчину принести служебный фотоснимок – все-таки 31 год он водил паровоз, затем тепловоз. Сейчас на пенсии, но устроился экипировщиком тепловоза.

– Что вы, я не фотографировался! Лишь однажды случайно засняли, – услышала в ответ. – Помню, на какой-то праздник надел форму и вышел в город. Так народ изумился: «О, негр-железнодорожник пошел, да еще с советскими наградами!»

Между тем по долгу службы машинист объездил всю Беларусь. Об одном комичном случае вспомнил и рассмешил до слез.

– Однажды прибыл на какую-то станцию и пошел краму шукаць. Сидели бабки и лузгали семки. Они ж не бачылі негра и стали креститься: «Свят-свят-свят. Які ен брудны, які ен чорны!». Я прошел мимо, а потом думаю, дай вернусь и спрошу, где тут крама находится? Надо было видеть, какое выражение лица у них было. Мол, еще и по-русски чисто говорит! ...А вообще, никогда не думал, что Беларусь такая красивая. Особенно по осени – ягоды, грибы... И люди очень добродушные, без всяких хитриков.

Белый папа сделал много детей черной маме?

О своих родителях Александр Демидов пытался узнать неоднократно. Но все тщетно. Правда, как-то дочь повстречала в Минске на улице Чкалова африканца, пришла домой и говорит: «Точно ты!» Остановила его тогда и давай расспрашивать:

– Вы очень похожи на моего отца. Он из Конго.

– Я тоже оттуда.

– Город Бамбари?

– И я оттуда...

В итоге этот африканец позвонил на родину своему другу, занимающему важный пост, и тот выяснил: в Конго находятся могилы отца и матери Демидова, правда, придется еще доказать, что он – их сын. Также Сан Санычу было сказано, что «твой белый папа сделал много детей твоей черной маме». Кроме того, есть версия, будто отец мужчины служил навигатором на корабле и по его линии у нашего героя есть родня в Архангельске.

– Поэтому не знаю, может, живут еще братья и сестры. Хотя мне уже самому не за горами 75 лет. Вот сиди и думай... Документов ведь – никаких.

Зато Демидов не теряет контактов с теми людьми, которые встречались ему на жизненном пути. Два раза уже ездил в деревню к немцам, на которых работал (вернее – их предков). Кроме того, каждый год он садится в поезд и отправляется в Украину к другу, с которым был в лагере.

– А на историческую родину, в Африку, не желаете съездить? – спросила я.

– Что я там не видел? Людцы...

Ни кола, ни двора, ни флага, ни Родины. Эта поговорка – про Сан Саныча. Правда, когда жизнь его только начиналась. Ведь нынче другая картина. Судите сами: человек обрел Родину, нашел себя в профессии, состоялся как семьянин, обзавелся друзьями. Врос уже корнями в нашу землю, обелорусился. Как и многие, убирал по молодости картошку в колхозах, участвовал в строительстве русского драматического театра... А цвет кожи разве имеет значение? Родные и знакомые эту особенность давно не замечают.

Романовская Наталья. Парень с нашего двора // Вечерний Минск. 28 апреля 2006. С. 1–2.

Іванова (Тарасік) Раіса, г. Мінск. – Вельмі часта ў дзетдом (№ 3. – Прим. – К.К.) прыходзілі немцы... Выбіралі дзяцей, падводзілі да стала і бралі кроў. Мы з адной дзяўчынкай вельмі баяліся і пасля забрання крыві (мусіць, спачатку на аналіз) схаваліся за кафлянай печку. Нас шукалі, хацелі браць кроў. Мы плакалі, але выхавальніца, убачыўшы нас, сказала, каб мы маўчалі, і нас не знайшлі...

Кантор Виктор Аскарлович, 1928. г. Мінск. Он родился евреем. И сегодня говорит об этом без страха. А тогда, в конце тридцатых, когда фашистская чума быстро распозалась по Европе, когда до советских граждан доходили ужасающие слухи о безнаказанных зверствах гитлеровцев, тогда о принадлежности к еврейской нации предпочитали помалкивать. Как говорится, береженого Бог бережет. В семье Кантор к религии относились отрицательно. Возможно, именно это и сыграло положительную роль в судьбе Виктора Аскаревича. Его отец, Ошер Абрамович Кантор, был коммунистом, служил в НКВД в должности помощника оперуполномоченного.

По этой причине обряд обрезания над юным наследником совершен не был. Мать, Нахама Вульфовна Пекер, очень красивая женщина, была домохозяйкой, все свое время посвящала воспитанию троих детей – Кимы, Светланы и Ошера.

Ошер – это настоящее, данное родителями, имя Виктора Аскаревича. А сменить его приказала война...

Уже был взят Брест, бомбили Львов. Над Минском стоял нескончаемый гул вражеских самолетов, спешивших на восток со смертоносным грузом. Отца в городе не было. Получили от него только телеграмму-молнию: ждите, скоро за вами приеду.

К дому подкатил грузовик. Двое в военной форме ознакомили мать с приказом: срочно эвакуировать семьи сотрудников НКВД. На сборы дали пятнадцать минут. Через отведенное время на сигнал водителя вышла Нахама Вульфовна и отрицательно покачала головой. Уехать из города, не дождав-шись мужа, она не захотела. Военные не настаивали – меньше забот. Грузо-вик резко рванул с места и быстро стал удаляться. Нахама Вульфовна еще не знала, что больше никогда не увидит любимого супруга, что дочь Светлана больше никогда не обнимет отца. Еще никто ничего не знал, но сердца многих все чаще и чаще замирали в предчувствии надвигавшейся беды – жестокой, безжалостной, непоправимой.

В это самое время сотрудник НКВД Кантор Ошер Абрамович спешил в Минск. Но, к несчастью, война приближалась к нему быстрее, чем он пред-полагал, быстрее, чем мчал его поезд на запад. У Бобруйска его остановила линия фронта. Ошер Абрамович попытался прорваться к семье через Гомель, но и там уже хозяйничали фашисты. Поздно. Время, отведенное на вывоз родных, истекло.

Скоре Кантор находился уже в регулярных частях Красной Армии и до 43-го ничего не знал о трагической судьбе своей матери, сестер, жены, детей. Не знал, что в органах НКВД уже недолго осталось служить, что в 1948 г. попадет под сокращение. О причинах сегодня можно только догадываться.

...27 июня в разрушенный до основания Минск гитлеровцы вошли смело. В первые же дни был издан приказ о регистрации всего взрослого мужского населения, которое в течение двадцати четырех часов обязано было явиться в отведенное для них место. В противном случае – расстрел. Но не дожидаясь добровольного подчинения, фашисты приступили к «делу» намного раньше. Всех мужчин от 18 до 60 лет насильно вытаскивали из жилищ, строили в колонны и гнали в уцелевшую часть города. К сопротивлявшимся без разговоров привычно применяли приклад или ствол автомата, кулаки или добротные, еще не стоптанные сапоги. То там, то здесь были слышны душе-раздирающие крики женщин, плач детей. Отчаянных защитниц своих мужей и сыновей убивали на месте. Когда проходили мимо Троицкого предместья, на глазах Виктора муж сестры матери Григорий выскочил из колонны и по-пытался скрыться. Пуля настигла его в подворотне. Желания последовать его примеру ни у кого больше не возникло.

Улица Немига, нынешний проспект Машерова (проспект Победителей. – Прим. – *К.К.*), улица Танковая... А в то время (Замковщина) это был наиболее уцелевший район города, куда согнали всех мужчин. Территорию обнесли ко-лючей проволокой. Без специального разрешения покинуть лагерь никто не имел права. На пустыре, на месте довоенного братского кладбища (сегодня там Сторожевский рынок), организовали отбор. Евреи – налево, русские, белору-сы – направо. Принадлежность к еврейской нации определяли просто: застав-ляли снимать штаны. За все время пребывания в гетто Виктору приходилось

не раз проделывать эту унижительную процедуру, но всякий раз фашисты «ошибались». Потом сортировали по половому признаку, по возрастному и т. д. Рабочие – отдельно, интеллигенты – отдельно, строители – отдельно, инженеры – отдельно...

Несколько недель подряд, пока вели отбор, люди находились под открытым небом. Спали на земле, в грязи. Есть было нечего. Любая попытка поднять голову из толпы тесно сгрудившихся людей пресекалась автоматной очередью. Кто-то умер от голода, кто-то от жажды. У кого была возможность, пили дождевую воду из луж, слизывали утреннюю росу. У кого не было – пили... мочу. Численность изможденных людей постоянно сокращалась. Ослабевших сразу расстреливали. За это время были замучены до смерти более тысячи человек, которых вывезли в Дрозды. Остальных после регистрации отпустили по домам. Некоторым разрешили продолжать заниматься своим ремеслом. В гетто появились обувные, швейные мастерские, войлочная фабрика. Но большинству приходилось работать непосредственно на немцев. На работу и с работы – под конвоем. Первые погромы начались 6–7 ноября. Фашисты высаживались из грузовиков, вламывались в пригланувшиеся дома и всех, кто там находился, вывозили за город. Им помогали полицаи, среди которых, кроме русских и белорусов, было немало литовцев и украинцев. В своем старании выслужиться они даже превосходили в жестокости немцев, насиловали женщин, девушек, детей, грабили жилища без разбора, убивали более изощренно и с выдумкой.

Многие за несколько дней были предупреждены о предстоящих погромах. Кто-то уходил из дома, а кто-то еще надеялся, что не тронут. Виктор узнал, что у его знакомых есть «малина». Так называли место в доме, где можно было спрятаться и оставаться долго незамеченным. Обычно это были фальшивые потолки, полы и стены, сделанные заранее, сразу же с приходом немцев. Виктор повел мать и сестер в такую «малину». Пробирались ночью, окольными путями, боясь встретить патруль. По дороге сестра Светлана все время плакала и называла Виктора Ошером. Дальше идти было опасно. Объяснив матери, как лучше и быстрее добраться до укрытия, Виктор с сестрой Кимой ушел к другим знакомым русским. Больше своей матери он не видел. Позже узнал, что, когда фашисты ворвались в дом, Нахама Вульфовна не успела отодвинуть потайную доску и спрятаться под пол. Тогда же погибла и сестра Светлана.

Погромы в гетто были регулярны, но всякий раз от надежных людей вовремя поступало предупреждение. Не успевших спрятаться фашисты вывозили в Тростенец, Масюковщину и там расстреливали, сваливая в глубокие рвы.

Оставшись без матери, Виктор с младшей сестрой Кимой попал в русский детприемник (детдом № 3 (Козырево), Семков Городок, под фамилией Жуков Виктор Александрович. – Прим. – *К.К.*), откуда позже сестру забрала нуждавшаяся в девочке-няньке семья. Когда фашисты начали вывозить русских детей в Германию, Виктор сбежал из детдома. Скитался и прятался то у соседей, то у совершенно незнакомых людей, то у друзей детства. Оставаться у кого-либо постоянно было опасно, да и неудобно. Лишний рот в семье – больше тревог и забот. За приют выполнял любую работу по дому. Труднее всего было в зимнее время, приходилось жить в развалинах, дрожать от страха, голода и холода. Но Виктор не сидел сложа руки. Зарабатывал на пропитание чисткой обуви, продажей газет, менял сигареты на рейхсмарки. В работе, можно сказать, везло.

Язык идиш во многом схож с немецким и потому удавалось быстро налаживать контакт с фашистами. Но постоянно находился под внутренним напряжением, боясь вымолвить хоть слово на родном языке. Это могло стоить жизни. Часто сомневающиеся немцы заставляли снимать штаны, но, убедившись в своей ошибке, смеялись и добрили на глазах. Иные же просто давали пинка и улюлюкали, хлопая в ладоши.

Однажды в Минск привезли евреев из Гамбурга. В основном это была интеллигенция: врачи, инженеры, ученые. Но фашисты и их рассортировали по своим стандартам. Многих расстреляли сразу. Жили немецкие евреи отдельно, и от того, что не знали русского языка, им приходилось еще хуже. Всех их фашисты постепенно уничтожали.

С каждым днем жизнь в гетто становилась все более невыносимой. Любое неповиновение наказывалось горячим свинцом. Но были и исключения. Виктор однажды наблюдал такую сцену. Доведенная до отчаяния сестра матери Эмма, у которой на глазах убили мужа, решила покончить жизнь самоубийством и сбросилась с моста в реку. Как раз в это время мимо проходил патруль. Один из немцев быстро разделся и бросился в воду за женщиной, через несколько минут он отнес ослабевшее, но еще живое тело в ее дом, а потом часто навещал, принося с собой продукты.

В городе было много советских военнопленных. Минчанки, указывая на понравившегося солдата, говорили, что это их муж, брат и со слезами выпрашивали, а чаще выменивали у фашистов пленных.

Зимой 43-го Виктор сбежал из гетто. Сразу после освобождения Минска попал с сестрой Кимой в детприемник по ул. Мясникова. Отец приехал с фронта через полтора месяца. Заняли уцелевший свой дом. Жизнь потихоньку налаживалась. Виктора Аскаровича призвали на службу на флот. Стремясь попасть на корабль, он прибавил себе несколько классов образования. Получил специальность машиниста по турбинам.

После службы попытался поступить на работу на ТЭЦ-2, но в отделе кадров, внимательно изучив дело, вежливо попросили прийти завтра. «Завтра» повторялось ежедневно. Наконец пришло извещение о готовности принять на работу, но Виктор Аскарович уже был принят мастером в паросиловой цех велозавода. С 1960 г. он трудится на заводе имени Г.К. Орджоникидзе слесарем-сантехником.

Островский, В. Человек из гетто / В. Островский // газета «Электрон»

Кондратина (Величко) Алла (Анна) Игнатъевна

Я была ребенком, но четко помню о том, что было связано с детским домом № 3, который находился на станции Козырево (район Червенского рынка), в котором с 1941 по 1995 г. работала моя мама Величко Анна Николаевна. Она всегда брала меня с собой на работу, что позволило каким-то образом выжить, не умереть с голоду.

Мама очень любила детей и не только своих (нас у нее было двое), она некоторых из них часто брала к себе домой, дарила им свое тепло, которым они были обделены.

В детском доме я знала многих ребят, но особенно близко сошлась с детьми из еврейских семей, среди которых были Маша Жукова, Женья Печкова

(Видерман), Лилия Черткова, Аня Гуревич, Борис Озерский, Лариса Лозовая (Каганович), Шацкий Владимир, Капланы (Бураковы) Семен и Роман и др. Этих и других ребят мама прятала от фашистов, когда они приезжали в детский дом, чтобы отбирать их для уничтожения. Мама прятала их в картофлянике, в саду, у себя дома под кроватями, что и помогло спасти многих из них...

Выжившие ребята после войны, уже годы спустя, узнали о том, что Анна Николаевна Величко все еще работает в детском доме. Они с радостью встречались с ней, вспоминали о страшных временах. А с течением времени маму представили к званию «Праведник мира» с вручением в Израильском посольстве Почетной грамоты и именного ордена. Ее имя высечено на Аллее Праведников мира на Стене почета Яд-Вашем. О маме много писали в газетах, было интервью на телевидении. Я горжусь своей мамой – смелой, доброй, отважной...

Минск, 15.09.2009

Лазавая Ларыса – бывшая воспитанница Козыревского детского дома № 3. Живет в г. Москва. – Мы былі пастаянна галодныя і раздзетыя. Ступні ног былі з трэшчынамі. За мной на падлозе заставаўся сляды крыві. На правай руцэ з унутранага боку нешта рабілі, застаўся рубец да гэтага часу. Потым на гэтай руцэ выдалілі пухліну. Нас прымушалі падоўгу сядзець на судне. З мяне выпадала прамая кішка, я клалася на падлогу і сама «ўстаўляла» яе назад. Нас білі плеткай, калі мы клаліся спаць. І забаранялі крычаць пры гэтым.

Вельмі добра памятаю двух хлопчыкаў – Эрыка і Юру. Яны не маглі хадзіць і нават стаяць на ножках. Я станавілася на карачкі і «перавозіла» іх пачаргова на спіне са спальні ў пакой. У іх было начное нетрыманне мачы. За гэта іх кожнай раніцай збівалі.

У Эрыка, як высветлілася пасля вайны, была апошняя стадыя рахіту – вялізарны жывот, вялізарная галава ды скручаныя маленькія ножкі, таму ен не мог хадзіць. Ен увесь час скардзіўся на галаўны боль. Памер у 25 гадоў. Ускрыцце паказала шмат рубцоў на мозгу. Доктары казалі, што гэта ад удараў па галаве. Летам мы елі траву і кветкі на двары, а зімою елі снег. Заўсёды былі галоднымі. А яшчэ было пастаяннае адчуванне страху.

Калі я пайшла ў школу, мяне вызвалілі ад пісьма, бо ў мяне дрыжэлі рукі, і я засталася на другі год. Пасля дзіцячага дома я некалькі гадоў лячылася ў неўрапаталага. Мяне да гэтага часу мучыць галаўны боль. Да сарака гадоў я страціла ўсе зубы. Часта здараюцца нервовыя зрывы.

Леановіч Міхаіл, г. Мінск. – Трапіў у «Козырава» ў 1943 годзе, восенню. Асобы рэжым, дзеці ведалі, што адтуль выхаду назад няма. Спачатку была нізкая агароджа, потым паставілі высокі плот па перыметры. Была будка для вартаўніка, потым узброеная ахова: некалькі салдат дзяжурылі круглыя суткі, выйсці нельга.

Усім кіраваў немец-медык (белы халат, форменная фуражка, стэк), ягоны загад – закон. За непаслушэнства – фізічнае пакаранне. Абыходжанне з дзецьмі жорсткае: збіванне дзягаю, стэкам, біцце па патыліцы,

накручванне вушэй – звычайная справа, пазбаўленне ежы, лустачкі хлеба. Ежа – баланда з брукі ці капусты з нейкімі бульбінкамі... Штодзеннае пастраенне, «шагістыка». Рабілася страшна, калі сам немец-доктар ці яго памочніца абыходзілі паволі шарэнгу, аглядаючы кожнага. Здаралася, з агульнага строю кагосьці выводзілі, тут жа запісвалі нумар дзіцяці, якога «ўпадабалі». Дзеці ва ўзросце 10 ці больш гадоў, бландзіны, рыхтаваліся да адпраўкі ў Германію. Ім рабілася палегка ў рэжыме, паляпшалася харчаванне.

Іншым разам нейкіх дзяцей адпраўлялі ў будынак, што стаяў асобна. Рабілася гэта па начах: уваходзіць выхавальніца, з ей – салдат ці нават два (здаралася – паліцаі), асвятляюць спальню ліхтарыкамі, забіраюць патрэбнае ім дзіця пад нумарам – заспаенае, з пасцелі. Назад ніхто не вяртаўся.

Фальковская (Рябушко, Рабушко) Галина (Нина) Петровна, 1938 г.р., г. Минск. По документам Белорусской центральной рады на 5 апреля 1944 г. значится в списках детских учреждений г. Минска детприемника по ул. Широкой, 73 (НАРБ. Ф.381, оп.1, д.7, л.14). В книге движения воспитанников детдома № 3 г. Минска за 1947–1948 гг. записано «Рябушко Нина Петровна (белоруска, первая половина 1938 г.р.) – родители убиты немцами как партизаны».

А вот как описывает свою жизнь сама Галина Петровна.

«Нас у родителей было двое. Они до войны жили в Минске. Во время войны уехали в Пуховичский район на родину матери. Там и вступили в партизанский отряд. Отца немцы расстреляли в 1942 г., мать в 1943 г. была задержана немцами при исполнении партизанского задания по вывозу профессуры в Москву. Их сразу забрали – и деда и маму, а потом за ними ушла и бабушка. Она так и не вернулась. Это все есть в подтверждениях Центрального архива КПБ. Остались мы на руках у сестры отца, то есть нашей тети. Все, что я узнала о моих родителях, – это со слов и документов моей тети Оли. Как только немцев начали гнать из Белоруссии, тетя сдала нас в детприемник на Газетной улице в начале 1944 г. Там нас с братом разлучили. Так как он был совсем малым, его отправили в Молодечненскую область, а меня в 3-й детдом г. Минска. Там я познакомилась с Машей Жуковой, которая уже была там. Мы были вместе, пока наш детдом не подожгли и нас почти всех расформировали по другим детдомам. Воспитательница 3-го детдома мне сказала, что у меня есть брат, и я начала с 1949 г. искать брата, написав в газету «Пионерская правда». Ответ был один со всей республики и областей Белоруссии. Такого нигде нет. Да и откуда быть, если данные метрик исказили. Вместо Петр Петрович Рабушка он стал Петр Владимирович Рябушкин. Да и у меня имя исказили. Родители назвали Ниной, а в детдоме в метрике – Галя. Я только узнала в 1952 г., что я уже Галя. Так и сейчас, кто знал меня до 1955 г., зовут Нина, а дальше жить стала по документам – Галя. В 1953 г. меня нашли родственники по отцу. Так я обзавелась родней. И мне тетя подсказала, что брата отправили в Молодечненскую область. В 1953 г., когда я училась в РУ № 24, с девочками я поделилась, что у меня должен быть брат, и они мне подсказали, куда мне надо написать. И мне пришел ответ, что по моим

данным такого нет. Произошли изменения в метриках, когда перебрасывали из одного детдома в другой. Мне выслали две фотографии. В 1954 г. я нашла брата. Мы как две капли воды похожи друг на друга. Так нас уже стало двое. Сейчас мы живем в Минске. У брата своя семья. У меня – своя. Но встречаемся. Хотя выросли в разных детдомах. После училища меня отправили в голодную и холодную Могилевскую область в Климовичскую МТС, где на двух токарных станках вместе со мной работало 5 человек. Ничего не зарабатывая, я жила как могла. Хорошо, что в детдоме № 8 научили шить, вязать и вышивать. Вот этим я и поддерживала себя. За рукоделие мне давали груши-гнилушки и ячменя, который надо было столочь в ступе, перемять и в горшочке варить. Сварится и смотришь, хотя бы лишнее не съесть, оставить на потом. У хозяйки вынуждена была воровать серую капусту, которую она поставила квасить. Хлеб боялась отрезать. Резала так, чтобы не было заметно, что он обрезан. Но не думала я, что в размере он уменьшался. Ходила на овощесушильный завод помогать девочкам, а там хоть была съта сушеными овощами. Всю теперешнюю жизнь вспоминаю свою хозяйку. Она никогда меня не ругала. Видно, понимала, что хлеб воруют не из роскоши.

Долго я так выдержать не могла. Написала заявление, чтобы меня уволили, так как мне не на чем работать и не на что жить. А мне директор говорит, кто по такому заявлению тебя уволит? И подсказал, как написать. «Прошу уволить по собственному желанию». Уволили. Приехала в Минск. Ни копейки в кармане. Иду в Министерство трудовых резервов. Мне говорят: «Мы вас передали сельскому хозяйству». Я – туда. А там, пока дождешься какого-то начальника, то у них обед, то еще что-то. У меня и температура поднялась от всего этого. Ответ я все же получила, «Мы вас отправили в Могилевскую область». Дали денег на билет и поезжай в Могилев. И я вынуждена была туда поехать. А сколько мне было лет, чтобы за себя постоять? Да еще перед кем, если тебя никто не слышит. И вот опять МТС Круглянского района. Там за 2 года научилась работать на различных станках. По возможности помогала в разборке тракторов, так как запчасти к тракторам получали очень мало, и надо было восстанавливать технику. Мастерские не отапливались. Руки примерзали к станку. Чуть поточишь – и бежишь в кузницу к горну, чтобы согреться. Когда из МТС стали переводить в РТС, директор подсказал мне, как добиться в Минске прописку, и устроиться на работу. Но не так все было просто, как на словах. Прописаться мне помогла тетя. У нее было своих трое детей, да заработки мизерные. С работой также проблема. И вот тетя завела меня в прачечную военного госпиталя, хотя у меня был 5-й разряд токаря-универсала. Но попали хорошие люди. Начальник госпиталя помог устроиться на Кировский завод. Ну а дальше все стало на свои места. Работа, вечерняя школа, замужество. Родился сын. Муж умер, осталась одна с сыном. Сын уже взрослый. Вот так мы стараемся цепляться за жизнь, надеяться было не на кого и помощи ждать не откуда».

г. Минск, 2009 г.

Подготовил Кузьма Козак

Філонава Яніна. Нарадзілася я ў весцы Ганцавічы Лагойскага раена ў сям'і селяніна – Майсюка Кірыла Аляксандравіча і Майсюк Гелены Мікалаеўны. Сям'я была шматлікая: сямера дзяцей малалетняга ўзросту. Самая старэйшая, пятнаццацігадовая дзяўчынка, памерла ў пачатку вайны. Бацьку нашага, 45-гадовага ўзросту, як і ўсіх мужчын-аднавяскоўцаў, у войска прызваць не паспелі.

Ваенныя жахі для нашай сям'і, як і для жыхароў усей вескі, пачаліся амаль з самага пачатку вайны. Дзед па бацькавай лініі, Майсюк Аляксандр Іванавіч, быў жывым спалены ў калгаснай канюшні, затым два родныя браты і сястра бацькі з сем'ямі былі спалены ў весцы Усохі паблізу возера Палін, дзе хаваліся з аднавяскоўцамі на балоце ад немцаў.

Калі спалілі ўсю веску, наша сям'я і ўсе аднавяскоўцы жылі ў зямлянках у навакольным лесе. У той блакадны 1943 г. мы хаваліся ў балоце паблізу вескі Швабы Лагойскага раена, у якой жыла матчына радня. Схавацца разам было немагчыма, таму што карнікі вельмі ўжо старанна абшуквалі кожны куст, кожную яміну. Бацька са старэйшымі дзецьмі – 14-гадовай сястрычкай Наташай і 12-гадовым брацікам Пецям – хаваліся ў адным месцы, а маці з малодшымі чатырма дзецьмі – у іншым.

Як сёння памятаецца тая страшэнная веснавая раніца 1943 г. Так ласкава свяціла сонейка, на ўсе лады шчабяталі птушкі і ўсе балота зіхацела жоўтымі кветкамі. Гарэў агонь, і мама штосьці варыла ў чыгунку, а мы, галодныя, сачылі за ёю і забаўляліся, ірвучы кветкі. Раптам застракатаў кулямет і пачуліся аўтаматныя чэргі. Бацька са старэйшымі паспеў схаватца, а маці з малымі не паспела. Перакуліла чыгунок, каб затушыць агонь, а нас паваліла ў траву за куст. Лежачы ў траве, мы з жахам назіралі за карнікамі, якія ў чорным адзенні, з закасанымі рукавамі і з нейкімі бляхамі на грудзях, з аўтаматамі напаўгадове ішлі зусім блізка ад нас. Карнікі прайшлі побач, мінулі нас, раздзяліліся на дзве шарэнгі і пайшлі далей. І тут раптам спрасонку закрычаў малодшы двухгадовы брацік, які спаў у маці на руках. Карнікі вярнуліся і пагналі нас, штурхаючы, уперад.

Што там рабілася на балоце – нельга апісаць. Крыкі, страляніна, плач дзяцей і лаянка на чужой мове. Адна з жанчын пакінула свайго трох - або чатырохгадовага хлопчыка і сама ўцякла. Гэтае хлапчаня немцы далучылі нашай маці. Лес яго вельмі страшны, але пра гэта потым.

Усіх схопленых на балоце людзей (а іх было вельмі шмат) сагналі на вялізны выган каля вескі Швабы альбо вескі Заполле. Гараць вескі. Чорны дым клубамі ўздымаецца ў неба. Немцы рабуюць усялякае дабро: жывелу, рэчы, скарб, а людзі з жахам пазіраюць на гэта і чакаюць, што будзе далей.

Рэшткі дня і ноч давалася ўсім правесці тут, пад прыцэламі аўтаматаў і куляметаў. А назаўтра, ледзь развіднела, пагналі ўсіх у напрамку Барысава. Усе былі стомленыя, напалоханыя, галодныя. Асабліва пакутавалі дзеці, а іх у тым вялізным натоўпе было нямала. Наша мілая, добрая маці, як я яе цяпер добра разумею! Чацвера дзяцей з ей у гэтым страшэнным пекле і двое старэйшых разам з бацькам, дзесьці там, у балоце, лес якіх застаўся невядомы. А мы, тры дзяўчынкі, не разумеючы матчынага болю, моцна трымаліся за яе спадніцу і прасілі піць і есці. Малодшага, двухгадовага Косцю, маці ўсю дарогу несла на руках, а таго хлопчыка, у якога ўцякла маці, старэйшая сястрычка Вера вяла за ручку. Да Барысава нас вялі некалькі дзен. Памятаецца,

у весцы Трасцяніца Барысаўскага раена ўсіх людзей пачалі зганяць у вялікі будынак і загадвалі браць з сабой ахапак саломы. Людзі зразумелі, што іх збіраюцца паліць жывымі, пра такія жахі ўжо ўсе ведалі, таму плакалі, крычалі, упіраліся, а немцы, як жывелу, білі гумавымі палкамі і прыкладамі. Што тут рабілася, нельга выкласці на паперы. Можна, і спалілі б усіх, хто ведае, але, на шчасце, пад'ехала легкая машына, мабыць, з высокім начальствам, і нам пашанцавала застацца ў жывых.

Немцы, відаць, вельмі спяшаліся, таму што ў адной з весак людзей пачалі грузіць на машыны. І тут, у гэтай мітусні, здарылася самае страшнае для нас, маленькіх дзяцей: мы згубілі сваю матулю. Для нас пачалася сапраўдная трагедыя! Разам з іншымі нас закінулі ў кузаў грузавіка, а нашы маленькія сэрцы разрываліся ад болю і пакут. Мы доўга плакалі і звалі сваю маці, пакуль зусім не стаміліся і не страцілі голас. У кузаве бітком набітага грузавіка была страшэнная духата і ніхто не хацеў звяртаць увагі на нас, маленькіх дзяўчынак і хлопчыка, якога мы ўвесь час трымалі каля сябе, бо кожны быў заняты сваім горам.

У Барысаве нас змясцілі ў канцлагер, які быў абнесены калючым дротам, а па вуглах стаялі вышкі, дзе сядзелі вартавыя з аўтаматамі. Ноччу было вельмі холадна і мы туліліся адно да аднаго, каб хоць крыху сагрэцца, затое днём была нясцерпная спякота. Вельмі моцна хацелася піць і есці, але прасіць не было ў каго. Тады мы браліся за ручкі і, праціскаючыся да агароджы, прагна сачылі за немцамі, якія заўсёды так смачна елі. Мы працягвалі рукі і прасілі: «Дзядзечка, дай хлебца». Але «дзядзечкі», здзекваючыся з нас, білі па руках гумавымі палкамі.

Старэйшая сястрычка Вера памятае такі выпадак: калі немец палажыў маленькай дзяўчыныцы ў ручку замест кавалачка хлеба каменьчык, тая хацела пакласці ў рот, потым, разглядзеўшы, стала моцна плакаць, а немцы паваліліся ў траву і зайшліся ад рогату. Але былі і такія выпадкі, калі нам усе ж удавалася выпрасіць па кавалачку хлеба, наверх памазанага маргарынам, альбо цукерку.

У лагеры кармілі нейкай рэдкай баландай і раз у дзень давалі па кавалачку хлеба, падобнага на гліну. Але нам, часцей за ўсе, і гэтага не перападала, таму што мы былі малыя і ў нас на чацвярых была толькі адна кансервавая бляшанка, якую нам, злітаваўшыся, хтосьці даў. Налівалі нам у бляшанку адзін толькі раз, а пра дадатак «забывалі», бо прасачыць за гэтым не было каму. Як мы пакутавалі ад таго, што з намі не было нашай дарагой матулі.

Аднойчы сказалі, што некуды ўсіх павязуць, але ніхто не ведаў куды. З гутаркі дарослых мы ведалі, што ў лагер прыехала нейкае вялікае начальства. Па іх загаду людзей зноў, як скаціну, пачалі сартаваць. Потым пагрузілі ў таварны цягнік і павезлі на Захад.

Я з жахам успамінаю гэтую паездку! Вагон, бітком набіты дарослымі і дзецьмі, быў наглуха зачынены. Пад самай столлю маленькае забруджанае акенца, якое ледзве прапускала святло. У адным з куткоў стаяла, як называлі дарослыя, «параша», куды ўсе спраўлялі сваю патрэбу. Стаяў такі смурод, што нельга было дыхаць. Людзі задыхаліся ад гарачыні і смуроду. Адзін раз за суткі мянялі парашу і праз адчыненыя дзверы кідалі ў вагон некалькі буханак хлеба, важкага, як цэгла. Але далека не ўсім шанцавала схпіць бохан хлеба. І з-за гэтага сярод людзей ледзве не ўшчыналіся бойкі. Нам, як заўсёды, нічога не даставалася. Калі хто пашкадуе, дасць кавалачак, мы раздзелім на чацвярых, хуценька праглынем і зноў сядзім,

прытуліўшыся адно да аднаго, і пазіраем на дарослых. Акрамя нас у вагоне таксама былі малалетнія дзеці, але яны былі з татамі і мамамі.

Такім чынам давезлі нас да г. Клецка і тут усіх выгрузілі.

Куды падзеліся ўсе дарослыя, мы так і не зразумелі. Памятаецца толькі, што мы, трое сястрычак і той хлопчык, засталіся ля нейкай сажалкі на лужку. Два-тры дні мы там сядзелі нікому непатрэбныя. Мясцовыя жыхары прыносілі нам ежу, жаласліва ўздыхалі, плакалі, глядзячы на нас. Потым прыехала падвода, пасадзілі нас на яе і прывезлі ў нейкія памяшканні.

Нас памылі, апранулі ў іншае адзенне, і ўсіх дзяўчынак змясцілі разам. Хлопчыка ад нас забралі і далучылі да іншых хлопчыкаў. Потым мы даведаліся, што ў дзяцей тут бяруць кроў для параненых, а старэйшых прымусова вязуць у Германію. А справа тут была наладжана такім чынам: як толькі шпіталь папаўняўся раненымі, выбіралі больш здаровых дзетак і, нібыта на праверку, дастаўлялі ў шпіталь для забору крыві параненым. У старэйшай сястрычкі Веры бралі два разы, пасля чаго яна доўга не магла ачуняць. У мяне таксама бралі кроў, толькі не памятаю, колькі разоў. Пасля гэтай працэдуры вельмі балела і круцілася галава, была такая слабасць, што ўвесь час вельмі хацелася спаць, не буду сцвярджаць, бо дакладна не ведаю, але расказвалі (нашай маці, калі яна нас забірала), што непадалеку ад шпіталю была выкапана глыбокая яма, куды, пасля забору крыві, кідалі яшчэ жывых, знясіленых дзетак, выратаваць якіх было ўжо немагчыма, а можа, і можна, ды ці ж хацелі яны гэта рабіць? Бо добра ведалі, што возьмуць іншых. А тых дзетак, хто яшчэ вытрымліваў, падлечвалі і вярталі назад.

Летам 1944 г. Чырвоная Армія хутка набліжалася да горада. Таму немцы старанна ўмацоўвалі яго абарону, падцягвалі жывую сілу і тэхніку. Наша начальства і абслуговы персанал быццам ветрам садзьмула. Засталіся ўсяго некалькі чалавек, якія нас не пакідалі да канца, а таксама малодшыя 20–30 чалавек, якія збіраліся купкамі і з жахам чакалі, што ім яшчэ падкіне лес. Зусім маленькія моцна плакалі і з перапуду забіваліся куды-небудзь у цемны куточак.

Так і наш знаёмы хлопчык, якога пакінула маці, схаваўся пад ложак і нельга яго было дастаць. Забягаючы наперад, скажу, што гэтае гаротнае дзіцятка, пра якога ў паніцы ўсе забыліся, так і згарэла, калі пачаўся пажар. Мы, сястрычкі, не спалі ўсю ноч. Селі на падлозе ў куточку і прытуліліся да старэйшай Веркі, якой было 8 гадоў, а тая, нібы дарослая, як магла супакойвала нас.

На досвітку пачалася страляніна, ды такая моцная, што з акон пасыпалася шкло. У адным з нашых будынкаў снарадам знесла дах. Тады адзін з нашых выхавацеляў, не ведаю ні прозвішча, ні імя яго, хуценька сабраў усіх дзетак і размясціў у падвале аднаго з будынкаў. Толькі прабылі мы там нядоўга. Ад снарадаў і разрыўных куль загарэліся амаль усе нашы будынкі. Дым пранік у падвал. Сярод дзяцей узнялася паніка. Выхавацель, які ні на хвілінку не пакідаў нас, з вялікай цяжкасцю вызваліў усіх з падвала. Дзеці разгубіліся і не ведалі, куды падзецца. Многія атрымалі апекі і моцна плакалі. Але наш добры дзядзечка не падаўся распачы і не разгубіўся: сумеў сабраць усіх дзетак і вывесці з гэтага сапраўднага пекла на бульбяное поле.

Потым настаў самы радасны для ўсіх нас час, якога мы так доўга чакалі. У горад уступілі нашы войскі. Цяноў крыві і вялікіх страт вызваліўшы горад, яны цяпер ішлі далей, на Захад. Спачатку бясконца ішла тэхніка, затым калоны нашых байцоў, якія са слязамі на вачах бралі дзяцей на рукі і, пяшчотна прыхінаючы да грудзей, частавалі нас: хто лустачку хлеба дасць, хто

кавалачак цукру, а хто нават цукерку. Для нас, дзяцей, гэта было сапраўдным святам. Але свята наша хутка скончылася – са знікненнем апошніх салдат, што замыкалі калону, але і зараз наш выхавацель паклапаціўся аб нас. Можа, ен адзін, а можа, яму хто дапамагаў, аднак было адшукана ўцалелае памяшканне, якое прыстасавалі пад дзіцячы дом. Колькі мы там з сястрычкамі знаходзіліся, я ўжо не памятаю, як не памятаю і таго, як мы яго абжывалі. Мая дзіцячая памяць змагла захаваць чамусьці толькі жахлівыя падзеі і радасныя, а штосьці сярэдняе паміж гэтым не змагла. Ведаю толькі, што адразу пасля заканчэння вайны наша мамачка якімсьці чынам адшукала нас з намерам забраць дадому. Доўга яе ўсе ўгаворвалі не забіраць нас. Прапаноўвалі застацца працаваць у дзіцячым доме, але яна наадрэз адмовілася, тлумачычы гэта тым, што ей абавязкова трэба быць дома і дачакацца нашага бацькі з фронту. Так яна забрала нас і павезла дадому, у веску Ганцавічы Лагойскага (былога Плешчаніцкага) раена, дзе нас з нецярпеннем чакалі 16-гадовая сястрычка Наташа, 14-гадовы брат Пеця і самы малодшы – 3-гадовы Косця.

Бацькі з вайны яшчэ не было, і ніхто з нас не ведаў, вернецца ен жывым ці не. У той памятны блакадны 1943 год, пасля таго, як нас забралі немцы, бацька добраахвотна пайшоў на фронт, ен яшчэ паспеў з баямі дайсці да Берліна, а затым удзельнічаў у вайне з Японіяй. Быў двойчы паранены і меў пяць урадавых узнагарод.

Дома нас сустрэла сумная карціна: веску спалілі немцы датла. Не ўцалела аніводнага будынка. Замест хат сіратліва стаялі зарослыя быллем, абгарэлыя чорныя печы. Людзі, якія засталіся ў жывых, корпаліся на папялішчах, каб знайсці хоць які цудам уцалелы чыгунок альбо міску. Сям-там стаялі зямлянкі. Такая ж зямлянка на старым папялішчы чакала і нас.

Бедная, гаротная наша мама. Шасцера малалетніх дзяцей і ні апранаць, ні есці няма чаго. Ніякай жывеліны не засталася, нават кошкі. За што рукі зачэпаць? З чаго пачынаць? А тут неўзабаве напаткала нас цяжкая бяда: памерла наша малодшая сястрычка Манечка, якая з намі была ў Клецку. Перажыла ўсе жахі вайны і ўцалела, а тут смерць скасіла ўсяго за два дні. Доўга мы аплаквалі сваю сястрычку, а мама – сваю дачушку, якую толькі што адшукала, ды не змагла зберагчы. Але нічога не зробіш, жыць трэба. Усе мы пачалі пухнуць з голаду. Тады мама ўзяла з сабой старэйшую сястрычку Наташу і падалася на заробкі ў Заходнюю Беларусь. І ніхто з нас не ведаў, што бачым мы сваю дарагу мамулю ў апошні раз. Я не буду падрабязна апісваць, як мы кожны дзень чакалі сваю маму, выбягаючы па некалькі разоў на дарогу. Але жывую мы яе ўжо так і не ўбачылі. Едучы з дачкой з заробкаў дадому, яны захварэлі на дызентэрыю. Іх, непрытомных, знялі з цягніка і паклалі ў бальніцу г. Барысава. Пасля таго, што ей давялося перажыць, гэту хваробу яна ўжо асіліць не змагла і пакінула нас сам-насам змагацца з разрухай, голадам і галечай.

Бацька з фронту вярнуўся двойчы паранены, кантужаны, таму часта лячыўся ў бальніцы. Дзяцей гадаваць не было каму, таму мясцовы сельскі Савет вырашыў трох малодшых дзяцей: Веру, мяне і Косцю здаць у дзіцячы дом № 2 г.п. Плешчаніцы. Але гэта ўжо другая частка нашага жыцця, аб якой таксама можна шмат чаго напісаць.

На заканчэнне сваіх успамінаў я хачу нізка, да самага долу, пакланіцца і сказаць вялікі дзякуй (калі ен яшчэ жывы) таму, хто, рызкуючы сваім жыццём, выратаваў ад няміласці нас, малалетніх дзяцей. Думаю, што са мною будуць

згодны ўсе тыя, хто знаходзіўся разам з намі і застаўся ў жывых. Дзе вы цяпер, дарагія мае пакутнікі апісаных падзей? Куды б вас ні закінуў лес, адгукніцеся.

Мінск, 1995.

Жахі вайны вачыма шасцігадовай дзяўчынкі // Звязда. 1995. 21 чэрвеня. С. 4.

Шацкі (Кудзелька) Уладзімір, *живет в г. Москва. ...* Нарадзіўся ў Мінску 9 чэрвеня 1939 г. Перад самай вясной мяне адправілі разам з дзіцячым садзікам пад Мінск на дачу. А калі пачалася вайна і сталі бамбіць горад, мае бацькі... хацелі забраць мяне, але ім сказалі, што дзяцей будуць эвакуіраваць асобна. Мае бацька і маці з двума старэйшымі братамі пайшлі пешкі з Мінска. Ім пашанцавала, яны цудам выйшлі з акружэння і здолелі эвакуіравацца ў г. Златауст Чэлябінскай вобласці. А наш садзік, замест таго, каб эвакуіраваць, вярнулі ў Мінск...

Амаль 30 гадоў мінула, як памерла мама. Але захавалася пісьмо: яна пісала сваей родзіццы пра тое, як знайшла мяне.

Дык вось, калі яна прыехала ў вызвалены Мінск, знайшліся людзі, якія ведалі маму і яе родных. Ёй сказалі, што мяне забрала з садзіка яе стрыечная сястра Бэла, што я разам з яе сям'ёй загінуў у гета. Але потым іншая жанчына сказала маме, што я, магчыма, жывы, параіла пашукаць мяне ў дзіцячых дамах, таму што Бэла перад адпраўкай у гета пакінула мяне каля царквы з запіскай, што мяне завуць Вова Кудзелька.

Мама абышла ўсе дзіцячыя дамы ў Мінску, але мяне там не было. А потым ёй сказалі, што есць яшчэ дзетдом у Козыраве пад Мінскам. Там яна мяне і знайшла.

Калі яна здымала з маіх ног панчохі, я стаў плакаць, бо ўсе цела было ў больках, а на галаве – незагойны каўтун. Знайшла ж яна мяне па радзімках. І я пазнаў яе, згадаў старэйшага брата Мішу і цецю Бэлу.

Паважаная Вера Іванаўна!

Памажыце мне, калі ласка, звязца з Ганнай Гурэвіч і іншымі выхаванцамі ваенных гадоў. Я быў малы: у 1941 годзе мне было два гадкі, а ў 1944 годзе – пяць гадоў. З успамінаў тых гадоў у мяне засталася ў памяці, што ў нас былі двух'ярусныя ложка. Суп давалі – клецкі (мука з апілкамі!)... Рыліся на сметніку... На шыі ў мяне быў крыжык. Я доўга з ім не развітвайся, нават калі вярнуўся ў сям'ю, пакуль шнурочак не перацерся і крыжык згубіўся.

І доўга яшчэ потым я паўтараў малітвы і хрысціўся, нягледзячы на насмешкі і дражнілкі сярэдняга брата...

Вельмі прашу вас, Вера Іванаўна, перадаць мой ліст дзетдамаўцам тых гадоў...

Юшкевич Анна Ивановна, (Цирульник Хана), 1929 г.р., Мінск. Ужэ в июле вместе с матерью и старшим братом Хана Цирульник (настоящее имя и фамилия. – Прим. – К.К.) попала в Минское гетто. В мае 1942 г., убежав из гетто, стала беспризорной и была отправлена в детдом № 3 (Козырево). Из этого учреждения 20 мая 1944 г. была насильно вывезена на принудительные работы в Германию. Содержалась в лагере г. Филькенбург, а затем перемещена в г. Берлин, где работала служанкой у бауэра Ковальского. Освобождена 30 апреля 1945 г. В этом же году была возвращена на Родину. Для подтверждения пребывания в местах принудительного содержания ей пришлось обратиться в суд. В итоге Народный суд Московского района г. Минска 14 декабря 1994 г. своим решением подтвердил факты пребывания в местах принудительного содержания.

Подготовил Кузьма Козак

И после войны правду узнать непросто

Казалось бы, каждому из нас можно вернуть свою историю. Но это только кажется. Вы поймете, как это непросто осуществить. Это борьба и вера, что все же правда восторжествует. Немало мне и моим друзьям пришлось на этом пути увидеть и понять. Я благодарна своей семье, которая благословила меня на правое дело. Владимиру Шакутину, который смог разобраться в тонкостях процедурных вопросов, судебных хитросплетениях. Для того, чтобы было более понятно, я решила представить в книге этот состав документов. Все же документ есть документ.

РАЗДЕЛ 3. СУДЕБНОЕ ДЕЛО МАРИИ ЖУКОВОЙ

Вярхоўны Суд Рэспублікі Беларусь

Областным, Минскому городскому судам Республики Беларусь

220681, г. Мінск, вул. Леніна, 28

1.06.94 № 05

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 июля 1993 г. № 390 образован Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение», на который возложена обязанность за счет средств, выделенных Федеративной Республикой Германия, производить разовую выплату финансовой помощи пострадавшим от национал-социалистских преследований в годы Второй мировой войны.

Согласно п. 2 Положения о выплатах, утвержденного решением контрольного совета Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», протокол № 6 от 14 апреля 1994 г., разовая материальная помощь будет осуществляться правлением Фонда в соответствии с решениями экспертной комиссии на основании квалификационных карт и приложенных к ним копий первичных документов пострадавших.

Квалификационные карты заполняются районными (городскими) квалификационными комиссиями (п. 19.2 Положения о выплатах).

При отказе районной (городской) квалификационной комиссии в заполнении квалификационной карты из-за отсутствия сведений, подтверждающих факт и сроки национал-социалистских преследований (п. 15 Положения о выплатах), потерпевший, а в случае его смерти после 14.06.1993 г. лица, указанные в «последнем абзаце п. II. 2 Положения о выплатах, вправе в соответствии со ст. 235 ГПК обратиться в суд по месту своего жительства с заявлением об установлении факта пребывания в местах принудительного содержания».

К заявлению должны быть приложены: отказ районной квалификационной комиссии в составлении квалификационной карты, документы (в частности, ответы органов госбезопасности, архивов, справки Международной службы розыска, Красного Креста и Красного Полумесяца) об отсутствии сведений, подтверждающих факт национал-социалистского преследования. С таким же заявлением названные лица вправе обратиться в суд, когда решение экспертной комиссии об отказе в выплате из-за недостаточности представленных документов о национал-социалистских преследованиях оставлено без изменения кассационной комиссией и утверждено контрольным советом фонда.

При рассмотрении этих дел суды должны руководствоваться ст.ст. 234–237 ГПК, Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение».

Вопрос об установлении факта суд должен решать в зависимости от письменных и других доказательств, указанных в ст. 29 ГПК, с достоверностью свидетельствующих о пребывании потерпевшего в местах принудительного содержания.

Удостоверения, выданные государственными органами или общественными организациями, сами по себе не являются бесспорными доказательствами, подтверждающими факт национал-социалистских преследований граждан. Они являются только одним из доказательств и не имеют для суда заранее установленной силы.

Экспертная комиссия Фонда при определении размера выплат учитывает, в частности, место, срок преследования, возраст потерпевшего (п.п. 10.1, 10.2, 10.3 Положения о выплатах), поэтому суд должен выяснять и эти обстоятельства. Данные сведения следует указывать в резолютивной части решения.

Если суду не представилось возможности установить место и срок принудительного содержания потерпевшего, то об этом необходимо указывать в мотивировочной части решения.

Если в документах потерпевшего, удостоверяющих факт, сроки, место национал-социалистских преследований, имеются несоответствия имени, отчества, фамилии, года и места рождения с данными в паспорте или в свидетельстве о рождении или неполно указано имя и отчество, имеются неоговоренные исправления и эти неточности невозможно устранить во внесудебном порядке, то суд по заявлению заинтересованного лица в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 235 ГПК вправе рассмотреть дело об установлении факта принадлежности этого правоустанавливающего документа потерпевшему.

Суды должны с особым вниманием относиться к просьбе потерпевших об освобождении от оплаты госпошлины, при наличии предусмотренных законом оснований освобождать от оплаты ее.

Настоящее письмо просим направить во все народные суды и на предстоящих семинарских занятиях ознакомить судей с Уставом Белорусского

республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», Положением об экспертной комиссии Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», Положением о выплатах, утвержденным решением контрольного совета Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение», протокол № 6 от 14.04.1994 г.

Заместитель Председателя
Верховного Суда Республики Беларусь

И.А. Мирониченко

В судебную коллегия по гражданским делам Минского городского суда

ВОЗРАЖЕНИЯ

на кассационный протест прокурора
Московского района на решение суда того же
района от 15–16.06.2000 г. по делу № 2–1460/2000 г.

Почти два года продолжается судебная волокита по делу Жуковой Марии Иосифовны, которая связана с восстановлением ее национальной принадлежности. Это гражданское судебное дело не имеет аналогов в судебной практике не только в Минске, но и в нашей Республике.

Оно порождено трагическими событиями более полувековой давности. В 1942 г., когда фашисты в Минске повсеместно уничтожали семьи еврейской национальности, Мария Жукова потеряла своих родителей, всех близких родственников и осталась круглой сиротой.

Особенность судебного дела Марии Жуковой заключается в следующем.

1. В масштабах и продолжительности судебной волокиты по установлению факта, имеющего юридическое значение. Дело совершило «путешествие» по всем судебным инстанциям от районного до Верховного Суда, в рассмотрении которого приняли участие более двадцати судей и два прокурора. Объем выданной судебной «продукции» и затратные государственные расходы на эту «продукцию» несоизмеримы с устанавливаемым фактом.

2. В степени издевательства над круглой сиротой военного времени, старым больным человеком-инвалидом в грубом нарушении конституционного права личности.

3. В общественном резонансе судебного дела, содержание которого прозвучало в докладе Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Валентина Сукало на Пленуме Верховного Суда, а затем было озвучено на всю страну и за ее пределы по Первой программе Белорусского радио. «Фрагменты» судебного дела Марии Жуковой были показаны на страницах газет «Республика» и «Белорусская деловая газета».

После протеста Верховного Суда Республики Беларусь на решение суда Московского района г. Минска от 2 сентября 1999 г. и определения судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда судебное дело Жуковой повторно рассмотрено 15–16 июня 2000 г. в суде Московского района г. Минска. При новом рассмотрении дела суд полно собрал и всесторонне исследовал по делу доказательства. В процессе рассмотрения данного дела судом

установлено, что запись о национальной принадлежности родителей Марии Жуковой в актовой записи о ее рождении отсутствует, а в свидетельстве о ее рождении национальность родителей указана произвольно. Соблюдая конституционные принципы, а также принимая во внимание показания свидетелей, суд решил удовлетворить жалобу Жуковой М.И. о восстановлении ее настоящей национальной принадлежности.

Однако теперь в противоправную акцию по делу заявительницы включился прокурор Московского района г. Минска В.Н. Жингаль, который требует продолжения судебной волокиты по этому делу на новом, третьем витке судебного разбирательства. Кассационный протест прокурора по судебному делу Жуковой М.И., требующий отмены решения суда Московского района от 15–16.06.2000 г., не базируется на законном основании. В тексте протеста много словесного балласта и общеизвестных прописных истин. Так, например, переписан пункт 1.9 общеизвестной инструкции, утвержденной Министерством юстиции Республики Беларусь 9 июня 1997 г. о порядке определения национальности гражданина Республики Беларусь. Содержание этой инструкции хорошо известно судье и заявительнице. Если бы заявительница имела сведения для восстановления своей национальной принадлежности, которые предусмотрены указанной инструкцией, то она оформила бы необходимые документы без суда.

Прокурор усматривает криминал в том, что в книге учета движения воспитанников детского дома № 3 за 1944–1947 годы в графе «национальность» заявительницы указана сокращенно (бел.), а впоследствии сделана дополнительная дописка – еврейка. Суть такой записи вполне объяснима.

Если бы администратор детского дома № 3, принявший воспитанницу тайным образом в детский дом во время фашистской оккупации Минска, записал в книге учета воспитанников ее истинную национальность, то вместе с воспитанницей он был бы отправлен нацистами в газовую камеру. А после изгнания фашистов из Минска тот же администратор, который хорошо знал фактическую национальность Марии Жуковой, одним и тем же почерком дописал ей в графе «национальность» – еврейка.

Неубедительно звучит утверждение прокурора о том, что невозможно установить, в какое время выполнена эта запись и временной интервал между выполненными записями «бел.» и «еврейка». Современная наука позволяет определять возраст предмета исследования не только в 50–100 лет. Теперь современными методами исследования определяют «возраст» исследуемого предмета в тысячу и более лет. Однако этого не требуется делать, поскольку хорошо видно, что запись «еврейка» сделана одной и той же рукой и одним и тем же пером (не шариковой ручкой) и одинаковым цветом чернил.

В кассационном протесте передергиваются факты из свидетельских показаний.

Свидетель А.Г. Шапиро давал по делу не прямые, а косвенные показания из рассказа своей покойной жены Юшкевич Анны Ивановны, еврейской национальности, которая в возрасте 15 лет знала Марию Жукову по совместному нахождению в детском доме № 3 под русскими именем и фамилией.

Свидетель А.И. Кондратина была воспитанницей детского дома № 3 и в возрасте десяти лет находилась в одной группе с Марией Жуковой. Поэтому заявительницу она хорошо знает. А.И. Кондратина дала суду личные свидетельские показания, а не только со слов своей матери Величко А.Н.

Прокурор противозаконно обвиняет суд в неустранении противоречий, имеющих в судебном деле Жуковой М.И. от 31 октября 1977 г., поскольку то дело двадцатитрехлетней давности не имеет никакого отношения к установлению ее национальной принадлежности. Документальные данные из архива Министерства обороны Российской Федерации от 7.09.1997 г. свидетельствуют, что ни Жуков Иосиф Николаевич, ни Жукова Ольга Никитична в армии не служили и по учету безвозвратных потерь не значатся.

Не соответствует доказательствам и указание в протесте о не извещении о времени и месте судебного заседания заинтересованных в исходе дела лиц. Отдел ЗАГС Московского района, как и Президент Белорусского общественного объединения евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей, извещались о времени и месте слушания дела, но, как и в предыдущие заседания, они не являлись в судебное заседание и не возражали против слушания дела в их отсутствие.

На основании вышеизложенного следует вывод, что кассационный протест прокурора Московского района г. Минска на решение суда Московского района от 15–16 июня 2000 г. не соответствует юридическим нормам и противоречит ст. 50 Конституции Республики Беларусь. Он направлен на продолжение затяжной и ненужной судебной волокиты, которая будет уже продолжаться третий год, на изматывание физических и моральных сил старых больных людей, переживших Холокост, как заявительницы, так и свидетелей. Эти свидетели уже вызывались в суд на пять судебных заседаний. В силу преклонного возраста круг фактических свидетелей по делу М.И. Жуковой сужается. Одни умирают, другие прикованы к постели, третьи – еврейской национальности – уже выехали за пределы Республики Беларусь, как, например, Черткова Лилия Ефимовна, которая выступала свидетелем заявительницы в суде 2 сентября 1999 г.

Кассационным протестом прокурор Московского района г. Минска в большей мере стремится заявить о себе, поскольку смело вступает в профессиональное противоборство с высшими должностными лицами Верховного Суда, вынесшими протест на судебное решение суда Московского района г. Минска и определение судебной коллегии Минского городского суда, и прокурором г. Минска, удовлетворившими протест Верховного Суда от 22.03.2000 г.

Кроме того, прокурор вступил в конфликт со ст. 50 Конституции Республики Беларусь, где сказано: «... каждый имеет право сохранять свою национальность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности».

ПРОШУ:

Протест прокурора Московского района г. Минска по делу № 2–1460/2000 г. оставить без удовлетворения, а решение суда от 15–16 июня 2000 г. Московского района – без изменения.

Представитель заявительницы, заместитель председателя правления Белорусского общественного объединения бывших узников фашизма «Лес»

В.П. Шакутин

Минск, 6 июля 2000 г.

Свидетельство

Я, гражданка Республики Беларусь, ВЕЛИЧКО Анна Николаевна, 1914 года рождения, проживающая по адресу: г. Минск, пр. Рокоссовского, 71, кв. 19, паспорт Ш-ВН № 714625, выданный ОВД Ленинского района г. Минска, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ, что знаю ЖУКОВУ Марию Иосифовну со времен немецкой оккупации, когда она в 1942 г. поступила в детский дом № 1 (№ 3) г. Минска, где я работала нянечкой с 1941 г.

Всю войну и после войны она находилась в нашем детском доме № 1 (№ 3) г. Минска. Была крещена. В 1948 г. она была переведена в детский дом № 12 г. Минска, как школьница.

Подпись *Величко Анна Николаевна*

Печать

Заверительная подпись начальника ЖЭС-51.

В дополнение к моим свидетельским показаниям на девочку ЖУКОВУ М.И. я не указала, что она еврейка, чтобы фашисты не отправили ее на комиссию по определению национальности и на уничтожение (в то время). А в настоящее время дополняю к своим показаниям, что она и есть еврейка.

подпись *Величко Анна Николаевна*

6 июля 2000 г.

Центрально- и Восточно-европейский фонд оставшихся в живых жертв Холокоста

Конференция по еврейским материалам в отношении Германии

Жукова Мария
Беларусь,
220116, г. Минск
ул. Голубева, 7-99
15.05.2002 г.

Уважаемая госпожа Жукова!

Рады Вам сообщить, что Ваше заявление в Центрально- и Восточно-европейский фонд оставшихся в живых жертв Холокоста рассмотрено положительно.

За Вами зарегистрировано ежемесячное пособие с июля 1998 г. Хотим обратить Ваше внимание, что мы осуществляем выплаты каждые 3 месяца.

Для того, чтобы мы могли найти Вас, просим не забывать незамедлительно сообщать нам о возможном изменении Вашего адреса с указанием Вашего регистрационного номера.

С дружеским приветом,
д-р. К. Брозик, С. Валканова

В судебную коллегия по гражданским делам Минского городского суда

ВОЗРАЖЕНИЯ

на кассационные жалобы отдела социальной защиты администрации Московского района г. Минска (предварительная от 11.12.2001 г., основная от 01.02.2002 г.)

на решение суда Московского района г. Минска по делу № 2–3829 от 11.12.2001 г.

Гражданское судебное дело Жуковой Марии Иосифовны по установлению факта, имеющего юридическое значение, не имеет аналогов в судебной практике не только в Минске, но и в нашей республике. Особенность его заключается в следующем.

1. Оно вытекает из далекого прошлого и тесно связано с кровавыми событиями шестидесятилетней давности, которые в детстве довелось пережить Марии Жуковой в период тотального уничтожения еврейского населения в Минском гетто.

2. В грубом нарушении Конституционных прав заявительницы, а по существу издевательствах над жертвой Холокоста, круглой сиротой военного времени, инвалидом, старой больной женщиной, родители и все близкие которой погибли в Минском гетто.

3. В том, что представитель администрации Московского района – начальник отдела социальной защиты, который по долгу службы обязан защищать права граждан, выступает в качестве обвинителя с целью ущемления гражданского права пострадавшей, он вмешивается в юридическую деятельность судьи.

А ведь статья 59 Конституции Республики Беларусь гласит, что «... государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности...».

Две кассационные жалобы отдела социальной защиты по судебному делу Жуковой М.И., в которых изложены «обоснования» просьбы об отмене решения суда Московского района от 11.12.2001 г., не базируются на законном основании. В них повторяется текст хорошо известного судье и заявительнице Положения «О порядке установления фактов и периодов нахождения граждан Республики Беларусь в местах принудительного содержания», утвержденного Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 5 мая 1995 г. № 241 и внесенных в него дополнений и изменений Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 1997 г. № 295.

Общеизвестно, что согласно Положению при установлении факта нахождения в местах принудительного содержания пострадавшему необходимо представить в комиссию по назначению пенсий не менее двух свидетелей по совместному нахождению в местах принудительного содержания, имеющих архивные документы (справки из КГБ, МВД и т.д.). А поскольку после тех трагических событий уже прошло более 60 лет, из числа узников Минского гетто, имеющих такие документы, в живых теперь почти никого и не осталось, поэтому заявительница не смогла представить комиссии по назначению

пенсий не менее двух свидетелей о совместном нахождении в гетто, имеющих архивные справки.

Следовательно, Мария Жукова была вынуждена в соответствии со ст. 353 ГПК Республики Беларусь обратиться с заявлением в суд для установления факта и периода своего нахождения в Минском гетто. А статус узника гетто заявителнице необходим для получения компенсационных выплат из Германского фонда «Память, ответственность и будущее» как жертве Холокоста.

О действительном нахождении М.И. Жуковой в Минском гетто свидетельствуют немало прямых и косвенных доказательств.

1. Заявительница является лицом еврейской национальности.

2. Она родилась в 1939 г. в г. Минске и имеются документальные подтверждения, что М.И. Жукова с начала немецкой оккупации и до освобождения находилась в Минске.

В июле 1941 г. гитлеровцы по распоряжению полевого коменданта всех без исключения граждан еврейской национальности, проживавших в Минске, бросили за колючую проволоку в гетто. Оттуда спецмашинами евреев систематически увозили в Тростенец для уничтожения. Улица Шорная, где жила семья Марии Жуковой, оказалась в самом центре гетто. Там Мария Жукова вместе с родителями жила до ноября 1942 г.

3. Документально установлено, что Жукова М.И. в ноябре 1942 г. тайным образом была доставлена из гетто в детский дом № 3 г. Минска. Справка из КГБ свидетельствует, что в детском доме № 3 под русскими фамилиями скрывалось более 50 процентов детей еврейской национальности, поступивших из гетто.

4. Документы свидетельствуют, что Жукова М.И. в раннем детстве осталась круглой сиротой, ее родители и все близкие погибли в гетто.

В связи с этим свидетельство о рождении она получила уже в возрасте 8 лет.

Прямые свидетельские показания о совместном нахождении в Минском гетто дали люди, хорошо знавшие семью Жуковой М.И. в довоенные годы:

1. Кантор Виктор Аскарлович, 1928 г.р.

2. Смирнова Вера Владимировна (Розенберг Вера Вульфовна), 1928 г.р.

3. Дикущин Анатолий Михайлович, 1929 г.р.

А эти свидетели как граждане достойны уважения. Они смогли вырваться из гетто в юном возрасте, а затем приняли участие в борьбе с фашизмом.

Следует отметить, что даже в германском законе по выплатам компенсаций из фонда «Память, ответственность и будущее» в разделе «Доказательство» сказано: «Подтверждение правдоподобности иной достоверной ИНФОРМАЦИИ означает, что после оценки фактов следует принимать во внимание то, что больше говорит в пользу показаний заявителей, чем против них».

Необходимо учесть, что заявителница уже является де-факто жертвой Холокоста. Она третий год состоит членом «Хэсэда-Рахамим» – еврейской организации, которая входит в состав Всемирной еврейской ассоциации.

В кассационных жалобах дважды повторяется, что судом нарушены нормы материального права. О каком нарушении материального права идет речь, если Мария Жукова уже 10 лет как имеет статус малолетнего узника? А судом от 11.12.2001 г. ей установлен статус узника гетто, чтобы за свои страдания во время Холокоста получить от Германии из фонда «Память, ответственность и будущее» компенсационные выплаты, несоизмеримые с физическими и моральными потерями.

Приведенные данные свидетельствуют, что жалобы начальника отдела соцзащиты с просьбой отмены решения суда от 11.12.2001 г. поданы не в интересах закона или государства.

На основании вышеизложенного следует вывод, что кассационные жалобы начальника отдела социальной защиты администрации Московского района г. Минска на решение суда от 11.12.2001 г. не соответствуют юридическим нормам и противоречат статьям 59 и 60 Конституции Республики Беларусь. Они направлены на продолжение затяжной и ненужной судебной волокиты, на изматывание физических и моральных сил старых больных людей, переживших ужасы Холокоста, как заявительницы, так и свидетелей. В силу преклонного возраста круг фактических свидетелей по делу Марии Жуковой каждый прожитый месяц сужается. Одни умирают, другие прикованы к постели, а третьи – еврейской национальности – уже выехали за пределы Республики Беларусь.

Кассационными жалобами начальник отдела социальной защиты Московского района г. Минска в большей мере стремится заявить о себе, амбициозно и смело вступая в противоборство с компетентным судом.

ПРОШУ:

Решение суда Московского района г. Минска от 11 декабря 2001 г. оставить без изменений, а кассационные жалобы начальника отдела социальной защиты администрации Московского района г. Минска по делу № 2-3829/2001 г. – без удовлетворения.

Представитель заявительницы,
заместитель председателя правления Белорусского
общественного объединения бывших узников фашизма «Лес»

В.П. Шакутин

Аффидевит

Я, нижеподписавшийся, КАНТОР ВИКТОР АСКАРОВИЧ, 1928 года рождения, проживающий в Республике Беларусь в г. Минске по улице Кузьмы Чорного, дом № 4-а, квартира № 12, носящий гражданство Республики Беларусь, настоящим свидетельствую:

ЖУКОВА МАРИЯ ИОСИФОВНА, 1939 года рождения также являлась узником Минского гетто в период с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г.

В июле 1941 г. гитлеровцы насильственно выселили мою семью из дома № 4 по улице Инвалидной и поселили в гетто в деревянном доме на улице Шорной. Я находился в гетто вместе с мамой Нехамой Вульфовой, сестрами: Екатериной, 1930 года рождения и Светланой, 1937 года рождения. В каждую квартиру деревянного дома немцы загнали по две-три еврейские семьи.

В этом же доме по соседству с нами находилась и семья ЖУКОВЫХ в составе четырех человек: отец – Иосиф, мать – Ольга, их трехлетняя дочь Мария и бабушка Хана. Отец Марии – Иосиф до войны работал в механическом цехе на заводе имени Ворошилова с моим старшим братом Григорием. Мать Марии – Ольга была хорошей портнихой, мои родители часто пользовались ее услугами.

Когда в гетто начались погромы, взрослые понимали, что, находясь в гетто, они обречены на явную смерть. Поэтому родители всеми возможными способами пытались спасти хотя бы детей. Малолеток передавали знакомым, сочувствующим минчанам, которые тайно определяли их в русские детские дома.

С целью спасения от гибели ребенка в ноябре 1942 г. ее матери Ольге удалось передать Марию своей знакомой для определения ее в детский дом. Вся семья Марии погибла в гетто в декабре 1942 г. По совету взрослых я совершил побег из гетто, и в январе 1943 г. оказался в детском доме № 3, который находился в Козырево (в районе Червенского рынка). Там я встретил и МАРИЮ ЖУКОВУ.

В 1992 г. во Дворце культуры тракторного завода проводился слет бывших воспитанников детских домов военного времени. Каждый из присутствующих давал о себе информацию. Поскольку мы были в одном детском доме № 3 с ЖУКОВОЙ, мы разговорились, обменялись воспоминаниями, адресами, телефонами. С тех пор поддерживаем связь друг с другом.

Одиннадцатое августа две тысячи четвертого года.

подпись

Аффидевит

Я, нижеподписавшаяся, СМИРНОВА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА, рожденная Розенберг Вера Вульфовна, 1928 года рождения, проживающая в г. Минске по улице Берута, дом 22, корпус 3, квартира 35, гражданство Республики Беларусь, настоящим свидетельствую, что:

Жукова Мария Иосифовна, 1939 года рождения во время Великой Отечественной войны находилась в Минском гетто. Я знала семью – это еврейская семья. Мать Жуковой Марии – Ольга была хорошей портнихой, у нее шила моя старшая сестра Блюма. Семья Жуковых жила в то время по улице Шорной, а мы на улице Коллекторной в г. Минске. Это совсем рядом.

Во время оккупации г. Минска эти улицы оказались на территории Минского гетто. Семья Марии и я находились в Минском гетто с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. В гетто гитлеровцы устраивали частые погромы и вывозили людей в Тростенец на расстрел. В ноябре 1942 г. мать Марии сумела передать свою дочь Марию тайным образом в «русский район», чтобы спасти от неминуемой гибели. А в декабре 1942 г. вся семья Жуковых погибла во время очередного погрома. Я находилась в гетто до 1943 г., затем совершила побег. Во время выполнения партизанского задания я была арестована и определена в концлагерь Освенцим.

Десятое августа две тысячи четвертого года.

подпись

Председателю Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало

Уважаемый Валентин Олегович!

Решением суда Московского района г. Минска от 11 декабря 2001 г. (дело № 2–3829/2001 и от 15 августа 2002 г.) на законном основании установлен факт и период нахождения Жуковой Марии Иосифовны в Минском гетто с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. Однако судебная коллегия по гражданским делам Минского городского суда эти оба положительных решения отменила.

Полагаем, что Коллегия при отмене судебных решений руководствовалась не законом, а только лишь кассационной жалобой управления соцзащиты администрации Московского района, в которой приведены выкладки из

Положения «О порядке установления фактов и периодов нахождения граждан Республики Беларусь в местах принудительного содержания, созданных фашистами в годы Второй мировой войны». А ведь это Положение – не закон. Оно предназначено в качестве инструкции только для комиссий по назначению пенсий, которым предоставлено право не в судебном, а в административном порядке устанавливать факт нахождения гражданина в местах принудительного содержания только лишь при одном условии: если он сможет представить не менее двух свидетелей о совместном нахождении в таких местах, у которых имеются архивные документы.

В кассационной жалобе Управления соцзащиты сказано, что факт и период нахождения М.И. Жуковой в Минском гетто подтвержден показаниями единственного свидетеля В.А. Кантора, имеющего архивный документ о совместном пребывании в гетто. Для комиссии по назначению пенсий с формальной стороны рассматриваемого вопроса отказ об установлении факта нахождения в гетто обоснован. Если бы у М.И. Жуковой после 60 лет со дня трагедии был второй свидетель с архивным документом, отпала бы необходимость обращения в суд. Поэтому на основании ст. 91 ГПК Республики Беларусь она обратилась в суд для установления факта, имеющего юридическое значение, который по закону может установить только лишь суд, представила второго свидетеля о совместном нахождении в гетто Смирнову Веру Владимировну (Розенберг Веру Вульфовну), у которой имеется удостоверение № 061236 узника Минского гетто. Факт нахождения В.В. Смирновой в гетто установлен судом. Судом был допрошен и третий свидетель А.М. Дикущин. Следовательно, отмена судебной коллегией решений суда Московского района г. Минска не основана на законе, противоречит смыслу и букве Гражданского Процессуального Кодекса, поскольку согласно ст. 91 ГПК «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела».

При рассмотрении надзорной жалобы М.И. Жуковой в Верховном Суде просим Вас учесть и биографические данные, свидетельствующие о личности пострадавшей: что М.И. Жукова является жертвой Холокоста как лицо еврейской национальности. Она родилась в 1939 г. в г. Минске и находилась в этом же городе до его освобождения от гитлеровцев. Улица Шорная, на которой проживала ее семья, оказалась в самом центре гетто, куда гитлеровцы согнали всех без исключения минских евреев. Она осталась круглой сиротой в возрасте около 3 лет, поскольку родителей и всех ее родственников фашисты уничтожили в гетто. Документально установлено, что Мария Жукова была тайным образом доставлена из гетто в детский дом № 3 в ноябре 1942 г. Есть документы, что М.И. Жукова Германией признана узником Минского гетто.

Минское городское общественное объединение бывших несовершеннолетних узников фашизма просит Вас внимательно рассмотреть дело М.И. Жуковой, учесть все обстоятельства ее трагической судьбы, отменить определение судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда от 14 октября 2002 г., вынесенное, на наш взгляд, по чисто формальным причинам, и оставить в силе положительные решения суда Московского района от 11 декабря 2001 г. и от 15 августа 2002 г. и тем самым покончить с трехлетней судебной волокитой.

Председатель Минского городского
общественного объединения бывших
несовершеннолетних узников фашизма

И.И. Саченко

**Председателю Верховного Суда
Республики Беларусь В.О. Сукало**

Уважаемый Валентин Олегович!

ЖУКОВА Мария Иосифовна является малолетней узницей фашизма.

Решением суда Московского района г. Минска от 15–16.06.2000 г. (дело № 2–1460/2000) было установлено, что по национальности она является еврейкой.

Решениями суда Московского района г. Минска от 11.12.2001 г. (дело № 2–3829/2001) и от 15 августа 2002 г. был установлен факт ее пребывания в Минском гетто с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г., однако оба эти решения были отменены Минским городским судом.

При рассмотрении ее заявления в Верховном Суде просим Вас учесть следующее.

В начале войны М.И. ЖУКОВОЙ было два года, своих родителей и подробностей своего места нахождения она, естественно, не помнит. Единственными средствами установления этих фактов являются показания свидетелей и материалы детского дома № 3, куда она была подброшена тайным образом из гетто, оставшись круглой сиротой.

Решением организации по предъявлению претензий к Германии (Клайм Конференс) она признана малолетней узницей гетто.

Решением Германского фонда «Память, ответственность и будущее» она также признана малолетней узницей гетто.

Обе эти международные организации приняли решения о выплате ей соответствующей помощи через Белорусский республиканский фонд «Взаимопонимание и примирение».

Белорусское республиканское общественное объединение евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей убедительно просит Вас при рассмотрении дела М.И. ЖУКОВОЙ учесть все эти обстоятельства и тем самым положить конец затянувшемуся недоразумению.

С уважением,
Председатель Белорусского общественного
объединения евреев – бывших узников гетто
и нацистских концлагерей

М.А. Трейстер

Возвращение национальности Марии Жуковой

ПАСВЕДЧАННЕ АБ НАРАДЖЭННІ

Грамадзянін (ка) **ЖУКАВА** прошвільна
МАРІЯ ІОСИФАўНА уласнае імя, імя па бацьку
 нарадзіўся (лася) **3 МАЯ 1939 ГОДА** чысло, месяц, год
ТЫСЯЧА ДЗЕВЯЬСЬОТ ТРЫЦЯЦЬ ДЗЕВЯТАГА (літэрамі і гэтамі)

Месца нараджэння: горад, вёска **МІНСК**

раён _____
 вобласць, край _____
 рэспубліка **БЕЛАРУСЬ**

аб чым у кнізе рэгістрацыі актаў аб нараджэнні
 1947 года **КАСТРЫЧЫКА** месяца **31** чысла

зроблен запіс за № **508**

БАЦЬКІ
 Бацька **ЖУКАў** прошвільна
ІОСИФ МІКАЛАЕВІЧ уласнае імя, імя па бацьку
 Грамадзянін (нацыянальнасць) **Яўрэў**

Маш **ЖУКАВА** прошвільна
ВОЛЬГА МІКІТАўНА уласнае імя, імя па бацьку
 Грамадзянка (нацыянальнасць) **Яўрэўка**

Месца рэгістрацыі **АДДЕЛ ЗАГС АДМІНІСТРАЦЫ** назва
ВОЛЫКАГА Р-на Г. МІНСКА назва аддзела рэгістрацыі, раён/г. Мінск
ЛІСТАПАДА **2000** г.
 Загладж аддзела запісу актаў грамадзянскага стану
ВН № 0173292

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гражданин (ка) **ЖУКОВА** фамилия
МАРИЯ ИОСИФОВНА собственное имя, отчество
 родился (лась) **3 МАЯ 1939 ГОДА** число, месяц, год
ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИЦАТЬ ДЕВЯТОГО (буквами и прописью)

Место рождения: город, селенно **МИНСК**

район _____
 область, край _____
 республика **БЕЛАРУСЬ**

о чем в книге регистрации актов о рождении
 1947 года **ОКТАБРЯ** месяца **31** числа

произведена запись за № **508**

РОДИТЕЛИ
 Отец **ЖУКОВ** фамилия
ИОСИФ НИКОЛАЕВИЧ собственное имя, отчество
 Гражданин (национальность) **ЕВРЕЙ**

Мать **ЖУКОВА** фамилия
ОЛЬГА НИКИТИЧНА собственное имя, отчество
 Гражданка (национальность) **ЕВРЕЙКА**

Месца рэгістрацыі **ОТДЕЛ ЗАГС АДМІНІСТРАЦЫ** назва
Р-на Г. МІНСКА назва аддзела рэгістрацыі, раён/г. Мінск
НОВЯБРА **2000** г.
 Завядушыі аддзела запісу актаў грамадзянскага становішча
ВН № 0173292

Свидетельство о рождении Марии Иосифовны Жуковой.

Минск, 2000.

Республика Беларусь
 Ассоциация евреев — бывших узников гетто
 и нацистских концлагерей

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 612

 Жукова
 Фамилия **Жукова**
 Имя **Мария**
 Отчество **Иосифовна**
 Личная подпись **М. Жуковой**

Фашизм не пройдет!

Предъявитель настоящего удостоверения
 с **1941** г.
 по **ноябрь** 1942 г.
 являлся членом **Минского гетто**

Дата выдачи **16 декабря 2011** г.
 и. п. **И. П.** Председатель
 ассоциации

Удостоверение Марии Жуковой – узницы Минского гетто. 2011

Диалог времени и жизни

Одна ли я прошла такой путь? Одна ли страдала в этой жизни? Ведь со мной были мои близкие. Вы, мои братья и сестры, вы, мои друзья и товарищи. Это целая книга надежд, желаний, но в которых больше печали и страданий. Тут и те, кто, заинтересовавшись военным прошлым, без страха

смотрят в будущее. Есть ли будущее, есть ли ответы на такие сложные темы, когда мир стал другим?

РАЗДЕЛ 4. СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Мария Жукова – не только о себе

... Я находилась в детском доме № 3, когда наступил день освобождения. Этот день в подробностях я не помню, так как нас, детей, за пределы детского дома № 3 не выпускали, а радио и тем более телевизоров в то время не было. Не было и других средств массовой информации. Не помню, чтобы сотрудники детского дома нам об этом говорили, поэтому день освобождения для нас остался обыденным и в памяти не сохранился.

В детском доме № 3 вместе со мной были воспитанники: Кантор Виктор Аскарлович, Дикушин Анатолий Михайлович, Печкова Евгения Яковлевна, Черткова Лилия Ефимовна, Черноглазов Владимир Николаевич и много других (все узники гетто); Юшкевич Анна Ивановна (из детского дома № 3 была угнана в Германию, находилась в Минском гетто); Баранов Владимир Степанович (из детского дома № 3 был отправлен в изолятор на ул. Базарная, а оттуда в детский дом № 7 – и в Германию), Фальковская (Рябушко) Галина (Нина) Петровна – круглая сирота, вся ее семья замучена в фашистских застенках за связь с партизанами при исполнении задания в октябре 1943 г. и др.

В детском доме № 3 я закончила два класса средней школы № 29 г. Минска, а 1 июня 1948 г. была переведена в специальный детский дом № 12 г. Минска (ул. Грушевская, 65) для детей, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны. Поскольку большая часть детей была переведена из детского дома № 3 в спецдетдом № 12, поэтому мы хорошо друг друга знали и многих я помню до сих пор.

В детском доме № 12 вначале был директором у нас Дерех Анатолий Александрович – очень хороший человек, к нам, воспитанникам, относился

доброжелательно. В группах у мальчиков воспитателями были Петр Гаврилович Кравченко и Сергей Федорович Ларин, в группах у девочек – Зинаида Степановна Рунцо и Анна Филипповна (фамилию ее я забыла). Позже была Анастасия Николаевна Душкина.

После Дереха Анатолия Александровича у нас директором была женщина (к сожалению, я забыла, как ее звали)...

В сентябре 1948 г. я пошла в третий класс средней школы № 3 (недалеко от детского дома). В школе я училась хорошо, особенно мне давались языки (русский, белорусский, английский) и литература. По этим предметам у меня всегда были только отличные оценки, по другим – хорошие. Ко мне девочки постоянно обращались за помощью по всем языкам, даже воспитатели посылали ко мне: «Жукова Мария очень хорошо знает языки, идите к ней, она вам поможет». И часто подходили, я помогала всем, кто ко мне обращался. А по математике воспитатели направляли за помощью к Тамаре Тупициной, которая хорошо владела математикой... Очень я любила учительницу английского языка Шполянскую Валентину Александровну, которая отвечала мне взаимностью, и я часто бывала у нее дома. Она ко мне относилась как к родной дочери, хотя у нее был свой сын. Любили меня учителя по белорусскому языку и литературе, а также по русскому языку и литературе. Белорусский язык и литературу у нас преподавала Мария Николаевна Душкина – родная сестра нашей воспитательницы Анастасии Николаевны Душкиной. Преподавала она очень интересно, ученики ее любили и имели высокие оценки по ее предметам... Когда в школу приходила какая-нибудь комиссия, вызывали по языкам в первую очередь меня. Учительница по математике Инесса Иосифовна Башнева тоже хорошо относилась ко мне, да и к другим ученикам... Были у нас в классе и в школе детдомовцы-отличники, среди них я помню двух родных сестер Тупициных Тому и Люду, Борискевич Лиду. В июне 1954 г. я закончила семь классов.

Я хорошо помню, когда умер Сталин. Это случилось 5 марта 1953 г. Рано утром, когда мы еще спали (было где-то 5.30 или 6.00 утра), прибегают к нам в спальню Сашка Демидов, негр из нашего детского дома № 12, включил электросвет и громко закричал: «Девки, вставайте, ваш «батька» умер». Все стали плакать, причитать: «А что теперь с нами будет?». Так мы узнали от него о смерти Сталина. В этот день и еще день-два мы стояли в вестибюле у бюста Сталина по 15–20 минут, а затем менялись (была очередность), и это было «престижно», стояли с поднятой правой рукой (салют), не шевелясь и не шелохнувшись, по стойке «смирно».

Кстати, Саша Демидов был очень веселым и смешным парнем, безумно любил голубей и все свое свободное время он проводил на голубятне...

В детском доме № 12 жизнь была, как мне кажется, скучной и однообразной: школа – детский дом, детский дом – школа. Правда, над нашим детским домом шефствовал Белполк, который находился недалеко от детского дома: солдаты и их командиры привозили нам по выходным и праздникам кинофильмы, а к Новому году – сладкие подарки.

Был у нас в детском доме № 12 и музыкальный руководитель Михаил Михайлович Шумилин. Он организовал хор, учил нас петь, и мы выступали на праздниках в детском доме...

Но чаще всего мы пели грустные сиротские песни и плакали. И была такая тоска, что жутко было: так хотелось, чтобы кто-нибудь из родных или близких нашелся и забрал к себе:

*«Ох ты, мать, моя родная,
Зачем на свет ты родила?
Судьбой несчастной наградила –
«Костюм детдомовский» дала.
«Костюм детдома» презирают.
Нигде прохода не дают.
И только слышно укоряют:
«А вот детдомовцы идут» ...
Или: ...
«Как умру, как умру я,
Похоронят меня,
и родные не узнают,
Где могила моя» ...*

И много других сиротских песен – мы помнили и пели ...

В детском доме № 12, как и в детском доме № 3, нас кормили. В школе нас не кормили, потому что нам с собой еды не давали, а денег, чтобы что-нибудь купить, ни у кого не было. Мы очень завидовали родительским детям, которые приносили с собой в школу завтраки и ели на переменах. Нам было больно на это смотреть. В возрасте 12 лет, а то и раньше, я обращалась к медикам детского дома № 12, что мне часто болит живот и ноги, а мне говорили: «Все дети, как дети, а ты вечно притворяешься, не хочешь ходить в школу», а у меня в это время, как чуть позже выяснилось, уже давно был гастрит, но мы никому не были нужны, зачем нас было лечить? Проще сказать, что я притворяюсь, не хочу ходить в школу, чем заняться моим обследованием. Если были бы родители или родственники, то они обратили бы внимание на жалобы подростка и вовремя привели к врачу, но мы были «ничейные». Сколько я себя помню, в школе я была освобождена от уроков физкультуры по состоянию здоровья...

В начале июня 1954 г. меня и еще трех девочек (Лариса Ульянова, Рита Муравьева, Тома Савчик) в возрасте 15 лет отправили в г. Асбест Свердловской области в училище учиться на токаря. Девочки прошли медкомиссию и там остались (дальнейшая их судьба мне неизвестна, возможно, они потом разъехались кто куда, возможно, кто-то из них вернулся в Минск), а меня отправили обратно в Минск (я не прошла медкомиссию по состоянию здоровья).

Возвратившись в Минск, я пошла в ГорОНО над детскими домами (девять сирот было просто некуда) и меня определили в специальный детский дом № 8, где также содержались дети-сироты, родители которых тоже погибли в годы Великой Отечественной войны. Он находился на улице Комсомольской, 21 (во дворе ГУМа). Директором детского дома была Валентина Павловна Александровская, а воспитателями в моей группе были Ефим Яковлевич Табачник и Мария Тимофеевна Одинцова. Из детского дома № 8 нас в возрасте 15 лет отправили «на свой хлеб», считая переростками, поэтому большинство из нас отправляли кого в училище, кого в ФЗО, кого учениками на какую-нибудь работу. В детском доме № 8 я находилась до начала сентября 1954 г. (то есть около трех месяцев). В начале сентября 1954 г. меня и еще несколько девочек (Валя Агейчик, Рая Андрончик, Лиза Химинец, Галя Козлинская,

Тома Садкевич) отправили в Ждановичи, что под Минском, учиться на портних. Через несколько дней в сентябре этого же года я попала в областную больницу с язвенной болезнью 12-перстной кишки почти на четыре месяца. После выхода из больницы я вернулась в швейную мастерскую в Ждановичи, получила третий разряд портнихи и проработала там до 1958 г. Ученических денег, а потом и зарплаты мне не хватало, поэтому я часто приезжала в детский дом № 8 и директор детского дома Александровская Валентина Павловна давала мне помощь продуктами питания, которыми я делилась с девочками. За помощью мы к ней обращались часто: нам не хватало денег не только на продукты питания, но и на лекарство и одежду. В швейной мастерской мы шили рабочую одежду: комбинезоны, ватные телогрейки, халаты, рабочие рукавицы. В 1958 г. я начала терять зрение и мне врачи запретили работать портнихой. Я вернулась в г. Минск.

В 1959–1960 гг. я окончила 9-месячные курсы машинописи при Минском окружном Доме офицеров. Еще учась на курсах машинописи в начале 1960 г., а курсы я закончила в мае, райвоенком Ленинского райвоенкомата принял меня на работу машинисткой, и в сентябре 1961 г. я пошла учиться в восьмой класс вечерней школы № 42 (на ул. Комсомольской, напротив клуба Дзержинского). В 1964 г. закончила 10 классов и получила аттестат. Дальше учиться не смогла, потому что было очень тяжело совмещать работу с учебой, не было средств на покупку книг, надо было зарабатывать на жизнь и было много других проблем. О ВУЗе я могла только мечтать.

Огромную роль в моей судьбе сыграли сотрудники Ленинского райвоенкомата, которые окружили меня вниманием, теплотой и заботой, особенно райвоенком Ленинского райвоенкомата Герой Советского Союза подполковник Сахненко Михаил Сидорович и начальник 3-го отдела подполковник Трисветов Федор Николаевич. Они помогли мне с общежитием, пропиской и материально, а потом добились для меня проживания в общежитии на льготных условиях (общежитие строителей на улице Красная, 13), а затем добились для меня однокомнатную квартиру, но по неопытности и по незнанию, по молодости, что я привыкла жить в коллективе (сказались детские дома), я расплакалась и попросила квартиру с кем-нибудь. Мне некому было подсказать, а сама в то время не догадалась, какую непоправимую ошибку я совершила, ведь можно было взять девочку на квартиру, а я это в свое время не сообразила, и мне выделили комнату в 9,96 квадратных метров с хроническими алкоголиками на общей кухне, как потом выяснилось. Как они надо мной издевались, сколько я от них страдала, а позже и со своей семьей! Они сломали мне ребра, я несколько раз с ними судилась. ... Я в таких условиях промучилась 16 лет, затем директор детского дома № 8 Александровская Валентина Павловна и Совет детских домов, куда я обратилась за помощью, помогли мне получить двухкомнатную квартиру на семью из трех человек, как круглой сироте, потерявшей родителей и всех родственников в годы Великой Отечественной войны. Очень помог мне тогда в квартирном вопросе и председатель Фрунзенского райисполкома г. Минска Матусевич (имя и отчество его не помню), сказав: «Поддай, дочка, в суд, чтобы тебе присудили, что ты являешься круглой сиротой (у меня кроме справки из детского дома ничего не было), и мы поможем тебе с квартирой. Нам все равно, когда, где и при каких обстоятельствах они погибли, лишь бы в годы Великой Отечественной войны.

Я всю свою жизнь благодарна этому человеку, а также директору детского дома № 8 Александровской Валентине Павловне, директору детского дома № 3 Куприяновой Клавдии Александровне, воспитаннице детского дома № 8 Шупене Зинаиде Илларионовне, которые были на суде, а также всему Совету детского дома № 8 за оказанную мне помощь в получении квартиры. Сколько мне тогда пришлось выдержать и пережить, чего я только не наслушалась?! Сколько я потратила здоровья, нервов, времени и сил! Только я знаю, чего мне это стоило! Я после этого всего еще больше заболела, стала инвалидом с 1980 г.

Я проработала в Ленинском райвоенкомате с 1960 по 1965 г., затем переводом направили на повышение в войсковую часть 51886. С 1965 по 1970 г. я проработала в войсковой части. Очень чутко, заботливо и внимательно ко мне относились командир войсковой части 51886 полковник Милош Василий Григорьевич и мой непосредственный начальник майор Подчасов Иван Федосеевич. Я им благодарна за человеческое и доброе отношение ко мне.

С 1970 по 1994 г. я работала на заводе «Калибр» в отделе технической документации машинисткой 1-й категории. Неоднократно моя фотография вывешивалась на Доску почета. Систематически я награждалась грамотами и денежными премиями. Принимала активное участие в общественной жизни завода: с 1979 по 1983 г. являлась народным заседателем в суде Советского района г. Минска, длительное время являлась дружинником, участвовала в художественной самодеятельности и т.д. В 1994 г. с завода «Калибр» ушла на пенсию по возрасту и состоянию здоровья.

Имею нагрудный знак «Ударник коммунистического труда». Награждена медалями «Ветеран труда» в 1984 г., «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – в 1995 г., «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – в 2005 г., нагрудным знаком «Узнику нацизма 1945–2005 гг.» – в 2005 г., «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – в 2010 г.

Замужем за очень добрым человеком и прекрасным семьянином, имеем дочь – артистку балета и народных танцев, преподавателя хореографии, которая закончила режиссерское отделение Минского училища искусств в 1991 г. и Минский государственный университет культуры в 1996 г.

Мария Иосифовна Жукова
6 августа 2007 г., дополн. 2010 г.

Выступление по радио и телевидению на первой Всесоюзной встрече бывших воспитанников детских домов и школ-интернатов, состоявшейся с 1 по 5 августа 1990 г. в г. Днепропетровске

ДОРОГИЕ БРАТЯ И СЕСТРЫ!

Вот вышла на трибуну, так о многом хочется сказать – и ... перехватило вдруг дыхание. Словно кадры из далекого фильма-хроники пронеслась и вся моя жизнь. Круглая сирота в три года. Родители погибли в Минском гетто, а я не то что не могла запомнить их лица, образ, не остались в памяти даже имена. Новое имя, отчество, день рождения получила уже в детских домах. Там почти все дети получили отчество Иосифович или Иосифовна, потому что

мы все, нам внушали, дети Сталина. Так и живу. И все время мучаюсь, может живы еще мои родители, может, были у меня брат или сестра. Как найти их?

Помню страх бомбежек, вид фашистов, постоянное чувство голода. Работники детского дома по-матерински заботились о нас. Еще никогда не забуду – было мне уже около 4-х лет – как я несла глиняную миску с похлебкой и случайно уронила ее. Разбилась. За эту провинность была сильно избита фашистами и долго находилась в больнице. Фашисты зверствовали. Две грузовые машины с детьми они увезли в Германию, где, по рассказам воспитателей, брали кровь для своих солдат. Нужны были поставщики крови... Нас тоже готовили погрузить в машины и вывезти в Германию, но не успели: услышав грохот наших танков, сбежали. Мы были спасены. Вспоминать обо всем тяжело и больно...

Я не знаю, как сложилась судьба у вас, сидящих в зале, но для меня была хуже мачехи порой: еле сводила концы с концами, свыше шести лет, имея на руках все документы на право первоочередного предоставления жилья, получала отказы в официальных кабинетах, голодала; свыше 20 лет работаю на заводе, не чувствуя никакого понимания и хотя бы элементарной заботы и внимания со стороны администрации цеха и завода. Грустно... Мне кажется, только тот, кто испил чашу сиротства, кто хотя бы душой прикоснулся к сиротским судьбам, сможет понять меня, всех нас...

Поверьте, только за последние два года я буквально воскресла душой благодаря Детскому фонду. При Белорусском республиканском отделении Советского детского фонда им. В.И. Ленина созданы и действуют не на словах общественные советы – бывших воспитанников школ-интернатов и детских домов и «Дети войны». Я – член совета «Дети войны», с удовольствием участвую во всех мероприятиях и акциях Детского фонда. Для сегодняшних воспитанников детдомов, выпускников делается очень многое: и помощь материальная и в приобретении одежды, мебели оказывается, и с путевками в дома отдыха и санатории помогают, и при поступлении в техникумы, институты чувствуется поддержка. Республиканским отделением учреждены 15 поощрительных стипендий для сирот, обучающихся в институтах, техникумах и профтехучилищах, вручаются они два раза в год в очень торжественной обстановке. Совместно с Министерством народного образования республики Детский фонд издает специальные памятки с перечнем всех льгот, которые предоставлены государством выпускникам школ-интернатов и детдомов. Это, я считаю, огромное дело...

Благодаря Детскому фонду наконец-то восстановлена социальная справедливость по отношению к бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей – Советом Министров СССР принято Постановление о предоставлении льгот этой, обиженной судьбой, категории людей. Очень хотелось бы, чтобы вспомнили и про нас – поколение сирот-детдомовцев военных и послевоенных лет. Чтобы мы хоть на старости лет почувствовали наконец о себе заботу, мы заслужили это. И хорошо бы, если бы на нашей сегодняшней встрече было принято обращение к правительству страны.

И еще. Взрослый детский дом – такая организация при Детском фонде должна стать Всесоюзной, избрать свое правление, объединить усилия активистов на местах. Может, удастся нам периодически издавать и свою печатную газету или бюллетень с подробнейшей информацией о делах, публиковать письма тех, кто ищет своих родных и близких...

С интересом выслушаю предложения и пожелания всех выступающих, уверена, что сообща нам многое будет под силу. Главное, чтобы эта встреча не прошла бесследно, осталась в сердцах, положила начало больших совместных дел.

Спасибо за внимание.

Может, в зале есть бывшие воспитанники детских домов г. Минска? Отзовитесь!

Есть ли бывшие воспитанники Адампольского детского дома Гродненской области? Они приглашаются на встречу.

*Жукова М.И., член совета «Дети войны»
Белорусского отделения СДФ им. В.И. Ленина,
бывшая воспитанница детских домов № 3, 8, 12 г. Минска*

Жила ожиданием, что я их встречу...

До сих пор нахожусь под впечатлением республиканского слета «Дети войны», который проходил в Минске 5–6 января этого года. Не забыть воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей, седых уже детей-инвалидов войны, воспитанников детских домов военного времени. А что могла рассказать из пережитого бывшая детдомовка-сирота, которой к началу войны исполнилось всего-то два с половиной года?..

Родилась я по документам в первой половине 1939 г. в Минске. Во время войны (в ноябре 1942 г.) попала в минский детский дом № 3. Некоторым детям воспитатели по возможности умышленно изменяли анкетные данные, стараясь уберечь от фашистов лиц еврейской национальности. А многие дети не помнили своих фамилий, отчеств, точной даты рождения...

Воспитатели наши обменивали свои вещи на продукты, чтобы не дать нам умереть с голоду. Часто в детском доме появлялись фашисты. Нас били, брали кровь... Помню еще, года четыре мне было, дали миску глиняную с похлебкой к столу нести, а я ее уронила. Избили так сильно, что попала в больницу... Две грузовые машины с детьми из детского дома фашисты отправили в Германию – требовались поставщики крови для германских солдат. Однажды нас тоже стали спешно грузить в машины, но вывезти не успели. В послевоенные годы в свидетельства о рождении почти всем воспитанникам записывалось отчество «Иосифович» или «Иосифовна». «Вы дети Сталина», – говорили нам.

В детские дома в то время документы о гибели родителей и родственников не поступали, нет этих документов и в архиве Министерства обороны СССР. К тому же, как мне сообщили в архиве Октябрьской революции, около 3,5 миллиона архивных документов погибло в огне, вывезено за пределы республики, не сохранилось. Разыскивают люди своих детей, родных, а найти не могут...

Я всегда ждала и верила в чудо, что мои родители или родственники найдут меня или я их отыщу. Но как было искать, если очень много о себе в силу сложившихся обстоятельств до сих пор не знаю?

Прошло уже почти полвека – мы, бывшие детдомовцы военного и послевоенного времени, дети войны – давно сами родители, а многие и бабушки-дедушки. Но невозможно передать словами, что творится у каждого из нас

на душе, когда мы читаем, что кто-то нашел своих родных и близких спустя многие годы после войны, теплится надежда, а вдруг и у меня есть на свете родная душа, которая ищет меня.

Может, стоит в центральных и республиканских газетах почаще публиковать сохранившиеся фотографии воспитанников военных и послевоенных детских домов, а также краткие данные о каждом из нас? Это поможет в поиске близких. Пусть откликнутся обездоленные люди, у которых война отняла родителей, детство, здоровье.

Жукова М.И. Живу надеждой... // Знамя юности. 12 июня 1990. С. 3.

Долгожданные встречи бывших воспитанников детдома № 3

И вот встреча. Для многих первая через почти полвека. Некоторые пришли с дочерьми, сыновьями. Их юные лица помогали собравшимся вспомнить матерей или отцов, которые в войну были детьми.

В сорок первом многим, попавшим в детдом, было от роду год, два, три... У одних родителей убили, у других они были в гетто, а детишек сюда привели соседи, знакомые, у третьих... В общем, судьбы попавших сюда малышей начинались достаточно трагично.

Большинство собравшихся на встречу не помнили друг друга, но постоянно слышалось: Анечка, Машенька, Боречка. Так, как называют самых маленьких, и, как помнится, обращались воспитатели к ним. С трудом вспоминая друг друга, многие при этом отчетливо, в деталях, помнили самые разные события, произошедшие с ними в войну. Как, например, во время бомбежки они с воспитательницей прятались в овощехранилище. Зашедший туда фашист кого-то упорно искал, заставлял воспитательницу выйти наружу, а когда она отказалась, убил. Этот страшный эпизод навсегда запомнили даже те, кому было тогда по три года.

Во время оккупации Минска в детдоме появились женщины-немки. С детьми обращались жестко: за непослушание били линейкой, ставили на горюх, заставляя сначала раздеться и призывая остальных малышей посмеяться над наготой провинившихся. В минуты хорошего настроения они учили ребятешек языку и говорили им добрые слова о фюрере. В головках тех, естественно, был полный хаос. И когда накануне освобождения Минска поздно вечером в детдом пришел партизан и спросил: «За кого вы, дети, – за Сталина или за Гитлера?» – детдомовцы ответили молчанием. Наконец, маленький Ким робко произнес: «Я за Гитлера». И опять наступила тишина. Вдруг послышался голос маленькой Раечки Ивановой: «А я за Иосифа Сталина». Партизан взял ее на руки и произнес: «Молодец, ты смелая девочка!»

Помнили и другое.

– Когда фашистам понадобилась кровь для своих раненых, они решили взять ее у детдомовцев, – рассказывает Леонид Химинец, который в детдом попал в первые дни войны вместе с младшей сестренкой. – Подогнав машину, фашисты посадили туда детей, дали им конфет, а сами отправились пообедать. За это время некоторых ребят, в том числе и мою сестру, с помощью жителей окрестных домов с машины удалось снять. Остальных увезли.

Весной дети собирали на полях мерзлую картошку, ловили птиц и все это пекли на костре в банках. Когда оккупанты при отступлении сожгли конюшню, ходили туда за полусгоревшим конским мясом.

Среди столь тягостных воспоминаний были и светлые, связанные с работниками детдома, которые, как могли, выхаживали, обстирывали, обшивали ребятишек. Одна из сотрудниц – Анна Николаевна Величко – трудится в детдоме и сейчас. Многие с той поры помнили ласковую, заботливую тетю Аню, которая постоянно забирала то одних, то других ребят к себе домой на выходные.

Все работавшие в детдоме отличались благородством и мужеством, вспоминали на встрече бывшие воспитанники. Одна треть маленьких питомцев были евреи и попасть сюда для них означало выжить. Пытаясь скрыть от фашистов национальность малышей, сотрудники детдома давали им новые имена и фамилии, красили детишкам волосы, учили, что надо говорить, когда фашисты принуждали проходить осмотры в комиссии по определению национальности.

Пришли на помощь еврейским детям также минские подпольщики, которые организовали крещение всех малышей с выдачей в церкви об этом справки на каждого ребенка. У маленьких сирот к их большой радости появились крестные мамы – местные жительницы, которые стали приносить гостинцы. А в 1942 г. большое число ребятишек взяли на воспитание жители близлежащих к Минску деревень.

Но спасение еврейских малышей начиналось еще до детдома. Скольким из них сохранил жизнь работавший в горуправе в отделе просвещения инспектором детских домов Василий Орлов, который перед направлением в детдом, заводя документы на каждого ребенка, писал – происхождение славянское.

Обо всем этом вспоминали на встрече Борис Озерский и Анна Гуревич, бывшие до 42-го года в гетто, а затем попавшие в детдом и потому спасшиеся, и многие другие.

Борису и Анне повезло: их матери чудом остались живы и после войны встретились с детьми. Но такое счастье выпало немногим. Часть детей со временем усыновили. Кстати, расставаясь со счастливыми, остальные малыши им вслед плакали. Для большинства же долгие годы родным оставался детский дом.

Встреча бывших воспитанников каждому навеяла воспоминания. Многие с волнением рассматривали сохранившиеся с военных лет архивы детдома. Виталий Русецкий, например, нашел в них написанное после войны его матерью заявление о том, что она забирает его здоровым.

Кто-то узнал себя на первых послевоенных фотографиях. А Галина Фальковская, разглядывая их, не сумела сдержать улыбки, когда вдруг увидела на фото свою любимую куклу, так поразившую когда-то детское воображение. Уже после войны детдом горел. Детей срочно вывели. Пожарники приехали с собакой, которая к огромной радости девочек и вынесла из горящего здания эту самую куклу. Совсем как в известном рассказе.

... Сегодня детдом № 3 находится на улице Рафиева. В золотистых, сиреневых, розовых тонах – залы, коридоры. Аквариумы и клетки с птицами. Шелковые покрывала на детских кроватках и оригинальные коврики на полу. А игровые комнаты, обставленные кукольной мебелью, – каждая

из них оформлена по-своему – могут поразить воображение ребенка из самой обеспеченной семьи. Есть фитобар и этнографический уголок «Беларуская хатка». Всю эту красоту создали сотрудники, которые работают здесь десятилетиями, вкладывают силы и душу в ребяташек. Их здесь 70 в возрасте от трех до десяти лет. У них есть все и нет самого главного. Эти дети – сироты. Они брали каждого из нас за руки, приглашая зайти в группы. И Галина Петровна Фальковская – чуткая душа – достала из сумки припасенные пакеты с конфетами. И красиво одетые дети привычно говорили: «Спасибо за подарки». А потом директор детдома Вера Ивановна Доля пригласила всех на чай с пирогами, тортами, печеньем. Еще долго продолжалась беседа, и сладости на многих столах оставались нетронутыми – слишком волнующими оказались воспоминания. И сразу не понять, чего же больше – горечи или радости – было в этой встрече. Но каждому она была очень нужна.

Марадудина Н. Чего больше – горечи или радости – было на встрече, которая состоялась в детдоме № 3 // Вечерний Минск. 17 сентября 1992. С. 5.

Детский дом как место встреч

...В войну он находился по улице Юго-Западной, 4, на станции Козырево. Официально под номером 3 детдом работает с 1943 г., а с начала войны и до этого времени он был известен минчанам как детдом № 1. Это был, по существу, приемник, куда доставляли малышей, чьи родители погибли, пропали или находились в тюрьмах за связь с партизанами, в гетто. Но постоянное присутствие в детдоме фашистов превратило его маленьких воспитанников в настоящих узников.

Сегодняшние обитатели этого детдома – дети со сниженным интеллектом – тоже сироты. Но часто при живых матери, отце. Кого-то просто лишили родительских прав, кто-то отказался от ребенка еще в роддоме.

Самыми близкими им людьми стали воспитатели, няни. С 1941 г. работает здесь Анна Николаевна Величко. Это ей принесла цветы бывшая детдомовка военной поры Лилия Черткова, ее целовала она в седую голову. Сколько сирот выходила, обстирала, приласкала в годы войны эта скромная женщина... Сегодня она – ночная няня. Около тридцати лет трудятся в детдоме Мария Николаевна Малая, Анна Никифоровна Запольская, Вера Михайловна Дубровская...

Сегодняшний детдом – это настоящий храм красоты. Помещение для каждой группы оборудовано как жилая комната: с креслами, «стенкой», коврами. Есть аквариумы с гидрариумами, клетки с птицами, цветы. А игровые комнаты оформлены так, что, войдя в них, ребенок из обычного детского сада, пожалуй, сразу растеряется – и к тому же столько игрушек!

В фитобаре по назначению врача ребяташки пьют чай из трав, принимают кислородные коктейли. Но какие бы средства ни выделяло государство, все бы они пошли прахом, не будь работники детдома во главе с его директором Верой Ивановной Долей настоящими хозяевами. Это видно, как только попадаешь на его территорию.

Прекрасные розарии... В теплицах до сих пор – помидоры, перец. Есть у детдома свой сад. Для шестидесяти пяти детишек от трех до семи лет, которые сейчас воспитываются в детдоме, собственные фрукты и ягоды – хорошее дополнение к меню.

Год назад бывшие воспитанники, собравшись в детдоме на свою первую встречу, в числе подарков принесли ребятишкам и пару пушистых кроликов. И вот сейчас на хоздворе не только куры, но и около полусотни кроликов, за которыми ухаживают воспитатели и дети. И при всем при этом работающему дружному коллективу сотрудников детдома без шефов не обойтись. Всегда чутко откликаются на их просьбы велозавод, камвольный комбинат, предприятие «Минскэнерго», объединение «Луч», автопарк № 2, хладокомбинат № 2.

В числе организаторов встречи в детдоме Анна Гуревич – одна из пятисот его воспитанников военных лет. Анне повезло: мать чудом осталась жива и забрала ее в сорок пятом. Прошло много лет, но мысль встретиться с детдомовцами ее не покидала.

Два года назад, в один из праздников, она пришла на площадь Победы, где ветераны возлагали венки, и развернула плакат: «Кто здесь из 3-го детдома?»... Она была уверена, что среди бывших воинов, партизан, матерей, потерявших детей, в эти дни на площади обязательно окажутся бывшие детдомовцы. И скоро к ней подошла женщина. Это была Мария Жукова.

Вдвоем они начали поиск остальных. И в прошлом году благодаря нынешнему директору детдома Вере Ивановне Доля эта встреча состоялась.

Ну, а на нынешнюю, на пятидесятилетие детдома, приехали даже издалека. В их числе ведущий инженер одного из институтов г. Снежинска Челябинской области Александр Хромченко.

– Воспитателями у нас были свои – русские, белоруски. А учителями – немки, – рассказывает Александр Сергеевич, который попал в детдом четырехлетним. – Остро запомнились ощущение голода и наказания, которым «учительницы» подвергали детей. За любую провинность били по голове, ставили на колени на горячий, вынутый из печки шлак, отчего малыши порою падали в обморок. Немки учили ребятишек своим песням, готическому шрифту. Когда они входили в комнату, все должны были вставать, приветствуя их криками «Хайль Гитлер!» и «Жыве Беларусь!».

По-моему, из нас фашисты намеревались вырастить кадры для будущей администрации, которая помогала бы им впредь осуществлять в республике свои порядки.

Но в 43-м, когда фашисты уже начали сомневаться в победе, детдомовцев стали вывозить и использовать как доноров для раненых гитлеровцев. На одну из машин попал и я. Запомнилось, как наша воспитательница тихонько уговаривала детей делать себе раны, царапины. Чем-то острым я специально порезал тогда себе живот. Пошла кровь. И это меня спасло, продолжает Александр Сергеевич. – Но остались и светлые воспоминания. Помню, как наша пожилая уборщица как-то принесла пшеничную булку и дала детям. Приносила она и картофельные очистки с немецкой кухни – это хоть как-то нас поддерживало.

– Самых крепких, здоровых детей из детдома фашисты вывозили в Германию, – дополняет его рассказ Валентина Викторовна Наумчик, приехавшая на встречу из г. Советска Ленинградской области. В детдоме она была с двумя сестренками, младшую из которых фашисты увезли, возможно, для взятия крови. Больше ее никто не видел. – Вечером надзирательницы-немки уходили, а с нами оставались наши воспитатели. Часто они знали от немок,

когда приедут за детьми. Фашисты обычно наведывались ночью, проходя с фонариком от одной кровати к другой. Так вот, здоровых детей воспитательницы прятали на чердаке, в водосточных люках на территории детдома. Ну а малыши с гнойными ранами или опухшими щеками из-за флюса фашистам были, к счастью, не нужны.

... Пришла долгожданная победа. Но впереди у детдомовцев еще было много испытаний.

Часть ребят, в том числе Александра Хромченко, вывезли в совхоз «Свислочь» под Минском. Дети были настолько истощены, что им разрешалось лежать под одеялами и когда приходили для занятий учителя. Особенно трудна была весна 46-го. Листочки липы, почки деревьев, только завязавшиеся яблочки – ко всему жадно тянулись исхудавшие ручонки, и все отправлялось в рот.

А сколько потом испытаний выпало на долю каждого – долю сиротскую... И поэтому были минуты на встрече, когда по лицам всех покатались слезы. «Родительский дом – начало начал. Ты в жизни моей надежный причал», – запел голос из динамика. И удивленно смотрели на плачущих взрослых нарядно одетые малыши. Сегодняшние сироты. Пусть же как можно дольше не обжигают слова этой песни их сердца...

Марадудина Нина. И вновь собрал всех детский дом // Вечерний Минск. 23 сентября 1992. С. 3.

Детский дом в нашей памяти

...Теперь, когда отгремели салюты и бравурные марши в честь 50-летия Победы, самое время рассказать о них – юных, незащитных, не увековеченных в монументах и названиях улиц, жертвах войны. В детском доме, созданном «бел-чырвона-белымі» коллаборационистами во времена гитлеровской оккупации, их было более 500. Сейчас удалось собрать только 30. Помогла им найти друг друга публикация «... хорошо, что мы выжили» в «Вечернем Минске» 20 мая прошлого года. Вот только выжили, увы, немногие.

Зачем же было «поборникам национальной идеи» создавать этот и другие детские дома под каблуком захватчика? Хотели спасти детей – генофонд нации? Вряд ли. Почитаем воспоминания. Вот что пишет бывший воспитанник Г.И. Блех:

«Рядом с детдомом был разъезд, где останавливались немецкие санитарные поезда. Четко помню красный крест на одном из вагонов. К нам пришли женщины-медики в немецкой форме и брали у детей кровь. У меня тоже. Ампулы сложили в ранцы и отнесли в эшелон. Кровь брали в отдельной комнате, в тот раз – только у мальчиков. Поезда с красным крестом на разъезде останавливались часто...»

У каждого из нас была «жабрацкая торба» – сумка для подаяния. По утрам мы еще в спальне распределяли улици на Козырево, где просили милостыню, и этот договор строго соблюдался.

Мы часто бегали на станцию «Товарная», где всегда было много вагонов.. Можно было найти недоеденные фашистами кусочки хлеба. Нас отлавливали. Если поймает немец – ничего, но если белорусский полицей – били страшно, больно. Мы ведь были совсем худые – кожа да кости.

О связях персонала с партизанами не знаю, но запомнился случай: ночью в палату мальчиков ворвались немцы, разворотили пол и вытащили оттуда оружие. О последствиях не помню.

В детдоме был карцер, которым наряду с плетками и палками наказывали детей. Сам туда несколько раз попадал. Пол был холодный, цементный, есть не давали. Именно из карцера я последний раз бежал, помогли мне в этом две воспитательницы».

А вот воспоминания Ф.Л. Каганович, матери двоих детей, волею судеб оказавшихся в детском доме № 3 во время оккупации:

«После освобождения Минска в 1944 г. я нашла своих детей-близнецов Эрика и Лору в детдоме № 3 в Козырево. На них было страшно смотреть. Худые, оборванные. Эрик почти не мог ходить, передвигался на четвереньках. Потом, в возрасте 26 лет он умер (вскрытие показало множественные рубцы на мозге от частых ударов по голове. – авт.).

Заведующая рассказала мне, как одной из зимних ночей в детдом нагрянули немцы, которые забрали более 20 детей по заранее подготовленному списку. Она показала мне его, заголовок был таким: «Сьпіс дзяцей жыдоўскай расы, прызначаных камісіяй дзеля адданьня ў гета».

Немцы очень спешили, не все дети успели одеться. Полуодетых ребятшек погрузили в фургоны-душегубки, пустили газ и привезли на еврейское кладбище. Уже мертвыми.

Рассказывая мне все это, заведующая плакала».

Можно без конца листать эти переполненные болью страницы. В них есть не только примеры предательства и зверств. Некоторые воспитатели, рискуя жизнью, спасали детей от немцев и собственного «нового начальства», переписывали еврейские фамилии на русские, делились куском пайкового хлеба. Дожившая, к счастью, до наших дней Анна Николаевна Величко спасла не один десяток детских душ, были и другие педагоги, достойные славы Януша Корчака. Материала в музее детского дома № 3 хватило бы на несколько фильмов не хуже знаменитого «Списка Шиндлера». Однако это уже история.

Зуев Владимир, сын детдомовца. Детский дом, опаленный войной // Товарищ, 30 июня 1995.

50 гадоў дзіцячаму дому № 3

...Цэлы дзень адзначалася 50-годдзе дзіцячага дома № 3 г.Мінска, і як пагадзілася дырэктар школы-інтэрната Вера Іванаўна Доля, свята прайшло цікава як для выхаванцаў установы, так і для запрошаных гасцей. Школа-інтэрнат была пабудавана ў 1939 годзе ў паселку Козырава, а ў час вайны тут выхоўвалася 530 дзяцей. Менавіта 15 верасня 1943 г. па кнізе загадаў у першыню ўстанову «ахрысцілі» дзіцячым домам № 3.

Бедных адзіночкіх беларускіх дзетак у вайну тут па-сапраўднаму хрысцілі.

– Кожнаму з нас знайшлі хрэсную маці, – расказвае цяпер В. Галенчык. – Была такая маці і ў мяне. Менавіта яна мне пашыла першую батыставую сукенку з валанчыкам. Жанчыны хрысцілі нас у царкве, там быў хлеб і была соль. Хоць ішла вайна, але ўсе рабілася як належыць.

Гэтых былых адзінокіх дзетак, якія сёння плакалі ў зале ад радасці, зразумець можна. Яны выжылі ў той час, калі, здавалася, у такім узросце выжыць немагчыма. Вось толькі некаторыя заявы, якія ўцалелі з таго часу.

«Прашу прыняць мяне ў дзіцячы дом – бацька арыштаваны і не ведаю дзе, маці памерла».

«Заява ад маці Чуеўскай Марыі: вярнуць Шаршун Таісу. Я была арыштавана ў 1942 г.».

«Палужэнін Аляксандр просіць вярнуць сына Аляксандра, таму што быў пад следствам у в. Малы Трасцянец, 31 снежня 1942 г.».

– Дзіцячы дом у той час напамінаў канцлагер, – раскажвала Ганна Залманаўна Гурэвіч. – Яго акружылі драўляным плотам, і нас каравалі немцы. Беларускія маці хавалі нас у бульбяніку, нашы чорныя яўрэйскія валосікі перафарбоўвалі на светлыя. І абаранялі нас з апошніх сіл, стараючыся не аддаць на расправу немцам. На нашых вачах выцягнулі фашыстыцею Дусю, якая трымала нас у сховішчы. Білі доўга-доўга, здэкаваліся з апошніх сіл, а пасля расстралялі. Беларусы – людзі рэдкія, пакутуюць за іншых, як ніхто болей.

Цяпер тут надзвычай утульна. Прыгожы будынак, па-сучаснаму арыгінальна аформлены інтэр'ер. Адчуваецца нейкая хатняя ўтульнасць. Ствараюць усё людзі, якія цяпер працуюць. Зараз Вера Іванаўна Доля аформіла невялікі музей-пакойчык, дзе сабраны дакументы тых ваенных гадоў. Многім людзям неабходны копіі дакументаў. Усе гэта для некаторых інстанцый, якім трэба даказаць, што ты тут жыў, знаходзіўся і пакутаваў.

Так што няхай гэты пакой застанеца музейным яшчэ на многія стагоддзі. А дзіцячы дом адзначае толькі добрыя юбілейныя даты.

Вячас Л. Свята. Споўнілася 50 гадоў дзіцячаму дому № 3 // Дзеці і мы. Кастрычнік 1993.

Наш Веселовский детский дом

Места родные вижу я,
Их узнаю с таким трудом.
Большая жила здесь семья,
Да, был он здесь, наш детский дом.

Основан он в тридцать седьмом,
Тем, кто не знает, мы подскажем:
Расформирован он потом.
Уже с тридцатилетним стажем.

Прости ты нас, детей родных,
За этот опустевший двор.
Не знали мы путей своих
И не встретились до сих пор.

Заросший застав наш молчит,
А строили его мы сами.
Лишь ручеек живет, журчит,
Не расставался будто с нами.

Здесь летчиком я стать мечтал.
Когда прогуливался лугом,
Здесь рыбу удочкой таскал,
Со своим надежным лучшим другом.

А там, где Крюкова гора,
И был, как будто раньше дом,
Где есть глубокая нора,
Повсюду веет волшебством.

Как в детстве я шагаю снова
Тропой под горку, где песок
До самого до Марьянова,
Через речушку и лесок.

Какая жизнь здесь кипела,
Такое вновь не повторится.
Вот и сейчас теплом согрела,
Сверкает звездами, искрится.

Здесь был наш дом, а что теперь ?
Где Альфа, Машка, Берку? где ?
Увиденному хоть не верь,
Нет, не оставим дом в беде !

Я помню вас, не сон или снится,
Кобыла Цыга, конь Малыш,
Хоть с возрастом труднее спится,
А времена прикрыла тишь.

Ох, как давно все это было !
Вон там, где Дрыгелихин дом,
Землянка баней нам служила
После войны, в сорок седьмом.

Припоминаю цвет и шины,
Разбитых фар неяркий свет.
Войну, прошедшие машины,
Полуторку и Шевралет.

Войной разрушен, вновь достроенный.
Он и сейчас вполне приличный.
Стоит, в больницу перестроенный
Тот спальный корпус наш кирпичный.

Что же осталось от тебя,
Желанная, основная,
Ведь нас встречала ты, любя,
С борщом в котле – столовая ?

Хочу о школе слышать речь,
Открыто, в разговорах честных.
Она ведь была местом встреч
Ребят детдомовских и местных.

Ужасный грохот, пыли гриб,
Затихла в школе вся работа.
На mine вражеской погиб
Здесь наш детдомовец Цапота.

Через года я прибыл в дом.
Понятно, что сочту за честь
Порядок навести кругом,
Пока еще здоровье есть,

Встречаться будем каждый год,
Жизнь станет ярче и светлее,
Здесь наш детдомовский народ
Посадит деревца в аллее.

Слышны восторженные речи,
Улыбки нас не покидают.
Ведь день конкретный нашей встречи,
И день Победы – совпадают.

Романов, Стажик и Витковский,
Ламеко, Волек и Грунковский,
Бамбенко, Дубин, Голубицкий,
Лабода, Дрыгель и Каспшицкий...

Фамилии их слышу снова
В деревнях Стайска, Веселова.
Они ведь помнят детский дом.
Все укрепляют мир трудом!

Стремлюсь лишь память о тебе
Я сохранить – не более,
Ведь ты, детдом, в моей судьбе,
А в наших судьбах ты – тем более.

Особая, тяжелая
Вовеки незабвенная
В штывы встречала беды здесь,
Ты, жизнь довоенная.

Все выслушать – не хватит сил.
За Стайском выстрел громче грома.
Расстрелян полицаем был
Здесь наш парнишка из детдома.

Всех остальных детей собрали
Здесь в Веселове немцы разом.
И на телегах их угнали
В райцентр Лепель, под приказом.

Они там нищими бродили
По городу и побирались.
Продукты поровну делили,
Когда все вместе собирались.

Огонь войны они прошли,
Родным нет весточки о сыне.
Из жизни, в большинстве, ушли,
Частичка лишь – живет поныне.

И никому до них нет дела,
Все доживают жизнь где-то,
Хлебнувши горя до предела,
Они нам братья – помни это!

Все мы и есть одна семья
С различьем возраста и пола.
Ты – старший брат, а младший я –
Одна детдомовская школа.

Эй, ты, детдомовский народ,
Видавший в жизни страх и беды,
Неужто сможешь все забыть
И не встречаться в День Победы!?

Сними рюкзак, с ним жизни грузы.
Оставь квартиру, коль имеешь.
Тебя зовут на встречу музы
Так приезжай – не пожалеешь!

На жизни сложном рубеже
Забудь обиду и невзгоду.
Знай, мы встречаемся уже,
Притом в любую непогоду.

Тут все зависит от твоей
Настойчивости и решений.
Зови товарищей быстрее,
Не жди особых приглашений.

*Детдомовец Владимир Малиновский
г. Минск, 1993 г.*

Из архива Марии Жуковой.

Текст передан бывшим воспитанником детского дома № 3, а затем Веселовского детского дома Леонидом Химинцом.

Тебя не встретят по часам
С главою города горкомовцы,
А лишь такие, как ты сам,
Под общим прозвищем – детдомовцы.

Повеет свежий ветерок,
Победы развевая знамя,
И нашей встречи огонек
Из искры разгорится в пламя.

Дети войны

В те дни, казалось, поезда всех направлений везли в Киев бывших детей – узников концлагерей. Их можно было узнать по особому волнению, необычной торжественности. Жарко, а они при параде, при галстуках. Как же иначе! Они ехали на слет. Впервые за столько лет их вспомнили, объявили всесоюзный сбор.

В нашем купе оказалась женщина Екатерина Ефимовна Дятлович. Знакомство началось с осмотра наколотого номера на левой руке – 61899. Синий, въедливый знак. Острой шпателью впился он в жизнь Екатерины Ефимовны. Это теперь она экономист, парторг совхоза на Копыльщине. А было время, когда не принимали даже в комсомол, хотели исключить из техникума.

В чем ее вина? Может, в том, что ее, трехлетнюю девочку, увезли с мамой, тремя братьями и двумя сестричками в страшный лагерь Освенцим? А может, в том, что маму и двух братьев сожгли, а ей удалось вернуться? Жутко сейчас вспоминать обо всем. А дети войны пережили, перенесли все это сердцем.

Вскоре к нам подсел молодежавый мужчина. В глазах – затаенная грусть и тревога. Это оказался слесарь подшипникового завода из Минска Константин Семенович Жаголкин. У него на руке шестизначный номер – 158797.

Поезд выстукивал все новые километры, все ближе был Киев, место встречи. А в нашем купе – бесконечные воспоминания, проклятие войны. Как же въедливы ее раны, неизлечимые временем!

Все, что происходило в Киеве, описать невозможно. Со всей страны съехались бывшие дети – узники концлагерей. Восемьсот человек! У каждого своя судьба. Желание одно – найти кого-нибудь знакомого. Многие в перерывах поднимались на сцену, терпеливо держали лист бумаги с одним словом: «Дахау», «Маутхаузен», «Саласпилс»... Искали свидетелей, чтоб узнать о себе правду. Ведь многих увезли в концлагеря совсем несмышленишками. Увозили по одной причине: «из семьи бандита». Так захватчики окрестили воинов, партизан, подпольщиков, всех, кто сражался с ними за свое правое дело, за свою Отчизну.

И еще было желание у пострадавших седых «детей». Чтобы, наконец, признали их жертвенность, чтобы учли их физические и душевные раны, чтобы современники, особенно молодые, в руках которых власть, уделили им немножечко больше сердечного тепла. Такую заботу взял на себя Советский детский фонд. От имени новой и авторитетной организации ее председатель Альберт Лиханов заявил:

– Мы собрались в Киеве, чтобы учредить Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. – И хотя вы уже далеко не дети, Детский фонд считает своим священным долгом представлять и защищать ваши интересы. Мы глубоко убеждены – долги должны быть отданы, и каждому должно воздаться справедливой мерой по его жизни, судьбе и делам...

На встрече в Киеве официально было зарегистрировано 132 человека из Белоруссии. Но я, выступая на том необычном форуме, поставил вопрос несколько иначе:

– Кто из вас был вывезен в фашистские концлагеря с территории Белоруссии? Лес рук взметнулся вверх.

Большинство зала. Да, это теперь они живут во всех уголках страны – от Бреста до Сахалина, а тогда, в годы войны, жили на огненной земле Белоруссии.

Там же, в Киеве, от имени Белорусского отделения Детского фонда я внес одно предложение, которое сейчас выношу на всенародное обсуждение.

Да, слов нет, дети концлагерей, на которых проводили нечеловеческие опыты, которые насильственно являлись донорами, заслуживают нижайшего поклона и всех льгот, предусмотренных для участников Великой Отечественной войны. О каждом из них можно и нужно написать книгу, позаботиться об улучшении жилья, внеочередного установления телефона, санаторного лечения. Скажите, в чем вина малолетних страдальцев, которые были угнаны в Неметчину в трудовое рабство? Таких по стране свыше пяти миллионов.

С украинским писателем Богданом Чалым мы только что завершили повесть «Люби меня при всякой доле». Она о бывших юных рабах фашизма. Мы нашли их на Украине и в Белоруссии. Эти мученики войны, седые и честные люди, до сих пор живут с ранами, нанесенными в сердце, душу, на тело в годы лихолетья.

Их не жгли в топках концлагерей, но они жили в таких же холодных бараках за колючей проволокой. Из них не выкачивали кровь, но из них выкачивали физические силы. И, возвратясь на Родину, они также были, к сожалению, долгие годы под подозрением. Им на работах доверяли только метлу да тряпку. Мы, общество, тоже должны вернуть долги и этим измученным детям войны. А кто когда измерил страдания, муки, оскорбления и унижения детей, которые по воле судьбы оказались на оккупированной территории? Их игрушками чаще всего оказывались гранаты да снаряды, от «игры» с которыми они калечились, а то и погибали. Они с матерями прятались по лесам и болотам от двуногих зверей. Им не разрешалось громко говорить и смеяться. Услышат враги, рассекретится тайное убежище. Они не имели вдоволь хлеба, молока, нечем было прикрыть плечи. Дети этих детей уже не могут поверить своим отцам: не может такого быть. А ведь все это горькая правда. И все это было не так давно – сорок пять лет назад.

А сколько страданий выпало на долю детей, которые жили в партизанских отрядах, которые выполняли задания подпольщиков, которые носили солдатскую одежду и были зачислены в воинские части? В Белоруссии создан целый батальон таких орлят, малолетних бойцов войны. Предстоит дальнейший поиск таких детей. Нужно и в отношении их восстановить полную справедливость.

Есть и еще одна категория детей войны – эвакуированные. Они вроде и жили там, где не рвались бомбы. Но и они сполна хлебнули горя, пережили войну.

На Волге, в городе Хвалынске, в войну жило свыше пятидесяти тысяч детей. Город – детдом. Я встречался с некоторыми бывшими воспитанниками из Хвалынска. Они были завезены туда целыми эшелонами из Белоруссии. Как жили «безбатьковичи», как питались, работали, учились, как удирали на фронт, чтоб разыскать родителей, – все это еще ненаписанные страницы книг.

И перед такими детьми мы в долгу. Ибо попросту не знаем их, никогда никто не интересовался, как сложилась их дальнейшая судьба, где они живут и работают, есть ли у них настоящие друзья, с каким душевным грузом они ходят по земле.

Все эти размышления приводят к тому, что назрела необходимость создать республиканский союз «Дети войны». Пусть это будет наш, белорусский опыт, наша инициатива.

Думается, многострадальные дети войны Белоруссии имеют на это право.

Инициатором создания такого общества выступает Белорусское отделение Советского детского фонда имени Ленина. Мы предполагаем, что союз «Дети войны» будет активно работать по программе Детского фонда, станет его мощным пропагандистом и агитатором. Это действенная и реальная сила в поддержку перестройки, ибо эти люди не заражены карьеризмом, бюрократизмом, демагогией. А мы, в свою очередь, берем обязательство дойти до каждого малолетнего страдальца войны, помочь ему во всех житейских проблемах.

Есть предложение, чтобы областные отделения Детского фонда занялись розыском детей войны. Давайте учтем всех, кому в войну было до 16 лет. Это же последние свидетели страшного лихолетья. Надо найти возможность встретиться с ними, получить полные сведения о их военных страданиях, о нынешней жизни. Повторяю, учитываем пять категорий детей войны: узников концлагерей, вывезенных в трудовую повинность, находившихся в партизанских отрядах и воинских частях, живших на оккупированной территории, эвакуированных.

Имея такие данные, мы смогли бы осенью этого года провести республиканский слет детей войны в Минске и на нем организовать союз «Дети войны».

Есть надежда, что такой союз со временем будет создан в масштабах страны.

В последнее время я получил несколько писем из разных городов Советского Союза. И они вдохновляют! Вот что пишет Виталий Иванович Королев из г. Тарту Эстонской ССР:

«В своем выступлении на слете бывших малолетних узников концлагерей в Киеве вы высказали идею о создании единого союза детей войны. Я полностью поддерживаю вас в этом начинании. Все мы члены одной большой семьи – семьи детей войны. И роднит нас всех смерть и сырая земля наших родителей, отдавших жизнь за Родину, роднит нас безотцовщина и сиротство, роднят детдома и несладкая жизнь послевоенных лет».

А пока мы должны разыскать детей войны, решить, кого зачислять в союз, как провести слет, что включить в его программу. Хотелось бы эти и все другие вопросы вынести на всенародное обсуждение. Это и будет в духе времени гласности и демократизации общества.

*Владимир Липский,
писатель, председатель Белорусского отделения
Советского детского фонда им. В.И. Ленина.*

Знамя юности. 24 августа 1988. С. 3.

Жизненные встречи: новые страны и новые друзья

Во многом меняется жизнь, особенно когда встречаешься с новым, ранее не ведомым и таким неожиданным. Такая приятная встреча-открытие стала для меня самым далеким в моей жизни путешествием в Америку к моей любимой и единственной дочери – Аленушке. Это был настоящий сюрприз, полный неожиданностей, удивления и радости. Не сразу, но все же свои главные наблюдения я постаралась кратко передать. Пускай может они и не совпадают с вашими представлениями, но это стоит того, чтобы вместе познать более современную картину нашего мира. В действительности

только живущий может радоваться и удивляться.

Нью-Йорк – Минск, 2009 г.

РАЗДЕЛ 5. НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЖИЗНИ: СЕМЬЯ, ДОЧЬ И ДРУЗЬЯ

В самом начале собирался поехать в США к дочери мой муж Иосиф. Начал оформлять документы, заполнил положенные анкеты, приклеил фотографии, но потом ему стало очень плохо, сильно ухудшилось его состояние здоровья, и мне пришлось все документы переоформлять на себя. Без помощи Иосифа все равно не обошлось, поскольку он уже хорошо знал процедуру оформления документов для поездки за границу. Наконец, все документы были надлежаще оформлены и готовы для подачи в Посольство США в Республике Беларусь. В Посольстве ко мне никаких претензий не было, и, заплатив положенные на тот период еще 100 долларов США за визу, сняв отпечатки пальцев и предоставив все требуемые документы, я получила разрешение на выезд. Визу мне дали двухразовую, но на 6 месяцев. С билетом особых трудностей тоже не было. Я находилась в Нью-Йорке с 9 января по 9 февраля 2008 г., т.е. один месяц. А 10 февраля я уже была в Минске. Самолет авиакомпании не очень большой – около 170 пассажиров и обслуживающий персонал.

Из г. Минска я вылетела самолетом польской авиакомпания. Полет длился 1 час 10 минут. Нас в самолете один раз покормили. Затем в Польше мы ожидали пересадку на «Боинг-737» американской авиакомпании, совершающей полеты из Варшавы в США. Ждать пришлось долго: вместо полутора-двух часов мы ждали около 5 часов – задерживался рейс по непонятным для нас причинам. Очень волновались, потому что всех встречали в Америке родственники в положенное время. К тому же мне было очень тяжело, поскольку я не знаю ни польского языка, ни английского. Без знания языков за границей находиться очень сложно: неизвестно, где и как оформлять документы, куда идти, где посадка и т.д. Выручило то, что я, находясь еще в Минском аэропорту, познакомилась с четырьмя женщинами из Белоруссии, которые летели вместе со мной до аэропорта Нью-Джерси, и они мне во всем помогали: все они летели в Америку уже не первый раз. Так я благополучно долетела до аэропорта Нью-Джерси. Это совсем другой штат, мне надо было до самого Нью-Йорка, но там самолеты данной авиакомпании не «салятся», так как нет аэропорта... Это еще около 50–60 километров от Нью-Йорка.

В «Боинге-737» лететь очень хорошо и комфортно, как ехать в такси. Это огромный самолет, который вмещает около 350 пассажиров и обслуживающий персонал. Здесь нас кормили два раза. Когда мы летели над Америкой (был уже вечер), из иллюминаторов самолета мы видели в ярких огнях неопишимо красивый вид: все было настолько красиво, что дух захватывало и кружилась голова от увиденного... Сколько находились в пути, подсчитать очень сложно: с Польшей разница во времени 1 час, с Нью-Йорком – 7 часов, да ожидали пересадку около 5 часов. Домой к дочери добрались в 9 часов вечера по местному времени, а из Минска вылетели в 9 часов утра (время белорусское)...

Когда мы проходили таможенный досмотр в Нью-Джерси, мои попутчицы меня ожидали и пропустили вперед (я среди них была самая старшая по возрасту), но когда меня приостановили (не могли долго никак повторно снять отпечатки пальцев и меня задержали), попутчицы, не дождавшись меня, ушли, потому что их ожидали родственники, к которым они приехали, и больше ждать меня не могли, хотя обещали, что будут ждать. В кабинете, куда меня отвел администратор аэропорта, я находилась около часа, а потом выяснилось, что мои отпечатки пальцев в порядке, но время было упущено. Не зная английского языка, я не могла понять, а таможенник по-русски не мог мне объяснить, как у них делают отпечатки пальцев. В кабинете, кроме меня, еще было много людей. Потом пришел другой сотрудник аэропорта, что-то долго они объяснялись, оказалось, что все нормально, затем меня отпустили, но время было безвозвратно утеряно, попутчицы и все пассажиры нашего самолета разошлись и я осталась одна.

Выйдя из аэропорта и забрав свой багаж, я долго искала свою дочь Елену, которая должна была меня встречать. Она действительно меня встречала, прождав в аэропорту почти весь день (самолет задержался на 5 часов, около часа меня продержали на таможне), она, видимо, подумала, что я не приехала, и пошла со своим другом перекусить. Потом они снова пришли в аэропорт, она увидела, как я растерянно бегаю по аэропорту, волнуясь, уже чуть не расплакалась, окликнула меня и бросилась в объятия. Я переживала, что, не зная языка, я сама к ней не доберусь, очень далеко, хотя у меня был ее домашний адрес. Но все обошлось благополучно, мы встретились в аэропорту. Дочь с другом

взяли такси и мы все вместе приехали к ней домой. Что интересно, когда едешь через мост на такси, то за каждый мост надо дополнительно платить.

Нью-Йорк – крупнейший город. В нем очень красивые дома: что ни дом, то произведение искусств. Ни один дом не похож на другой, и все сильно впечатляют своей архитектурой. Дома ухоженные, в зелени (несмотря на зиму). Правда, улицы очень грязные, валяется много окурков и мелкого мусора, несмотря даже на то, что возле всех магазинов, ресторанов, кафе и т.д. лежат огромных размеров и в большом количестве целлофановые мешки с мусором, которые каждый вечер убирают специальные машины и увозят.

В Нью-Йорке почти в каждом доме магазины, большие и маленькие, много ресторанов, кафе и баров, но пьяных не видно. Есть такие огромные магазины, что каждый из них за день не обойдешь. Магазины есть русские, белорусские, украинские, еврейские, китайские, японские, узбекские, грузинские и т.д. и т.п. Товаров много и разных. Есть очень дорогие магазины (бутики, эксклюзивные) и много по вполне доступным ценам, и недорогие. Точно так и с продуктовыми товарами: все зависит от кошелька покупателей. Часто бывают скидки на продукты и промышленные товары, особенно для пенсионеров и тех, кто особо нуждается. Много магазинов, которые занимаются распродажей товаров по сниженным ценам, а также таких, где каждый товар, независимо от наименования, размера или сорта, стоит 99 центов. Там почти на каждой улице есть магазины под названием «99 центов». То есть любой товар стоит в нем 99 центов...

Не понравились мне в Нью-Йорке станции метрополитена: все допотопные, старые, грязные и запущенные. Правда, две или три станции недавно отремонтировали, так они немного чище и красивее.

Метрополитен старый, ему более ста лет. Вагоны тоже очень старые, но в них чисто. Линий метро и поездов настолько много, что и заблудиться там труда не составит, особенно если не знаешь языка и города.

В Нью-Йорке очень дорогой проезд: кроме метро и автобусов нет никакого общественного транспорта. Остановки транспорта очень частые, особенно автобусом (через каждый дом или два). В метро несколько больших остановок, остальные тоже короткие, где-то через 500–600 метров примерно. Стоимость одной поездки – 2 доллара, независимо от количества остановок. Но если в течение часа пересеть с автобуса на метро или с метро на автобус, тогда вторично платить не надо. Однако, если времени проходит больше часа во время пересадки с метро на автобус или наоборот, то надо дополнительно платить два доллара. В основном оплата там по компьютерной карточке, которая все фиксирует, и проехать «зайцем» никому никогда не удастся: в автобусе водитель высадит, а в метро просто автоматизация не пропустит. В автобусе возле водителя стоит компьютерная техника, в которую вставляешь свою карточку и она отмечает проезд, а водитель видит, что моя дочь таким образом оплачивала свой и мой проезд. Можно несколько раз вставлять карточку и она зафиксирует оплату проезда. Но в этот же компьютерный аппарат можно бросать монеты стоимостью два доллара (четыре монеты по 50 центов или две монеты по одному доллару) и он выдаст билет. Компьютерную карточку можно купить прямо в метро у входа тоже через компьютерный аппарат. Если покупаешь компьютерную карточку на проезд за 40 долларов, то восемь долларов компьютер дает «в подарок», то есть платишь 40 долларов, а получаешь

карточку за 48 долларов (две поездки туда и обратно получаются бесплатно). Если берешь на большую сумму, то компьютер тоже выдает больше «в подарок». В Нью-Йорке очень дорогой проезд, жилье, квартплата и коммунальные услуги, а также медицина и лекарства, если нет страховки. Продукты питания и одежду можно приобрести дешевле, чем у нас...

Кстати, в Нью-Йорке очень часто слышна русская речь, особенно в Бруклине. В магазинах, ресторанах, кафе – везде можно услышать русскоязычных людей. Здесь очень много проживает русских, белорусов, украинцев, евреев, китайцев, японцев, узбеков, грузин, негров... и других национальностей. Никакой дискриминации нет. Они все комфортно себя чувствуют, имеют свои национальные магазины, рестораны и кафе, их никто не преследует. Негров, китайцев, японцев, евреев и других можно часто видеть работающими в крупных и малых магазинах, банках, ресторанах, аптеках, кафе и др. Ко всем американцы относятся доброжелательно, с уважением. Может быть когда-то давно и была дискриминация, но сейчас ее и близко нет. По крайней мере я дискриминации не видела. Все равны.

В большей части своей американцы очень полные люди...

По выходным дням и в свободное время я с Еленой ездила и ходила пешком по магазинам, а также осматривала достопримечательности Нью-Йорка. За короткое время пребывания удалось посмотреть не слишком много, но все, что видела, впечатлило и тронуло до глубины души.

В Манхэттене, Бродвее мы побывали в ресторане «Обозрение» с видом на весь Манхэттен и Нью-Джерси, 49-й этаж. Этот ресторан все время вращается. Он оставил неизгладимое впечатление и великолепие от всего увиденного. Сколько всего незабываемого мы там увидели и оставили в памяти! А какой красивый Манхэттен вечером, когда все переливается, горит яркими огнями, крутятся цветные огромные афиши! Всю эту потрясающую красоту надо видеть собственными глазами! Описать ее невозможно!

На перекрестке 42-й улицы и 4-й авеню (проспект) расположено самое царственное в штате Нью-Йорк здание с обзором на Манхэттен (Север, Юг, Запад, Восток). Оно состоит из более чем 100 этажей. Мы смогли добраться только до 86 этажа. Красоту с птичьего полета, которую мы там видели, трудно себе представить и рассказать о ней все невозможно! Это надо только видеть. Просто дух захватывает! Конечно, удовольствие это не из дешевых... Нужно отметить, что на все эти мероприятия пенсионерам и инвалидам предоставляются скидки, что тоже немаловажно.

На перекрестке 96-й улицы и 9-й авеню (проспект) находится «Музей Национальной Истории» (Исторический центр), в котором мы побывали. Там находятся исторические животные: динозавры, рептилии (всего не перечислишь, это надо видеть) и многое другое; африканское искусство (маски, костюмы и др.). Прослушали большой и интересный рассказ «Капля воды», в котором нам рассказали, что каждую каплю чистой воды надо экономить и бережно к ней относиться, потому что в природе ее очень мало, и если она исчезнет, то все живое может погибнуть, в том числе и люди...

Побывали мы и в Планетарии. Это очень огромное белое круглое здание. Здесь нам показали фильм от рождения Земли до того, что может произойти в будущем. Все там крутится, грохочет, как перед открытым небом. Звезды, Солнце, Луна, Галактика – все движется, падает, исчезает, что-то появляется снова... Фильм длился около 30–40 минут. Не передать словами, как было

интересно и полезно об этом узнать! Все очень впечатлило!.. Категорически запретили там фотографировать и предупредили, что это опасно и фотографии не получатся. Удивительное было зрелище!

Сильное впечатление произвел на нас Музей «Нью-Йорский аквариум», который находится в Бруклине: тут привезенные со всего света морские ежики, медузы, крабы, огромного размера и веса черепахи, акулы, белуги, морские львы, крокодилы и многое другое.

А сколько разновидностей больших и маленьких медуз, рыб, жаб, ящериц и прочих представителей животного мира! И все это движется, ползает, плавает! Для многих морских животных и огромных рыб, которых мы никогда в жизни не видели и не знали, предусмотрены специальные вольеры. За всем этим следит огромный штат работников Музея, с некоторыми из них мы беседовали и они нам показывали и рассказывали об обитателях этих раритетов и реликвий, как они кормят и ухаживают за ними. Было очень интересно. В Бруклине на улице Брайтон-Бич мы побывали в известном ресторане «Татьяна», который славится своей внутренней архитектурой, где начинается Атлантический океан, в котором не видно ни начала, ни конца, и где отдыхают на побережье пенсионеры, выходцы из бывшего Советского Союза, а ныне проживающие в Нью-Йорке.

Побывали мы и в Польском ресторане с польской кухней и красивым интерьером. Нам очень понравилось. Во всех ресторанах кормят вкусно, но не везде дешево, есть и дорогие рестораны. На спиртные напитки мы не претендовали, они нам были не нужны.

Не пропустили мы на улице «Ю» в Бруклине огромный магазин «Королевская Площадь», который за день невозможно обойти. В нем продается все, что душе угодно: от очень дорогой косметики до всевозможных дорогих вещей.

Были мы и возле Костела...

Почти везде, где мы путешествовали, фотографировались. Есть очень много фотографий о пребывании в Нью-Йорке, Манхэттене, Бродвее, Бруклине, Брайтон-Бич... Все посмотреть и везде побывать не было ни денег, ни времени, ни сил.

Я осталась под огромным впечатлением от увиденного. В основном все понравилось. Нам бы такую жизнь!

Особых хлопот мне не доставило оформить билет на обратный путь.

Билет у меня был, я его приобрела в Минске туда и обратно, а Алена помогла с датой и местом вылета. Там это совершается очень просто.

В Минске, перед вылетом в Америку, меня на таможне никто не предупредил, а сама я не знала, что из США я могу везти не более 35 кг веса, а было 50 кг. За границей это можно провозить. Я законопослушный гражданин, законов никогда не нарушала, но об этом не знала и не слышала. По американским и польским законам можно провозить 50 кг, столько у меня и было. Без проблем и труда я из Америки прилетела самолетом в Варшаву, в Варшаве тоже не было никаких проблем, а как приехала в родную Беларусь, на свою родную землю, так начались неприятности. Очень страшно из-за границы возвращаться домой. Меня и еще несколько человек, в том числе и Валерия Дайнеко (солиста «Белорусских песняров», с которым я летела вместе в самолете, рядом были наши места), не выпустили, задержав на белорусской таможне и заставив всех нас заплатить по 52 доллара или 35 евро за «лишние 15 кг», как нам сказали. Никакие просьбы и уговоры на таможенников не действовали.

Не помогло даже, что я пенсионерка-инвалид, круглая сирота с раннего детства, малолетний узник. Ничего не помогло ни Валерию Дайнеко, ни другим пассажирам: всех наказали на эту сумму. Обидно и горько до слез: ведь я ничего такого не везла, кроме сувениров для себя, и дочь отдала свои старые вещи, которые она не носит, чтобы я подарила родственникам (двоюродным сестрам дочери по отцовской линии), которые в них нуждаются. Мне очень стыдно и обидно за наше государство, которое обижает даже пенсионеров-инвалидов и на этом наживается: оно отняло у нас все льготы, вклады, которые мы копили всю жизнь, отказывая себе даже в самом необходимом, за подарки, которые дочь присылала к юбилейным датам, в частности, за печь СВЧ, а теперь еще – 52 доллара. Сколько можно и как не стыдно обворовывать средь бела дня своих граждан государству, которое отнимает последние крохи у рядовых граждан. Видимо, наши государственные чиновники полагают, что, если человек приехал из-за границы, так у него денег «куры не клюют»? Стыд и позор за такое отношение к своим гражданам.

По приезде в Минск меня встретили муж, его родственники и друзья. Сейчас я дома. Дочь Алена по-прежнему звонит каждую неделю домой, как и раньше, до моего отъезда.

Спасибо ей за все!

г. Минск, 2009 г.

Регина Лаврович. Жизнь и история Марии Жуковой

Вспоминаю глухие восьмидесятые годы. Я работала в конструкторском бюро на заводе, работала давно. У нас среди сотрудников сложилась нормальная рабочая атмосфера. Казалось, что мы знаем друг о друге все. Мы жили обыкновенной советской жизнью; рожали детей, водили их в садики, потом в школу, работали, ездили по командировкам. Если кто-то придумывал что-то новое и получал за это деньги – завидовали. Мы редко говорили о прошедшей войне, вспоминали ее с неохотой. Не все могли рассказать о героическом прошлом своих родителей. Большие дискуссии возникали у нас только по одному поводу. Среди нас работал мужчина средних лет. Его фотография то появлялась на Доске почета участников войны, то исчезала. Нам ничего не объясняли, ходили только слухи. Он участвовал в войне, но то ли был в плену, то ли в какой-то молодежной организации не совсем советской. Мы тайком обсуждали эту ситуацию, но ни один из нас открыто не рассказывал, где и как он провел войну. Что-то проскальзывало, что-то не договаривалось, но мы в основном молчали, так как позиция властей была однозначной; все, кто не воевал на фронте в то время, считались людьми как бы второго сорта. Наступили девяностые годы. Я начала собираться на пенсию, и ко мне пришло решение начать рассказывать о пережитом. Для окружающих это был шок. Человек работал рядом с тобой многие годы и молчал. Таких молчунов на заводе набралось много. Мы все объединились в группу, и все наши дальнейшие действия происходили вместе. Действовать нам пришлось достаточно много. Полное отсутствие информации. Кругом одни слухи. Куда писать, где запрашивать документы, которые подтвердили бы, что ты был угнан в Германию. Единого центра нет,

есть только разрозненные организации. Руководители этих организаций, как могли, помогали узникам. Но особенно тяжело пришлось многим малолетним пострадавшим. Дети, возвращавшиеся на Родину одни без родителей, не интересовали спецслужбы, они не проходили фильтрацию, значит, нигде не были зафиксированы их фамилии. Это была тяжелейшая ситуация. Помочь таким пострадавшим было некому. От них просто отмахивались. Я расскажу об одной такой пострадавшей, с которой судьба свела меня в начале девяностых годов. В то время я сотрудничала с республиканской организацией узников «Лес». По рекомендации ее руководителя Ольги Александровны Нехай меня назначили в комиссию при фонде «Взаимопонимание и примирение». Работа этой комиссии заключалась в следующем: все спорные вопросы по каждому узнику о местах пребывания и сроках содержания, о неясностях в справках рассматривались комиссией со всех точек зрения, делались дополнительные запросы и т.д. Работа была архисложная, ведь решались судьбы людей. Там я впервые услышала о судьбе Маши Жуковой. Трехлетний ребенок в ноябре 1942 г. попадает в детский дом, попадает без фамилии, без даты рождения, круглая сирота. Как мне кажется, уже одного этого было достаточно, чтобы назвать ее самой главной пострадавшей, выплатить компенсацию. Ведь у нее никогда не было и не будет родительской заботы, не будет покровительства отца. Я по себе знаю, как продвигались по жизни наши ровесники, отцы которых остались живы после войны. Мы же дорогу прокладывали себе сами. Странная сложилась ситуация: руководители общественных организаций грудью стали на защиту государственных интересов. Пошли суды. Фонд «Взаимопонимание и примирение» судится с Машей Жуковой и пытается доказать в суде, что никакого концлагеря не было. В этих судебных процессах участвуют лидеры общественных организаций против Маши Жуковой. По своей сути общественные организации – это защитники прав узников, это главная наша опора, это – наши отцы и матери. Но по советской же системе человек – это винтик, это материал для строительства коммунизма, и лидеры организаций узников на тот период исповедуют эту идеологию, совершенно забыв об интересах одного трехлетнего ребенка. Наша комиссия рекомендует признать Машу узником, фонд – категорически против. И это противостояние длилось несколько лет, пока Машу Жукову не признали узником гетто и жертвой Холокоста Германия, Швейцария и Израиль. Тяжелейшая ситуация. Весь белорусский народ пострадал, казалось, чем больше людей докажут, что они пострадали от национал-социализма, тем больше получают компенсацию. Но лидеры организаций узников прилагали много усилий, чтобы этого не произошло. Я считаю, что они выполняли заказ государства. Взаимоотношения узника Жуковой со многими общественными организациями в настоящее время сложились хорошие. Она нашла свою нишу для помощи узникам. И сегодня благодаря ее стараниям многие газеты попадают в наши квартиры. Это отзывчивый и честный человек. Несмотря на все перенесенные страдания, у Маши есть силы и желание помогать другим. Она активно сотрудничает с организацией «Доля» и мы гордимся, что у нас такой преданный друг.

*Регина Лаврович, малолетний узник,
председатель правления общественного объединения
Партизанского района г. Минска «Доля»*

Владимир Шакутин. Не позволила обуть себя в лапти

*Следует засвидетельствовать
для истории наиболее яркий
факт морального истязания
круглой сироты Марии Жуковой.*

В ноябре 1942 г. родители все же таки смогли еще до своей гибели передать из гетто трехлетнюю дочь Машу в минский детский дом № 3. А уже в декабре 1942 г. отец, мать и все родственники Марии Жуковой были уничтожены в Минском гетто.

Суд Московского района г. Минска дважды установил на законном основании факт и период нахождения Марии Жуковой в Минском гетто. Однако одному чиновнику районного отдела социальной защиты населения, видимо, не понравилась внешность женщины, отстаивающей свои конституционные права. Он взял и написал в Минский городской суд просьбу об отмене решения районного суда по делу Марии Жуковой об уже установленном факте ее нахождения в Минском гетто. Городской суд просьбу районного чиновника невысокого ранга все же удовлетворил, а законное решение районного суда отменил. Верховный суд рассмотрел жалобу Марии Жуковой о неправомерных действиях, на ее взгляд, Минского городского суда и оставил его решение в силе. А республиканская прокуратура по жалобе заявительницы тоже была солидарна с Городским и Верховным судами. Таким образом, судебная цепь по делу жертвы Холокоста, круглой сироты Марии Жуковой была замкнута и оказалась в белорусском правовом тупике.

И все же, как говорят белорусы: «Бог не цяля, бачыць круцяля».

В Берлине в Фонде «Память, ответственность и будущее» тщательно изучили все документы, представленные партнерской организацией на право получения Жуковой Марией компенсационных выплат, как бывшей узнице гетто. Германский Фонд признал Марию Жукову узницей Минского гетто и выплатил ей 15 тысяч дойчмарок. А ведь немцы деньги зря не тратят. Во внимание были приняты следующие факты:

- Мария Иосифовна Жукова является лицом еврейской национальности;
- она родилась в Минске в 1939 г. и жила с родителями по улице Шорной, которая находилась в самом центре Минского гетто. А в июле 1941 г. гитлеровцы загнали всех, без исключения, евреев Минска за колючую проволоку гетто;
- документально подтверждается, что Мария Жукова в ноябре 1942 г. из гетто была доставлена тайным образом в минский детский дом № 3, где находилась до самого освобождения Минска войсками Красной Армии.

Швейцарский Фонд помощи нуждающимся, пострадавшим во время Катастрофы, Всемирная Еврейская организация, Центральный и Восточно-европейский Фонд оставшихся в живых жертв Холокоста также приняли решение признать Марию Иосифовну Жукову жертвой Холокоста и установили ей ежемесячную помощь с июля 1998 г.

Здесь следует особо отметить, что Мария Жукова, чтобы отстоять свои конституционные права, провела в судах не месяцы, а целые годы. Она проявила настоящие бойцовские качества. Не позволила ни судьям, ни прокурорам обуть себя в лапти.

Для удовлетворения своих исковых заявлений она все же заставила судей всех уровней от районного до Верховного и даже Конституционного провести около тридцати рассмотрений своего судебного дела.

Между тем возникает вопрос. Почему в нашей стране при обращении в суд с иском даже для решения мелкого, но жизненно необходимого вопроса гражданин вынужден проводить в судах месяцы и годы, где изматывают его моральные и физические силы? Ответ, на мой взгляд, прост.

Во-первых, правовая защищенность рядового гражданина, право на независимый суд находятся на низком уровне.

Во-вторых, правовая и политическая культура населения очень низка. С одной стороны, суд для граждан стал не по карману, особенно пенсионерам – ветеранам труда. С другой – белорус еще не избавился от ущербной психологии, мол, все равно «не дадучь, адб'яруць, заб'юць».

В-третьих, самосознание наших не только рядовых граждан, но и судей, прокуроров еще не скоро освободится от коммунистической идеологии, от сталинизма. Возможно, что оно будет преследоваться и в новых поколениях.

Именно поэтому в наших судах нет торжества справедливости. Принято за правило, что судебные решения должны быть только законны и обоснованны. А понятие справедливости судебных решений не существует.

Еще живуча прокурорская логика советского времени: «Мне только дайте человека, а закон я найду».

Поэтому не случайно законные требования Марии Жуковой о восстановлении национальной принадлежности и установление по ее заявлению других фактов, имеющих юридическое значение, прокуроры и судьи встретили в штыки.

А мне, как ее представителю в суде, довелось выступить с возражением на кассационный протест прокурора Московского района г. Минска против положительного решения районного суда.

г. Минск, 2008 г.

Эммануил Иоффе. У девочки была мечта

Девочку звали Муся. Она осталась круглой сиротой в три года. Родители погибли во время погрома в Минском гетто в декабре 1942 года, и Муся не то, что не запомнила их лиц, их образ, но не остались в ее памяти даже их имена. Новое имя Маша, фамилию Жукова, день рождения она получила в детском доме. Там почти все дети получили отчество Иосифович или Иосифовна, потому что им внушали, что они дети Сталина.

И все время юная Маша мучилась мыслью: может еще живы ее родители, может были у нее брат или сестра? Как найти их?

Эта мечта осталась у Марии Жуковой и сегодня. Во-первых, найти кого-либо из родных, близких. Во-вторых, хотя бы подробнее узнать о родителях: как их звали, откуда они родом, где они работали? Единственное, что узнала Мария Иосифовна, это то, что ее мать звали Ольгой и она была хорошей портнихой, что до войны их семья жила в Минске на улице Шорной, которая вошла в территорию Минского гетто.

До сих пор 73-летняя М.И. Жукова помнит страх бомбежек, вид фашистов, постоянное чувство голода, материнскую заботу работников детского дома.

Она всегда ждала и верила в чудо, что ее родители или родственники найдут ее или она их отыщет. Но как было искать, если очень многое о себе в силу сложившихся обстоятельств Мария Иосифовна не знает?

Жизненный путь М.И. Жуковой был очень тернистым. В детском доме № 3 она закончила два класса средней школы № 29 г. Минска, а 1 июня 1948 года была переведена в специальный детский дом № 12 г. Минска для детей, родители которых погибли во время Великой Отечественной войны.

Мария Иосифовна работала портнихой в Ждановичах (1954–1958), а в 1960 году окончила 9-месячные курсы машинописи при Минском доме офицеров и в 1960–1965 годах трудилась машинисткой в Ленинском райвоенкомате г. Минска. Затем ее как лучшую машинистку отправили на повышение в одну из войсковых частей (1965–1970).

Почти четверть века – с 1970-го по 1994-й год Мария Жукова работала машинисткой 1-й категории в отделе технической документации завода «Калибр». Она систематически награждалась почетными грамотами и денежными премиями, а ее фотография неоднократно находилась на Доске почета.

В 1964 году Мария Иосифовна закончила 10 классов 2-й вечерней школы г. Минска и с тех пор довольно успешно и эффективно занимается самообразованием.

Все годы она принимала активное участие в общественной жизни завода в качестве члена народной дружины и участницы художественной самодеятельности. В 1979–1983 годах М.И. Жукова являлась народным заседателем суда Советского района г. Минска.

Она награждена многими медалями и нагрудными знаками.

Марии Иосифовне пришлось пережить продолжительную судебную волокиту по установлению своей еврейской национальности, по установлению факта нахождения в Минском гетто, или юридическим языком, по установлению фактов, имеющих юридическое значение. Дело совершило «путешествие» по всем судебным инстанциям от районного до Конституционного Суда Республики Беларусь.

Наши чиновники вдоволь поиздевались над круглой сиротой военного времени, старым больным человеком – инвалидом, жертвой Холокоста. Но справедливость восторжествовала!

Книга Марии Жуковой «Война причиняет мне боль» (Минск, 2010) – это пронзительный крик души. Многие ее страницы читаются на одном дыхании. Это пример поразительного оптимизма и жизнелюбия автора, мужества, терпения и огромной любви к людям, память о многих людях, которые помогли круглой сироте в тяжелые моменты жизни и которых сегодня уже нет с нами.

Хочется пожелать ей крепкого здоровья, активного долголетия, больших успехов во всех делах и много, много радостей.

Очень хочется верить и надеяться, что мечта Марии Иосифовны, хотя бы частично, осуществится.

*Эммануил Григорьевич Иоффе, профессор БГПУ имени М.Танка,
доктор исторических наук, член Белорусского союза журналистов*

Мария Жукова. Мои слова благодарности

В то время Владимир Парфирьевич Шакутин являлся заместителем председателя правления Белорусского объединения «Лес». Работы для него всегда хватало, ведь заботы коллектива и коллег становились частью его дел. Он человек неумный. Ищет справедливость и находит ее. Это не только в моем жизненном примере. Вот еще такой же.

Сейчас Владимир Парфирьевич во главе значимого в республике Белорусского союза общественных объединений бывших узников фашизма «Эхо войны». Объединение усилий бывших узников нацизма тоже непростое дело. Часть государственных забот ложится на членов этой организации. Это моральная и материальная поддержка немощных и пожилых. В те далекие и тяжелые для всех времена они страдали, молчали, но надеялись. Не у каждого из нас сложилась жизнь как нам хотелось и виделось. И в немалой степени в этом вина и государственной политики в отношении «негероических» людей. Для многих любимая профессия, высшее образование, общественная значимость оказались недостижимыми. Сейчас многое изменилось. Действуют общественные объединения. Свою поддержку такой категории лиц оказывают правительственные и неправительственные организации Германии и США. Об этом немало написано. Важным для этого стал процесс взаимопонимания и примирения. Вот тут сгодились и наши усилия по воспитательной работе с молодежью. Через диалог, посещение мест преступлений, совершенных нацистами во время Второй мировой и Великой Отечественной войн, идет накопление и представление фотодокументальных материалов во время выставок, пополнение музейных экспозиций, комплектование библиотек книгами по истории геноцида и принудительного содержания населения Беларуси в период нацистской тирании. Не раз доводилось членам этих организаций выступать перед школьниками, студентами, заинтересованными лицами как в Беларуси, так и в Германии. Планы большие, поэтому для их реализации и нужны такие лидеры, как Владимир Парфирьевич Шакутин.

Желание успеха в таком благородном деле для Владимира Парфирьевича Шакутина будет моральной поддержкой на пути формирования новой культуры постижения памяти прошлого бывших узников гетто, концентрационных лагерей и принудительных рабочих.

Было бы не совсем правильным ограничиться только одним именем из огромного количества способных организаторов. Ведь одним из первых на помощь в моем деле пришел Михаил Абрамович Трейстер. Это авторитетный руководитель Белорусского общественного объединения евреев – бывших узников гетто и германских концлагерей. Среди таковых и Регина Александровна Лаврович, которая сплотила вокруг общественной организации «Доля» бывших узников Партизанского района г. Минска. Это и Екатерина Ивановна Люлькина с ее организаторскими способностями проведения ежемесячных встреч бывших узников Советского района г. Минска во время проекта в Исторической мастерской на протяжении трех лет. Как результат – сотни встреч и сотни зафиксированных правдивых историй.

Они опубликованы в книге «Украденные годы». Очень хотелось бы увидеть такое издание и в нашей городской организации малолетних узников г. Минска, которую возглавляет профессор Иван Иванович Саченко. Сердечная благодарность фонду «Хэсэд-Рахамим» за отзывчивость, помощь, понимание и доброту.

Огромную благодарность я выражаю ОО «Минское городское объединение бывших малолетних узников фашизма», ее нынешнему председателю Лизуновой Клавдии Михайловне, Вырвиной Евгении Михеевне и всему коллективу за чуткое, внимательное, доброжелательное отношение ко мне и оказываемую помощь, за материальную и моральную поддержку...

И своей любимой дочери Жуковой Елене.

Особо тепло хочется поблагодарить и руководителя Исторической мастерской Кузьму Ивановича Козака. Не только как редактора и организатора важных мероприятий с ветеранами войны и свидетелями нацистских преступлений, но и заинтересованного в работе документирования наших судеб. Конечно, такую ношу ему одному не осилить. Уважаемые Виктор Федорович Балакирев и Петер-Юнге Вентруп – директора Минского и Дортмудского международных образовательных центров, Леонид Менделевич Левин, председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин – создали условия в Исторической мастерской для реализации таких значимых в нашей жизни проектов и дел.

В Исторической мастерской так много интересного и важного нами сказано. Пусть это послужит истории и памяти войны.

С благодарностью, Мария Жукова.

г. Минск, 2010 г.

ЮБИЛЕИ, ТОРЖЕСТВА, ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Мне часто приходится встречаться со ставшими близкими и родными коллегами по работе. Нами произносились не раз теплые и добрые слова приветствия по случаю юбилеев, семейных торжеств. Здесь приведена только маленькая часть большого диалога нашего общества.

Белорусскому детскому фонду 10 лет

г. Минск, 27 февраля 1998 г.

ДОРОГИЕ СОТРУДНИКИ И АКТИВИСТЫ САМОЙ АВТОРИТЕТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ ДЕТЯМ!

От всей души горячо и сердечно поздравляю вас с 10-летним юбилеем. Я очень горда тем, что столько же лет была вместе с вами, помогала в благотворительных начинаниях. Самое главное достижение Детского фонда, на мой взгляд, это, в первую очередь, сплоченный коллектив единомышленников и бьющиеся в унисон в благородном порыве тысячи людских сердец, готовых творить настоящие чудеса ради обиженных судьбой детей. Я искренне верю: самые значимые события, самые добрые акции и дела впереди. Детский фонд нужен детям и всем нам!

Крепкого вам здоровья, дорогие и уважаемые В.С. Липский, А.В. Трухан, Л.Н. Грамович, Л.Н. Литвинович, И.А. Чернякова, М.Ф. Захарова и др., и дальнейших успехов в вашем кропотливом труде.

Пусть светящиеся счастьем улыбки детей озаряют ваш тернистый путь милосердия и любви!

Ваша Мария Иосифовна Жукова

Трухану Александру Васильевичу 50

г. Минск, 3 января 2004 г.

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ!

Искренне и горячо поздравляю Вас, Человека с большой буквы и удивительно чутким сердцем, с юбилеем!

50 лет – важная и очень знаменательная дата в жизни, когда можно порадоваться собственным достижениям, успехам красавиц-дочерей. Вас окружают любящие близкие, надежные и верные друзья, коллеги по работе.

Находясь в центре важных событий, Вы – общепризнанный лидер, который умеет сопереживать нуждающимся в помощи детям, убитым сединам подранкам войны. Ваши кипучая энергия, скромность и трудолюбие вдохновляют на благотворительность даже самые очерстевшие сердца.

Желаю Вам исполнения самых грандиозных планов, успехов и сладких побед! Здоровья и счастья Вашей семье и процветания Белорусскому детскому фонду!

С уважением

Мария Иосифовна ЖУКОВА

Давыдовой Галине Рудольфовне 70

г. Минск, 31 августа 2000 г.

ДОРОГАЯ ГАЛИНА РУДОЛЬФОВНА!

От всего сердца поздравляю Вас со славным и очень значимым для всех Ваших родных и друзей юбилеем!

Пусть несутся стремглав годы – для меня Вы навсегда останетесь очаровательным и милым Человеком с большой буквы, рядом с которым так хорошо и спокойно, не пугают житейские бури и горести. Я благодарна судьбе за счастливую возможность общаться с Вами, дружить. Знаю, как близко к сердцу воспринимаете Вы мои проблемы, проблемы других, уже седых «детей» военного лихолетья. В Вашем характере – протянуть руку помощи каждому, кто в этом нуждается, ни при каких обстоятельствах не падать духом и даже в самые трудные минуты не переставать радоваться жизни. Вы – сама доброта и мудрость, словно ангел-хранитель, незримо ведете меня по жизни.

Восхищаюсь Вами и горжусь! Желаю Вам, дорогая Галина Рудольфовна, богатырского здоровья, семейного счастья, благополучия и осуществления самых заветных желаний! Хочу, чтобы Ваша чудесная книга, которая вышла в канун юбилея, увидела свет снова и снова, но уже миллионными тиражами.

*Пусть этот день морищинок не прибавит,
А старые разгладит и сотрет,
Здоровье укрепит, от горестей избавит
И счастье в дом надолго принесет.*

*Пусть все цветы к Вашим ногам падут,
Пусть звезды в изумруды превратятся,
Пусть все болезни, горести уйдут,
Пусть в этот день Ваши мечты свершатся!*

С искренним уважением

Мария Иосифовна ЖУКОВА

Дарагія нашы Марыя і Іосіф!

*Муж і жонка – гэта званне,
на дваіх адзіны лес.
Вы жывеце ў каханні,
каб лягчэйшым здаўся воз.
Навучыліся даверу
І ўменню дараваць,
пакланіцца ведаць меру,
Ведаць меру кіраваць!
У вас – вялікая дарога.
Хай лес ратуе ад нягод,
А мы за вас папросім Бога,
Каб даў здароўя і даброт!
Любім вас!
Шануем!
Ганарымся вамі!*

*Супрацоўнікі Беларускага дзіцячага фонду
20 лістапада 1991 г.*

Владимир Алексеевич Шелихин

Заслуженный деятель искусств Владимир Шелихин – диктор радио и телевидения, знаком со многими известными людьми, но написал простые и добрые слова в адрес Марии Жуковой на обложке книги
Сердце помнит...: Книга-альбом. – Минск, 2000. – 224 с.

Мария Иосифовна Жукова!

*Я очень рад, что теперь в ваше бытие войдет моя книга, которая, я уверен, вернет вас в дорогие времена молодости
г. Минск, 6.11. 2000 г.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список бывших воспитанников детских домов Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

1	Абакунчик Галина Калинниковна	1934	1939–1944 Минский д/д № 4 1944–1953 Минский д/д № 7, Семков Городок	узник лаг. воен- нопленных
2	Абаликшта (Шибко) Лилия Ивановна		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
3	Абедина (Мироненко) Людмила Александровна	1941	1946–1951 Минский д/д № 3 1951–1959 Минский д/д № 7	
4	Абрамович (Марецкая) Таиса Антоновна	1941	1952–1957 Минская обл., Новоселковск. д/д 1957–1958 Семков Городок	
5	Абрамчик (Клиновая) Вера Егоровна	1938	1944–1952 Витебская обл., Дубровский р-н, д. Чижовка, д/д	
6	Автушко (Герман) Анастасия Александровна	1932	1945–1947 Титино, Сморгонск., Богдановск., Молодечненск. обл. 1947–1950	
7	Адамович (Горбунова) Галина Александровна	1936	1941–1946 Минский д/д № 3	
8	Адамович (Скобелева) Вера Николаевна	1937	Семков Городок, военное время	узник
9	Айзенштад Вильям Сергеевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
10	Акулич (Жуковская) Тамара Антоновна	1934	1944–1950 Минский д/д № 7	
11	Алейников Иван Андреевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
12	Алекса Мария Васильевна	1937	1944–1952 Меховск. д/д № 19, Витебск. обл.	
13	Александрович (Санукевич) Вера Владимировна	1935	1945–1951 Минск. обл., Тальковск. спец. д/д	узник лаг. Озаричи
14	Александрович Елена Викторовна	1931	1941–1944 Семков д/д № 5, Остропицк. д/д по ул. Коллекторной с 1944	
15	Алексиевич Валентина Ивановна	1938	1946–1955 Могилевский д/д	
16	Алтухов Валентин Алексеевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
17	Алфимов Александр Васильевич	1939	1947–1953 Минский д/д № 8	
18	Ананич (Мишина) Мария Трофимовна	1935	1945–1950 Витебская обл. Краснолучск. д/д	
19	Андрианов Валентин Михайлович		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
20	Андриевская (Кабищер) Лилия Борисовна	1936	1947–1948 Минский д/д № 4 1948–1951 Минский д/д № 7	
21	Антилович (Можейко) Галина Владимировна	1935	1945–1950 Смолевичский спец. д/д	
22	Антифриева (Лазовская) Тамара Петровна	1929	1932 Мстиславль 1941–1946 эваку. в Мордовию, с. Тельниково, д/д	

23	Антонова (Шофман) Елена Ивановна	1934	До 1952 г. Минские д/д № 4, 7 во время войны	узник гетто
24	Антюх (Галиевская) Ада Антоновна		1941–1945 эваку. в Хвалынский Саратовск. обл.	
25	Анцифедова (Горфайн) Ольга Александровна	1923	До войны д/д № 3, Семков Городок, Германия	узник
26	Арефьев Вячеслав Михайлович	1937	1944–1946 Минский д/д № 12	
27	Артамонова (Бачманова) Лидия Владимировна	1937	1945–1953 Минский д/д № 7	
28	Асмаловский Геннадий Николаевич	1938	1944–1950 Брестская обл., Альбертин, Слоним	
29	Асташонок Анна Николаевна	1939	1944–1953 Минская обл., Червенск. д/д № 1	
30	Асташонок Евгений Николаевич	1934	1944–1949 Минская обл., Червенск. д/д № 1	
31	Асташонок Иван Николаевич	1936	1944–1950 Минская обл., Червенск. д/д № 1	
32	Атрашевич (Белинкова) Янина Казимировна	1935	1942–1952 Минская обл., Конюки, Слуцкий детприемник	
33	Атрохова (Карпович) Елизавета Константиновна	1928	1938–1943 Белоберезовский д/д, Брянская обл.	родители репрессиро- ваны
34	Бабицкая Нина Александровна	1929	1937–1944 Минский д/д № 5	
35	Бабук Анна Константиновна	1934	1945–1948 Тальковский д/д	
36	Бабук Мария Тимофеевна	1937	1948–1953 Минский д/д № 8	
37	Баранов Владимир Степанович	1931	1941–1942 Минский д/д № 5 1942–1943 Минский д/д № 3 1943–1944 д/д № 2, 7 1944–1945 Германия	узник
38	Баранова (Городецкая) Людмила Александровна	1942	1953–1954 Минский д/д № 7	
39	Баранова (Иванова) Вера Степановна	1931	1938–1941 Минский д/д № 5 1941–1944 Германия	узник
40	Барановская (Петкевич) Феня Павловна	1934	1947–1949 Бабцевский д/д, Бегомльский, Борисовский д/д	
41	Барановская (Шаплько) Татьяна Константиновна	1937	1944–1953 Паричи, Конюховский, Бобруйск	
42	Барановская Зинаида Павловна	1935	1946–1950 Червенский, Пугачево, Бегомльский р-н	
43	Барановский Николай Никифорович	1944	1952–1962 Минские д/д № 3, 8	
44	Батурич Ким Афанасьевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
45	Батуричский Владимир Владимирович	1944	1944–1960 Борисов, Новогрудский, Грудопольский, Ястрембельский	
46	Батушкина (Куклова) Тамара Васильевна	1942	1947–1958 Червенский д/д	
47	Бачуро (Лисовская) Лидия Васильевна	1937	1947–1950 Пугачевский д/д 1950–1952 Червенский д/д	
48	Башнев Вилий Иосифович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	

49	Безбард Эдуард Владимирович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
50	Бейманова (Ахраменко) Надежда Ивановна	1936	1944–1951 Брестская обл., Домачевск. д/д	
51	Белая (Семенюк) Анелия Федоровна	1938	1945–1952 Любанский д/д, Минская обл.	
52	Беленович Станислав Казимирович	1932	1942–1947 Минская обл., Конюки, Слуцкий д/д	
53	Беленович Франц Казимирович	1932	1942–1947 Минская обл., Конюки, Слуцкий д/д	
54	Белоусов Владимир Афанасьевич	1934	1941–1942 Минский д/д № 3 1942 – Минский д/д № 2, Красивый пер.	
55	Бельская Валентина Антоновна	1940	1945–1953 Сенненский д/д № 22, Витебская обл.	
56	Беляй (Леонович) Людмила Михайловна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
57	Бендь (Жулевич) Надежда Ероховна	1933	1944–1949 Могилевская обл., Круглянск. д/д	
58	Берестень Иван Иванович	1935	1944–1949 Потейково, Бешенковский д/д № 12	
59	Берникович (Слизевич) Евгения Борисовна	1934	1946–1952 Любанский д/д	
60	Берникович Мария Борисовна	1939	1945–1956 Любанский д/д	
61	Билида (Земцова) Валентина Евдокимовна	1930	1942–1944 Волгогр. обл., Николаев. р-н, с. Политотделовское, д/д	
62	Бируля Александр Николаевич	1929	1941 п/д «Бобр», эваку. в Борское, Куйбышская обл., д/д № 15	
63	Блех Георгий Иосифович	1930	1941–1944 Минский д/д № 3	узник
64	Блецко (Качан) Любовь Антоновна	1940	1945–1956 Барковшин д/д, Витебская обл.	
65	Блинков Василий Аврамович	1935	1947–1953 Круглянский д/д, Могилевская обл.	
66	Блистанова Алла Михайловна		Минский д/д	
67	Бобрович (Рубина) Раиса Ивановна	1934	1944–1950 Гродненская обл., Альбертин. д/д № 1	
68	Бобрик Любовь Михайловна	1933	1941–1944 Кузнецк, Пензенская обл., д/д № 18	
69	Богатыренко (Трепашко) Владимир Степанович	1939	1946–1954 Минский д/д № 8	
70	Богданов Иван Иванович	1930	1941–1942 д/д № 5 на Торговой ул. 1942–1943 Дрозды 1943–1944 д/д № 3, 2 Красивый пер.	
71	Богданова (Лозанова) Зоя Михайловна	1940	1944–1946 Минская обл., Залесский детприемник 1946–1957 Воронянский д/д	
72	Богунова (Рыжкова) Тамара Кузьминична	1940	1942 Минский д/д № 3	
73	Богуш (Радкевич) Тамара Ивановна	1943	1949–1950 Минский д/д № 3 1950–1960 Минский д/д № 7	
74	Болтач Георгий Иванович	1936	1945–1947 Семков Городок 1947–1950 Червенский д/д № 2	

75	Бомштейн Аркадий Борисович	1940	1948–1956 г. Николаев, Украинский д/д	
76	Бондарчик (Максимова) Майя Прокопьевна	1938	1941–1944 д/д № 3	
77	Борисовская (Нестеренко) Лариса Ивановна	1944	1956–1960 Минский д/д № 8	
78	Боровская (Ивандикова) Александра Григорьевна	1932	1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
79	Бороденко Иван Владимирович	1929	1941–1943 Могилевская обл., Бельничский р-н, Шиловский д/д	
80	Борташевич Изабелла Григорьевна	1929	1941–1944 Красногородецк, Саратовск. обл.	узник
81	Ботян (Жуковская) Элеонора Антоновна	1933	1945–1948 Минский д/д № 7	
82	Бояркина (Осипович) Надежда Дмитриевна	1935	1946–1947 Витебская обл., Бабиничск. д/д	
83	Брайков Виктор Семенович	1932	1944 Витебский депприемник	
84	Бриш (Преображенская) Любовь Ивановна	1937	1943–1952 Минские д/д № 4, 7	
85	Булойчик Александр Петрович	1940	1951–1958 Червенский д/д № 1	
86	Булышко (Макальская) Галина Павловна	1935	1939–1941 Ратомка 1941–1943 Семков Городок, д/д	
87	Буракова (Кишно) Ольга Николаевна	1944	1952–1954 Камышинский д/д	
88	Буров Александр Иванович	1941	1953–1960 Минский д/д № 8	
89	Бусел (Добыш) Лидия Васильевна	1935	1945–1950 Минская обл., д/д № 14	
90	Бусел (Неизвестная) Галина Ивановна	1939	1942–1955 Карловщина, Антоново д/д Смоловка, Витебская обл., Гольшаны, Молодечненская обл.	
91	Бутер (Берникович) Любовь Борисовна	1935	1945–1953 Любанский д/д	
92	Бухан (Асмакова) Мира Михайловна	1940	1945–1954 Минский д/д № 8	
93	Вавилова Зинаида Андреевна	1933	1940–1941 г. Гомель 1941–1945 г. Бузудук, Оренбург. обл. 1945–1954 ст. Ак-Булак	
94	Валюк (Шитько) Мария Мартыновна	1933	1941–1946 Червенский д/д	
95	Василевская (Аникеева) Мария Андреевна	1934	1947–1952 Брестская обл., Погост, Загородск. д/д, Пинск, Логичен. р-на	бывший корр. «Звезды»
96	Вензель Владимир Петрович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
97	Вербицкая (Асмакова) Земфира Михайловна	1937	1945–1953 Минский д/д № 8	
98	Вержинский Эрнест Збигневич	1940	1947–1953 Лепельский д/д, Витебская обл.	
99	Викулов Александр Алексеевич	1935	1944–1951 Владимирская обл., д/д № 1	

100	Вильд (Дятко) Лилия Ивановна	1942	1946–1950 Минские д/д № 8, 7	
101	Виноградова (Буковская) Виктория Ивановна	1927	1932–1941 Минский д/д № 1 1941–1942 Семков Городок	узник
102	Власевич (Казеко) Зинаида Михайловна	1940	1946–1954 Греск. д/д	
103	Власов Игорь Владимирович	1944	1945–1955 Минский д/д № 8	
104	Власова (Живица) Анна Людвиговна	1936	1945–1952 Любанский д/д, Минская обл.	
105	Вовна Николай Павлович	1930	1941–1942 Минский д/д № 5 1942–1944 Острошицкий Городок 1944–1946 Минский д/д № 12	
106	Вогр Надежда Силантьевна	1936	1946–1951 Витебская обл., Краснолуцк. д/д	
107	Войницкая Геннадия Никитовна	1938	1944–1953 Плещеницы, д/д № 2	
108	Войтеховский Евгений Анатольевич	1937	1944–1952 Пирович. д/д Жлобинский р-н, Гомельская обл.	
109	Вол Наум Ефимович	1935	1943–1950 Татария, Мальшево, д/д 76, Матьки, д/д № 6	
110	Волкова (Терешко) Галина Ивановна	1941	1942–1949 Минский д/д № 3 1949–1957 Червенский д/д	
111	Волоханович (Хасиневич) Александра Яковлевна	1940	1944–1946 Минский д/д № 3 1946–1956 Минский д/д № 7	
112	Вольнко (Мандрик) Зинаида Ивановна	1935	1946–1952 Минские д/д № 3, 12	
113	Вольминская Софья Семеновна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
114	Воробьев Николай Адександрович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
115	Воробьева (Зеленкова) Галина Павловна	1930	1942–1943 детприемник, д/д № 1 по ул. Широкой 1943–1944 Минский д/д № 3 1944 Минск, д/д № 2, Красивый пер.	
116	Воронов Леонид Петрович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
117	Воронова (Бируля) Регина Николаевна		1941 п/д «Бобр», эваку. в Борское, Куйбыш. обл., д/д № 15	
118	Гаврилина (Галковская) Мальвина Егоровна	1933	1945–1949 Сморгонский д/д, Титино	
119	Галиченко (Матиевская) Раиса Ефимовна	1935	1944–1947 Бочейск. д/д, Витебск. обл. 1947–1951 Минский д/д № 7	
120	Ганцук (Бабич) Евгения Константиновна	1932	1943–1949 Ульяновск. д/д, Вязьинский д/д, Гольшан. д/д	
121	Гарбузович Михаил Сергеевич	1943	1953–1961 Миклашевич. д/д, Брестск. обл.	
122	Гарбузова (Драль) Нина Харитоновна	1934	осень 1944 Березинский д/д, Шкловский р-н, Могилевская обл.	
123	Герасименко (Караваевская) Алла Семеновна	1935	1946–1947 Свислочский д/д 1947–1951 Поречье	
124	Гербовицкая Нелла Максимовна	1934	1943–1951 Минские д/д № 4, 7, училась в Минском д/д № 4 на Осоавиахимовской	узник гетто

125	Герман Анастасия Александровна	1932	1945–1950 Богдановский д/д Вилейский р-н, Минская обл.	
126	Герман Вилен Васильевич	1934	1948–1949 Староборисовский д/д	
127	Глазкова Галина Владимировна	1936	1943–1952 Адампольский д/д	
128	Глушенкова (Витковская) Галина Александровна	1932	1941 – эвак. из п/л «Бобр» в Борское, Куйбыш. обл., д/д № 15	
129	Глушечкая (Ахромчик) Лидия Серафимовна		1941–1945 эвак. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
130	Глушкова (Михасева) Галина Артемьевна	1938	1944–1945 Могилевский д/д 1945–1953 Столбцы	
131	Головацкая (Кудлач) Елена Константиновна		1941–1945 эвак. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
132	Головаченко (Кириковская) Нина Прокофьевна	1937	1945–1952 Переволочнян. д/д, Витебск. обл.	
133	Головина (Прудник) Екатерина Илларионовна	1934	1945–1953 Слонимский д/д	
134	Голодницкий Абрам Михайлович	1929	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
135	Голуб Нина Наумовна		1941–1945 эвак. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
136	Голубева (Гурская) Галина Васильевна	1939	1943–1949 Слуцкий спец. д/д, Минск. обл.	
137	Голубева Ирина Давыдовна	1939	1942–1946 Минский д/д № 2	
138	Голубицкая (Шилай) Лидия Тимофеевна		1941–1945 эвак. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
139	Гольберг Иосиф Семенович	1933	д/д № 1, Хвалынк, Саратовская обл.	
140	Голянтич (Бильдюк) Зинаида Сергеевна	1932	1941–1946 Минский д/д № 3	
141	Голянтич Галина Сергеевна	1938	1941–1946 Минский д/д № 3	
142	Голянтич Михаил Сергеевич	1938	1941–1946 Минский д/д № 3	
143	Гончаров Тимофей Петрович	1928	1941–1942 Татарстан	родители репрессированы
144	Гончарова (Миронова) Александра Степановна	1928	1941–1942 Татарстан	родители репрессированы
145	Гончарова (Шалафан) Екатерина Тимофеевна	1934	1944–1950 Дятловский спец. д/д № 1	
146	Городецкая (Акулова) Вера Макаровна	1936	1947–1953 Пинский д/д, Погост	
147	Готин Михаил Тарасович	1941	Любанский спец. д/д, Минская обл., 1941–1949 м. Липень, Осипов. р-н, Могилевская обл.	
148	Готина Мария Тарасовна	1938	1950–1959 Любанский спец. д/д, Минск. обл.	
149	Граблева (Юдович) Вера Аркадьевна	1939	1948–1957 Миклашевичск. д/д, Брестск. обл.	
150	Гречихин Владимир Иванович	1933	1944–1948 Круглянский д/д, Могилевск. обл.	

151	Гречихин Сергей Иванович	1934	1944–1948 Круглянский д/д, Могилевск. обл.	
152	Грибович Бетя Анатольевна	1939	1943 Минский д/д № 3	узник гетто
153	Гриневич (Барташевич) Тамара Григорьевна	1941	1953–1960 Минский д/д № 8	
154	Гринько (Лявоха) Наталья Филипповна	1935	1944–1950 Дятловский спец. д/д № 1	
155	Грицевич (Саморосенко) Варвара Сергеевна	1937	1944–1953 Смольян. д/д, Витебская обл., Кохановск	
156	Гриценко (Красногир) Татьяна Петровна	1938	1942–1952 Червенский д/д № 1	
157	Гришина (Ботвинник) Татьяна Борисовна	1932	1941–1948 Шей-Майдан, Мордовия, Атяжевск. р-н, д/д № 8	
158	Грузнов Валерий Иосифович	1942	1947–1948 Михалк. д/д 1948–1954 Воложинский д/д	
159	Грушевская (Смеровская) Мария Ивановна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
160	Губанов Александр Васильевич	1939	1943–1947 Минский д/д № 3	
161	Гудай Борис Борисович	1941	1948–1954 Новоселки, Дзержинский р-н, Минская обл.	
162	Гудзик Владимир Федосеевич	1929	1941–1943 Острошицкий д/д.	участник парти- занского движения
163	Гудыно Виктор Александрович	1932	1941–1942 Дрозды 1942–1944 Минский д/д № 4 1944–1946 Минский д/д № 12 1946–1948 Острошицкий д/д	фронтовик
164	Гулевич (Колосинская) Жанна Александровна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
165	Гуль (Соскина) Лилия Борисовна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
166	Гуревич (Патеко) Анна Залмановна	1939	1942–1945 Минский д/д № 3, из гетто	узник гетто
167	Гусак (Середина) Зинаида Павловна	1928	1941–1944 Берестень, Минский д/д по Извозной ул. 1941–1945 Полоцкий д/д, Витебская обл., Кохановск	
168	Гутовец (Костаненко) Валентина Кирилловна	1930	1945–1946 д/д Окса 1946 Браславский д/д	
169	Давидович Юлия Федоровна	1936	1945–1950 Борисовский д/д	
170	Давыдова Галина Рудольфовна	1930	1943 детприемник на ул. Широкой, Германия, Минское гетто	узник гетто и концагеря
171	Давыдовская Раиса Михайловна	1939	1949–1954 Червенский д/д	
172	Давыдов Александр Давидович	1929	1941–1945 на Урале 1945–1947 Дятловск. спец. д/д № 1, Гродненская обл.	
173	Далькова (Бычкова) Татьяна Васильевна	1928	1933–1943 Червенский д/д, 1943–1945 Германия	узник

174	Данилова Надежда Николаевна	1935	1943–1950 Бобруйский д/д, Крупский р-н	
175	Данюшенкова (Сокольчук) Тамара Яковлевна	1935	1943 д/д Семков Городок	
176	Дегтярева Татьяна Ивановна	1942	1945–1947 Минский д/д № 8 1947–1951 Минский д/д № 3 1951–1960 Минский д/д № 7	
177	Дедюля Николай Константинович	1932	1944–1948 Семков. д/д, Минская обл.	
178	Демидов Александр Андреевич	1934	1941–1946 Германия 1946–1953 Минский д/д № 12	узник
179	Демидович Ольга Васильевна	1928	Червенский д/д	
180	Денисевич (Пальговская) Анна Андреевна	1930	1943–1944 Германия, Замосточье, Витебская обл.	узник
181	Дзмитродан (Калиновская) Майя Арсентьевна	1934	1939–1941 Евпатория, Тиберда, 1941–1944 Смолевичский д/д, Минская обл.	
182	Дзмитродан Григорий Вениаминович	1933	1941–1944 Смолевичск. д/д, Минск. обл.	
183	Дикун Нина Ивановна	1934	1950–1952 Борисовский д/д	
184	Дикушин Анатолий Михайлович	1929	1941–1945 Минский д/д № 3, 2, Красивый пер.	узник гетто
185	Дишева (Полянина) Софья Степановна	1940	1941–1953 Бойчеков. д/д, Витебская обл.	
186	Дмитрук Евгений Владимирович	1942	1944–1946 Дрогичинский д/д 1946–1958 Пинский д/д	
187	Дмитрук Михаил Тихонович	1940	1944–1950 Пинск, Столинский д/д	
188	Добрицкий Вячеслав Андреевич	1939	1947–1952 Борисовский д/д	
189	Добыш (Шебетова) Лилия Даниловна	1941	1941–1950 Лепельский д/д, Витебская обл.	
190	Добыш Виктор Васильевич	1934	1941–1950 Чеховский д/д, Первомаи	
191	Добыш Виталий Иосифович	1935	1944–1945 Бобцы (Бегомль) 1945–1949 Смолевичи, д/д	
192	Добыш Николай Васильевич	1941	1945–1950 Чеховский д/д, Первомаи	
193	Долгих Николай Яковлевич	1936	1947–1953 Червенский спец. д/д № 1, Минская обл.	
194	Дороганова (Братская) Галина Петровна		1941–1944 Борск. д/д № 15, Куйбышевск. обл.	
195	Дорош Анна Марковна	1927	С малых лет Самохвалов. д/д, Минск. обл.	узник
196	Дорошевич Энгель Константинович	1931	1941 из п/д Тальки эваку. в Кузнецк, Пензенская обл.	
197	Дорум Исаак Лазаревич	1933	1941–1945 эваку. Горьковскую обл., Пижменский д/д	
198	Драгун (Асташонок) Алла Николаевна	1932	1944–1948 Червенск. д/д № 1, Минск. обл.	
199	Древотень Зоя Адамовна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
200	Дроздова (Куприянец) Зинаида Николаевна	1937	1944–1945 Минский д/д № 2 1945–1952 Минский д/д № 7	

201	Дубаневич Валерий Игнатович	1942	1946–1960 Минские д/д № 7, 8	
202	Дубенская (Добрицкая) Ядвига Андреевна	1938	1947–1952 Борисовский д/д	
203	Дукачева (Богачева) Вера Назаровна	1938	1944–1946 Горецкий д/д, Могилевская обл.	
204	Дурец (Дагман) Берта Яковлевна	1935	1941–1951 Пижемский д/д, Горьковск. обл.	
205	Душняк (Ласькова) Лидия Александровна	1938	1941 Украина 1941–1945 Хвалынский, Саратовск. обл. 1946–1952 Минский д/д № 7	
206	Дятко (Батурова) Галина Ивановна	1937	1945–1952 Минский д/д № 8	
207	Дятко Ирина Федоровна	1937	1949–1954 Новоселки, Дзержинский р-н, Минская обл.	
208	Евменчик (Шишпор) Лидия Никифоровна	1938	1944–1945 Крупский р-н, Бобруйск	
209	Евстратова (Пантюк) Маргарита Ефимовна		1941 Борск. д/д № 15, Куйбышевская обл.	
210	Егоренкова (Дашикина) Мария Сазоновна	1932	1945–1949 Преображенский д/д, Смоленская обл.	
211	Егорова Светлана Константиновна	1938	1944–1952 Трилесенск. д/д № 7, Бельничский р-н	
212	Ерикалина (Королева) Диана Алексеевна	1936	1942–1945 из Ленинграда вывезли в Свердловскую обл., д/д «Северный»	блокадник
213	Ермакова Нина Васильевна	1944	1949–1950 Минский д/д № 3 1950–1954 Минский д/д № 8 1954–1962 Минский д/д № 7	
214	Ерох Андрей Фомич	1942	1946–1959 Краснолукск. д/д, Витебск. обл.	
215	Ерох Нина Фоминична	1938	1945–1951 Краснолукск. д/д, Витебск. обл.,	
216	Жаворонок Владимир Матвеевич	1929	1944–1945 Плещенич. д/д, Минская обл.	
217	Жаголкин Константин Семенович	1938	1945–1946 Мотинск. д/д, Новогрудок	узник
218	Жаголко (Золотухина) Людмила Дмитриевна	1943	19_– 1952 Миньяр, Катов-Ивановск, Миас, Челябинская обл.	
219	Жданова (Алсуфьева) Валентина Семеновна		1941–1949 Казахстан	
220	Жебрович Михаил Николаевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
221	Жизневская (Великая) Людмила Викторовна	1929	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
222	Жилина (Гриженлевская) Янина Михайловна	1930	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
223	Жилинская Анна Николаевна	1937	1944–1954 Калинковичи, Гомельская обл.	узник лаг. смерти Озаричи
224	Жук (Кирильчик) Софья Николаевна	1938	1942–1948 Минский д/д № 4 на ул. Торговой 1948–1952 Минский д/д № 8	
225	Жуков (Абрамовщик) Роман Григорьевич	1937	1941–1952 Минский д/д № 1, Борисовский д/д № 3	
226	Жукова Валентина Петровна	1933	1941–1944 Семков Городок	узник

227	Жукова Мария Иосифовна	1939	1941–1942 Минское гетто 1942–1948 Минский д/д № 3 1948–1954 Минский д/д № 12 1954 – Минский д/д № 8	узник гетто
228	Жулевич Виктор Ерохович	1935	1944–1950 Круглянский д/д, Могилевская обл.	
229	Журавский Николай Павлович	1940	1951–1954 Мальковичский д/д, Ганцевичский р-н, Брестская обл.	
230	Зайцева (Моисеенко) Леся Александровна	1943	1953–1959 Сенненский спец. д/д № 22, Витебская обл.	
231	Зайцева Серафима Васильевна	1929	1939–1944 Ненекса, Приморский р-н, Карельской АССР	
232	Зарецкая (Зайцева) Зинаида Александровна	1941	1953–1958 Сенненский спец. д/д № 22, Витебская обл.	
233	Зарецкая (Шмарловская) Надежда Тихоновна	1938	Березино, Минская обл.	
234	Зарицкий (Харитонов) Виктор Григорьевич	1940	1941–1948 Минский д/д № 2	
235	Захаревич Тамара Васильевна	1937	1945–1946 Минский д/д № 11 1946–1952 Минский д/д № 7	
236	Захарченя Михаил Михайлович	1945	1958–1966 г.п. Микашевичи, Брестск. обл.	
237	Заянчковский Анатолий Игнатьевич	1929	1941–1943 Шей-Майдан, Мордовия	
238	Заяц Прасковья Васильевна	1938	1942–1944 Семков Городок	
239	Звадинская Ольга Чеславовна	1939	1944–1954 Минский д/д № 7	
240	Зенчковская (Саморосенко) Елена Сергеевна	1938	1944–1953 Смольянский д/д, Витебская обл.	
241	Зинкевич Роза Сергеевна	1939	1944–1954 Дукорск. д/д	
242	Зинченко (Мазаник) Лариса Михайловна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
243	Золоторенок Софья Петровна	1937	1944–1952 Минская обл., Смолевичск. р-н, д/д Тодулино	
244	Зув Эдуард Афанасьевич	1940	1941–1945 Минский д/д № 3	
245	Зятков Федор Андреевич	1932	1942–1948 Семков Городок	
246	Зяtkова Александра Алексеевна	1938	1942–1944 Семков Городок 1944–1948 Минские д/д № 3, 7	
247	Иваницкая (Корнейчик) Тамара Ивановна	1936	1945–1951 Краснолукск., Холопеничск. р-н	
248	Иванова (Тарасик) Раиса Сергеевна	1935	1941–1946 Минский д/д № 3 1946–1952 Минский д/д № 12	
249	Иванова (Кабищер) Валерия Борисовна	1942	1946–1954 Минский д/д № 8	
250	Иванчик (Зельдина) Анна Александровна	1938	Из гетто, Минский д/д № 3	узник гетто
251	Ивашко Светлана Семеновна	1940	1945–1947 Мирский д/д 1947–1948 Минский д/д № 4 1948–1950 Минский д/д № 12	
252	Игнатович (Ахраменко) Татьяна Ивановна	1940	1943 Озаричи, Датчан, д/д Мозыря	узник
253	Игоренко Нина Павловна	1934	1944–1947 Пиревич. д/д, Гомельск. обл.	

254	Изотов Виктор Гаврилович	1927	1941–1944 эваку. в Джамбул, Казахстан, к-з «Сурат», Миркен. д/д	
255	Ильин Леонард Владимирович	1935	1943–1944 Минский д/д на ул. Широкой 1944–1949 Новоборисовский д/д	
256	Июльская Надежда Илларионовна	1943	1946–1960 Минские д/д № 3, 7, 8	
257	Кадымова Елена Михайловна	1942	1942–1959 Браславский д/д грудн. ребенка	
258	Казак (Варакса) Лидия Викентьевна	1939	1945–1955 Новоселковский д/д, Дзержинский р-н, Минская обл.	
259	Казак (Жабровская) Нина Иосифовна	1935	1944–1953 д/д №3, Веселово, Витебск. обл.	
260	Казюциц (Мотуз) Галина Петровна	1936	1945–1953 Пухович. д/д, Червенский д/д, Семково	
261	Календо Ксения Петровна	1931	1944–1948 Семков Городок	
262	Калинина Алла Михайловна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
263	Калиновская Тамара Яковлевна	1941	Пиревичский д/д, Гомельская обл.	
264	Калманович Кира Жоньевич	1935	1941–1943 Минский д/д № 7	узник
265	Каминский Джон Антонович	1938	1943 Минский д/д № 1 на ул. Широкой	
266	Камодей Анна Ивановна	1935	1944–1951 Калинковичи, Гомельская обл., спец. д/д	
267	Кандыбович Лев Александрович	1934	1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
268	Кантор Виктор Аскарлович (Жуков Виктор Александрович)	1928	01.1943–06.1943 Минский д/д № 3, 06.1943 – Семков Городок и д/д на ул. Лодочной	узник гетто
269	Канторович Борис Львович	1933	1941–1944 эваку. в Куйбышевск. обл., ст. Тимошова, д/д № 19	
270	Капко Александр Николаевич	1934	1941–1944 Семков Городок	
271	Каплан (Бураков) Роман Борисович	1941	1942–1944 Минский д/д № 3 1944 – Борисов	узник гетто
272	Каплан (Бураков) Семен Петрович	1936	1942–1945 Минские д/д № 3, 2	узник гетто
273	Каплан (Цуранова) Софья Леоновна	1938	1944–1952 Минский д/д № 8	
274	Капля Анна Яковлевна	1941	До 1951 Минский д/д № 3 1951–1958 Минский д/д № 7	
275	Капунова (Ковалева) Татьяна Андреевна	1937	1943–1952 Могилевская обл., Костюков. р-н, д. Муравилье, д/д «Пролетарская Коммуна»	
276	Карабанов Михаил Яковлевич	1931	1942 д/д в Ленинградской обл. 1942–1947 Новогрудок 1947–1949 Слонимский д/д № 1	
277	Карабанова (Симович) Янина Николаевна	1937	1943–1944 детский распределитель, Витебская обл. 1944–1953 Сураж	
278	Каранкевич Надежда Константиновна	1935	1942–1950 Новоселковский д/д, Дзержинский р-н, Минская обл.	
279	Карманова Евгения Николаевна	1941	1946–1956 Гродно	

280	Кармызова Домна Алексеевна	1933	1941–1945 эваку. в Московск. обл., Луктовский д/д	
281	Карницкая (Голубкова) Регина Ромуальдовна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
282	Карпиков Станислав Алексеевич	1930	1941–1943 вывоз. в Пензенскую обл., Кузнецк. д/д из п/д Талька	
283	Карпинович (Куделевич) Валентина Николаевна	1939	1944–1953 Старобинск. д/д, Минская обл.	
284	Карпович Владимир Аркадьевич	1941	1947–1957 Червенский д/д № 1	
285	Карпович Роман Константинович	1930	1938–1943 Белоберезовск. д/д, Брянск. обл.	родители репрессиро- ваны
286	Касперович (Мудряк) Лидия Никифоровна	1939	1952–1959 Минский д/д № 7	
287	Кветко Лиана Петровна	1929	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
288	Кедич (Карпичкова) Александра Прокофьевна	1935	1945–1954 Бусловский д/д, Мядельский р-н, Минская обл.	
289	Килерьян Иван Иванович	1933	1946–1951 Смолевичский д/д	
290	Кипаридзе (Малиновская) Нина Владимировна	1943	1943–1945 Ратомка 1945–1951 Тростенецкий д/д 1951–1957 Червенский д/д	
291	Киселева Мария Дмитриевна	1939	Новоборисов, д/д № 3	
292	Кисель Иван Иванович	1941	1948–1956 Червенский д/д № 1	
293	Кисель Надежда Константиновна	1935	1939–1948 Витебская обл., Боровуха, Быховский д/д 1948–1952 Полоцкий д/д	
294	Кислик (Лойко) Валентина Ивановна	1944	1946–1948 Минский д/д № 3 1948–1955 Минский д/д № 8	
295	Кислик Александр Александрович	1944	1952 Минский д/д № 8	
296	Кислов Николай Владимирович	1932	1941–1945 эваку. в Удмурд. ССР, Саракул, с. Каракульт, д/д № 5	
297	Клецунова (Гишейко) Наталья Константиновна	1936	1941–1944 ст. Тимашовка, Куйбышевская обл., д/д 19	
298	Клопот Александр Савельевич	1937	1945–1950 Михановичи 1950–1956 Василевичи, Речицкий р-н, Гомельская обл.	
299	Клубникова Валентина Ивановна	1934	1947–1950 Александр. д/д, Городецкий р-н, Витебская обл.	
300	Клюева Зинаида Валерьяновна	1941	1945–1953 Минский д/д № 8	
301	Клюкова (Жуковская) Долорес Антоновна	1936	1944–1952 Минский д/д № 7	
302	Князева (Вальминская) Анна Семеновна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
303	Кобелев Афанасий Евсеевич	1935	1944–1950 Дукорский д/д, Минская обл.	
304	Кобелева (Мыслевец) Светлана Васильевна	1937	1944–1952 Дукорский д/д	
305	Ковалев Владимир Степанович	1935	1944–1951 М.Тростенец, Ратомка, д/д	

306	Ковалев Иван Игнатъевич	1934	1943–1948 д. Муравилъе, Костюковичск. р-н, Могилевский обл. спецдетдом	
307	Ковалева Екатерина Федоровна	1934	1944–1950 Дукоры, Руденский р-н, Минская обл.	
308	Коваль (Мелешко) Тамара Антоновна	1938	1944–1948 Минский д/д № 3 1948–1954 Минский д/д № 12	
309	Коваль Нина Владимировна	1937	1946–1954 Дукорский д/д	
310	Кожемяко (Луговская) Раиса Дмитриевна	1939	1944–1958 Червенский д/д № 1	
311	Козлов Виктор Афанасьевич	1939	1947–1953 Минский д/д № 8	
312	Козлова (Пристром) Лилия Иосифовна	1933	1944–1949 Смолевичский д/д, Минская обл.	
313	Козловская (Месилина) Валентина Серафимовна	1936	1942–1951 Семково	
314	Козловская (Щербич) Светлана Самуйловна	1936	1941–1943 эваку. в Пензенскую обл., п. Мошканы	
315	Козловский Виллионет Евгеньевич	1934	1941–1944 Клецк, Ратомка	
316	Козько Виктор Афанасьевич	1937		бело- русский писатель
317	Кокорев Виктор Николаевич	1939	1947–1951 Бегомльскй д/д, Минская обл.	
318	Кокорева (Ставер) Мария Николаевна	1941	1947–1951 Бегомльскй д/д, Минская обл.	
319	Колб (Чучко) Алла Александровна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
320	Колодкина (Жагалкина) Алевтина Ивановна	1936	1944–1952 Лучесовский д/д, Витебская обл.	
321	Коломацкий Леонид Борисович	1939	1943–1944 Пензенск. обл., Кузнецк, д/д № 15	
322	Комаров Егор Александрович	1933	1943–1948 Кляшинск. д/д, Краснополъск. р-н, Могилевск. обл.	
323	Комаровская (Дарош) Мария Петровна	1937	1943–1947 Борисоглебск, Воронежск. обл.	
324	Коновалова Алла Петровна	1939	1944–1954 Великий Любень, Львовск. обл.	
325	Копылов Константин Васильевич	1938	1943–1953 д/д Рязанской обл.	
326	Кордон Игорь Константинович	1932	1941–1944 Семковский д/д 1944–1947 Острошицкий гор.	
327	Коржановский Юрий Андреевич	1936	1941–1944 Борский д/д № 15, Куйбышевская обл.	
328	Кориньяк (Эстранова) Елена Степановна	1938	1947–1954 Могилевская обл., Чериков. р-н, Устьянский д/д, Могилевские д/д № 5, 1	
329	Корнейчук (Крайко) Надежда Павловна	1937	1947 Дукорский д/д	
330	Король (Фарбер) Анна Иосифовна	1927	1941–1942 Ворошиловград, Украина 1942 – Павлодар. обл., с. Чернорепы	
331	Короткевич (Борозна) Галина Ивановна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
332	Корякина (Макаревич) Евгения Васильевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	

333	Косач Николай Михайлович	1944	1949 – Смолевичский д/д	
334	Костевич (Мороз) Мария Петровна	1933	1944–1946 Гостилов. д/д, Минск. обл., 1946–1948 Зыково Минский р-н 1948–1949 Плещеницы	
335	Костомарова Валентина Антоновна	1932	1941–1944 ст. Неприк, д/д № 15, Куйбышевская обл.	
336	Косточко София Васильевна	1928	1933–1941 Смоленский д/д № 2, Оршанский р-н, Витебская обл.	узник
337	Костюкевич (Баркун) Нина Петровна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
338	Костяк Галина Дмитриевна	1930	1941–1944 Волгоградская обл. Вязов. з/с-з, Б. Пруды, вывезен. из п/л Королев Стан	
339	Косырев Олег Иванович	1945	1953–1961 Петриков, Гомельская обл.	
340	Котловский Василий Федорович	1938	в годы войны д/д Славянский, Славное	
341	Кошинова (Белоусова) Екатерина Филипповна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
342	Кравец Лев Абрамович	1930	1944 – Минский д/д № 12	узник гетто
343	Кравульская (Шекунова) Лариса Вячеславовна	1939	1946–1956 Минский д/д № 8	
344	Краева (Аринич) Зоя Тимофеевна	1939	1946–1956 Плещенич. д/д, Минская обл.	
345	Крапина (Левина) Майя Исааковна	1935	1944–1953 Талька, д/д № 4	узник гетто
346	Красовская Зинаида Ивановна	1938	1941–1946 Казахстан, г. Кызыл-Орда	
347	Крезо (Собова) Галина Леонидовна	1929	1941–1944 ст. Неприк, д/д № 15, Куйбышевская обл.	
348	Кривошеев Николай Федорович	1934	1943 Адампольский д/д, Гродненская обл.	
349	Красовская (Позняк-Додина) Раиса Григорьевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
350	Крупенько (Захаревич) Лариса Васильевна		1941–1944 Борский д/д № 15, Куйбышевская обл.	
351	Крупенькова Валентина Николаевна	1929	1942–1944 Речицкий д/д, Гомельская обл.	родители репрессиро- ваны
352	Крыжевская Валентина Афанасьевна	1935	1943–1952 Меховский д/д № 19, Езерище, Витебская обл.	
353	Крюк Нина Александровна	1942	1944–1954 Минский д/д № 7	
354	Куделько (Шацкий) Владимир Нисанович	1939	1941–1944 Минский д/д № 3	узник гетто
355	Кузнецова (Люতারевич) Кира Александровна	1936	1945–1951 Новоселковский д/д, Дзержинский р-н, Минская обл.	
356	Кузнецова (Татур) Эмма Францевна	1944	1950–1960 Минские д/д № 7, 8	
357	Кулягов Виктор Васильевич	1937	1942–1947 Новогрудок, Слоним, Альбертин	
358	Кулягова Людмила Васильевна	1930	1942–1947 д/д Семково, д/д Роговка, Ленинградская обл., Новогрудок, Слоним, Альбертин	

359	Куманяева (Красногир) Нина Александровна	1928	1930–1943 Червенский д/д	узник
360	Кундик Владимир Иванович	1936	1943–1957 Семков Городок	
361	Купкевич (Свирко) Надежда Александровна	1935	1947–1957 Минская обл., Борисовский д/д № 2	
362	Куприянец (Рыженкова) Галина	1944	1946–1960 Минский д/д № 7	
363	Куреньков Борис Андреевич	1943	1944–1948 Минский д/д № 3 1948–1958 Минский д/д № 7	
364	Курс Ольга Яковлевна	1926	Минская обл., Краснолуцкий д/д	
365	Курто (Зубачева) Людмила Сафроновна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
366	Курьян (Дудко) Татьяна Николаевна	1930	1941–1944 вывез. из п/л Городище, Мордовия, с. Шей-Майдан, Атяшевск. р-н	
367	Лавренкова Нина Петровна	1937	1942–1944 Минский д/д № 3, 1944–1945 Минский д/д № 4, 1945–1954 Минский д/д № 7	
368	Лаврова (Клевцова) Татьяна Павловна	1934	1943–1944 д/д на ул. Широкой 1945–1946 Минский д/д № 7	узник
369	Ладик Галина Анатольевна	1936	1947–1952 Минские д/д № 4, 8	узник
370	Ладутько (Якубова) Софья Петровна	1936	1944–1954 Бочейковский д/д, Бешенкович. р-н, Витебская обл.	
371	Лазарева Нина Михайловна	1945	1950–1963 Барковщина, Лиозно, Витебск. обл.	
372	Лапаревич Анатолий Васильевич	1940	1944–1956 Червенский д/д № 1	
373	Лебедевич (Капралова) Сталина Ивановна	1934	1941–1945 Минские д/я № 1, 4, 1945–1948 Минский д/д № 7	узник
374	Левин Григорий Моисеевич	1935	1941–1950 Саратов, Аркадак, д/д № 2, Минский р-н, Плещеницы	узник гетто
375	Лелешко (Иванькова) Нина Николаевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
376	Лемешева (Звадинская) Алла Цедриковна	1935	1944–1954 Минский д/д № 7	
377	Леонова (Шестова) Тамара Романовна	1935	1944–1951 спец. д/д № 28, Витебская обл., Бешенков. р-н, М. Островна	
378	Леонович Дарья Степановна	1934	1944–1949 Докшицкий д/д, Витебская обл.	
379	Леонович Михаил Иосифович	1938	1943–1944 Минский д/д № 3	
380	Летохо Любовь Сергеевна	1939	1946–1954 Лескович. д/д, Островно, Витебская обл.	
381	Лещинский Александр Кузьмич	1941	1944–1947 Минский д/д № 3 1947–1957 Минский д/д № 7	
382	Лещинский Анатолий Кузьмич	1941	1944–1947 Минский д/д № 3 1947–1957 Минский д/д № 7	
383	Либерман Полина Григорьевна	1934	1942–1944 Минский д/д № 2, Красивый пер. 1944–1949 Минский д/д № 7	
384	Лившиц (Левина) Роза Ивановна	1936	1941–1952 Пижемский д/д, Горьковск. обл.	узник

385	Лисовец (Иванова) Тамара Григорьевна	1941	1945–1956 Червенский д/д № 1	
386	Лисовский Владимир Иванович	1943	1946–1956 Минские д/д № 3, 8, 2	
387	Лобкова Александра Прокофьевна	1944	1947–1952 Браславский д/д № 3	
388	Лойко (Анейчик) Нина Петровна	1932	1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл. из п/л в Ратомке	
389	Лопатина (Стабровская) Валентина Филипповна	1937	1946–1952 Андреевский д/д, Оршанск. р-н, Витебская обл.	
390	Луговцова (Грищук) Мария Ивановна	1936	1949–1950 Воронянск. д/д, Островецк. р-н, Молодечн. обл.	
391	Луктилова (Статкевич) Леокадия Ивановна	1939	1944–1945 Минский д/д № 3 1945–1955 Минский д/д № 7	
392	Лунина Маргарита Львовна	1932	1941–1945 Аркодатск. д/д, Саратовск. обл.	
393	Лыч (Райкова) Нина Антоновна	1938	г. Сапожок Рязанская обл.	узник
394	Лютаревич (Кузнецова) Кира Александровна	1936	1945–1954 Новоселковский д/д, Дзержинский р-н, Минская обл.	
395	Лямперт Евгений Ефимович	1935	1941–1942 Минск. д/д № 3	
396	Лямперт Лев Ефимович	1929	1941–1942 Минск. д/д №3	
397	Лях Викентий Иванович	1941	1948–1957 Червенский д/д № 1	
398	Лях Елена Ивановна	1936	1945–1957 Червенский д/д № 1	
399	Ляхова Анна Филипповна	1938	1944–1950 Дятловский спец. д/д № 1	
400	Мазаник Леонид Михайлович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
401	Мазина Бронислава Абрамовна	1933	1942–1953 Россия, Удмурд. авт. респ., Саракул	
402	Мазур Николай Давыдович	1940	1944–1957 Домановичский д/д, Светлогорский р-н, Гомельская обл.	
403	Макаревич Бронислав Владимирович	1934	1944–1953 Червенский д/д № 1	
404	Макаревич Владимир Владимирович	1939	1944–1953 Червенский д/д № 1	
405	Макаревич Софья Николаевна	1937	1946–1947 Смиловичи 1947–1956 Семков Городок 1944–1950 Минский д/д № 3	
406	Макарова Ирина Аркадьевна	1941	1950–1954 Минский д/д № 12 1954–1958 Минский д/д № 7	
407	Максимов Владимир Прокопьевич	1935	1941–1945 эваку. в Горьковскую обл., ст. Пижда д/д	
408	Малахова (Яськевич) Таиса Александровна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
409	Малиновская (Ляхова) Вера Фоминична		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
410	Мамчиц Юльян Антонович	1931	1941–1942 около Вильнюса, Немчин, д/д Ляурай 1942–1945 у хозяйина 1945–1947 Несвиж. д/д	
411	Манкевич (Яромко) Тамара Ивановна	1938	1946–1948 Семков Городок 1948–1959 Червенский д/д	

412	Мануйлик (Шилак) Татьяна Степановна	1930	1941 д/д № 15, Куйбышевская обл.	
413	Маргеланова Янина Степановна	1933	1937–1947 из Минского дет.приемника отпр. в д/д на Украину	родители репрессиро- ванны
414	Мартынов Сергей Сергеевич	1945	1945–1951 Будслав, Витебская обл. 1951–1961 Крупки, Минская обл.	
415	Марякина Зоя Николаевна	1937	1945–1953 Сенненский д/д № 22	
416	Масалкова Лина Константиновна	1938	1944–1954 Смольянск., Богушевск., Маховск. (Езерище), Витебская обл.	
417	Матусевич Нина Петровна	1950	Минская обл., Клецк, д/д № 2	
418	Матюшкова (Коновалова) Алла Ивановна	1934	1941–1944 Минский д/д № 3	
419	Мацкевич Адам Адамович	1928	1942–1944 Чуваш. ССР, Красноарм. р-н, с. Убеево, д/д № 3	
420	Медведева (Червякова) Зинаида Гавриловна	1935	1945–1950 Ворнанск. д/д, Островецк. р-н, Молодечнен обл.	узник
421	Медведева Лидия Тихомировна	1932	1944–1947 Минская обл., Березинский д/д	
422	Медонова Серафима Петровна	1938	1946–1956 Червенский д/д № 1	
423	Мелешко Геннадий Юльянович	1936	1945–1951 д. Лучицы Дзержинский р-н, Минская обл.	
424	Меломет-Колошина (Бусько) Людмила Наумовна	1930	1941–1944 Кузнецк, Пензенск. обл., д/д № 16	
425	Мельникова (Дерюжина) Лилия Ефимовна	1934	1942–1943 концлагерь Идрица, Псковск. обл., 1943–1948 Краслава, Латвия 1948–1950 Россоны, Витебск. обл. 1950 Минский д/д № 8	узник
426	Метелькова (Васильева) Нина Сергеевна	1942	1954–1960 Минский д/д № 7	
427	Метер (Колотовкина) Евгения Ильинична	1938	1943–1953 Минский д/д № 8	узник гетто
428	Мехов Юрий Борисович	1937	1945–1947 Минский д/д № 1 1947–1948 Борисовский д/д № 3 1948–1952 Борисовский д/д № 2	
429	Мещерякова (Шеститко) Нонна Михайловна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
430	Микульская Светлана Александровна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
431	Микульский Анатолий Александрович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
432	Мингазидинова Галина Константиновна	1939	1944–1945 детприемник, Витебская обл.	
433	Мирохина (Казанович) Галина Семеновна	1935	1946–1950 Пугачевский д/д, Бегомльск. р-н, Червенский д/д № 3	
434	Михалевич (Романович) Регина Фоминична		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
435	Михедо Геннадий Брониславович	1938	1944–1946 Минский д/д № 3, 1946–1953 Минский д/д № 7	
436	Михедо Лариса Брониславовна	1940	1946–1956 Минский д/д № 7	

437	Михневич Антон Казимирович	1926	1937–1942 д/д № 2, 1, 3 Семков Городок	фронтовик
438	Мицкевич Андрей Иосифович	1942	1944–1951 Минская обл., Опшмянский р-н, д. Михалково, д/д	
439	Мишин Анатолий Трофимович	1942	1944–1958 Краснолучский д/д, Воложинский р-н	
440	Можейко Лариса Петровна	1930	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
441	Мончаш Геннадий Давыдович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
442	Морщенок Леонид Сергеевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
443	Москаленко Валентина Митрофановна	1929	1934–1941 Червенский д/д 1941–1945 Германия	узник
444	Муравицкая (Ткачева) Софья Семеновна	1935	1944 Семков Городок	
445	Муравская (Прусенкова) Валентина Максимовна	1938	1943–1945 Могилевская обл., д. Муравилье, д/д «Пролетарская коммуна»	
446	Мурашко (Кулаковская) Мария Дмитриевна	1934	1945–1947 Бабцы 1947–1950 Пугачево 1950 – Червенский д/д № 3	
447	Мушиц-Дедюля Екатерина Константиновна	1936	1943–1947 Семковский д/д 1947–1952 Тальковский д/д	
448	Мызгаев Валерий Васильевич	1939	1941–1944 Минская обл., Слуцкий д/д	
449	Мыслина Антонина Серафимовна	1930	1942–1946 Семково	
450	Надольская (Артимович) Сталина Антоновна	1940	1942–1957 Минские д/д №2, 8	
451	Наранова (Майсюк) Вера Кирилловна	1934	1943–1944 Минская обл., Клецк	
452	Нарейко (Семенкова) Наталья Александровна	1935	Дет. сад от 3-да Кирова, вывез. в пос. Волковичи, ставш. д/д в 1941 г.	
453	Нарейко Владимир Куприянович	1935	1941–1942 Минский д/д № 5, Клецкий д/д, вывез. в Германию	узник
454	Немчинова (Павловская) Валентина Фелициановна	1935	1941 эваку. в Куйбышевскую обл., Борский д/д № 15	
455	Нестерович (Хорамецкая) Елизавета Тимофеевна	1931	1945–1947 Гомельск. обл., Петриковск. р-н, д. Лучицы	
456	Никандрина (Губицкая) Ядвига Станиславовна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
457	Никитская Маргарита Сергеевна	1930	1941–1944 эваку. в Шей-Майдан, Мордовия	
458	Никодимова Зинаида Алексеевна	1937	1941–1944 Ждановичи, д/д № 9, Минский д/д № 3 1944–1945 Германия 1945–1947 Куйбышев. обл., д/д № 2	узник гетто
459	Новиков Юрий Николаевич	1934	1941–1947 Красногорск. д/д, Московск. обл.	
460	Новикова (Кабищер) Светлана Борисовна	1936	1945–1951 Минский д/д № 7	
461	Обухова Светлана Никитична	1935	1941–1948 Минский д/д № 4 на ул. Торговой	

462	Одинцова (Матусевич) Зоя Алексеевна	1932	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
463	Озерский Борис Львович	1935	1942 Минский д/д № 3	узник гетто
464	Окола Мария Кузьминична	1934	1944–1950 Гомельская обл., Калинковичи, спец. д/д	узник лаг. Озаричи
465	Окунев Михаил Михайлович	1946	1959–1961 Барщковский д/д, Грудин. д/д, Могилевская обл.	
466	Окунь Фаина Андреевна	1938	1944–1952 Ликовичский д/д Витебская обл. 1952–1955 Островн. д/д	
467	Ополева (Богданова) Любовь Сергеевна	1937	1946–1953 Лутоса, Витебск. обл., Сирот. с/с, Шумилинский р-н, Лесковский д/д	
468	Орлов Александр Александрович	1935	1945 – Семковский д/д	
469	Павлова (Константинович) Людмила Даниловна	1927	1941–1944 Куйбышевская обл., ст. Неприк. д/д № 15	
470	Панова Раиса Ивановна	1938	1941–1947 д/д в г. Мелитополь, Запорож. обл. 1930 Червенский д/д	
471	Пасынкова (Золотарева) Эмилия Михайловна	1928	1942 Минский д/д 1942 – 1944 Клецкий д/д	
472	Пахомова (Асмоловская) Мария Николаевна	1936	1941–1946 Слонимский д/д, Брестская обл.	
473	Пашкевич Виктория Флорициановна	1934	1945–1950 Борисовский д/д	
474	Пашковский (Куркуло) Владимир Николаевич	1930	1941–1944 эваку. в Волгоградскую обл., Вязовский р-н, с-з «Белые Пруды»	
475	Пашковский Григорий Юрьевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
476	Пеличкин Федор Карпович	1935	1943–1949 Пустынский спец. д/д, Мстиславский р-н, Могилев. обл.	
477	Первяков Эдуард Иванович	1939	1944–1954 Минский д/д № 8	
478	Перский Михаил Файбович	1932	1941–1944 Мордовия, Ичаловский р-н, п/о Кемля, д/д	
479	Петкевич (Барановская) Ксения Павловна	1934	1946–1952 Бабцы, Борисовский р-н	
480	Петрашкевич (Соколовская) Таиса Макаровна	1939	1947–1954 Минский д/д № 8	
481	Петрашкевич Зоя Сергеевна	1928	1942–1944 Калуга	
482	Петрова (Компанец) Лидия Александровна	1938	1941–1943 гетто 1943–1946 Минский д/д № 2 1946–1953 Минский д/д № 7	узник гетто
483	Петрова (Мицкевич) Клара Григорьевна	1940	1944–1948 Мозырский д/д	
484	Петрович Николай Александрович	1941	1945–1947 Червенский д/д 1947–1958 Семковский д/д	
485	Печкова Евгения Яковлевна	1939	1942–1944 Минский д/д № 3	узник гетто
486	Пикулик Владимир Григорьевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
487	Пинская Циля Савельевна	1932	1939–1941 Речицкий д/д 1941–1944 Пермск. обл., Камышин	
488	Пласкунова (Яскевич) Зинаида Яковлевна	1941	1954 Островно, Витебская обл., спец. д/д	

489	Плаускин Константин Кузьмич	1939	1943–1956 эваку. из Ленинграда в Ярославль	
490	Поварова Мария Архиповна	1940	1944–1951 Дубров. д/д, Витебская обл.	
491	Подкопаева Мария Ивановна	1938	1947 Долгиновский д/д	узник
492	Поднос Регина Александровна	1929	1941–1945 Мордовия, Иголковский р-н п/о Кемля, Леспромхоз, д/д	
493	Подобедова (Маринкина) Раиса Семеновна	1937	1947–1953 Минский д/д № 7	
494	Пожарицкая Зоя Григорьевна	1938	1944–1948 Могил. обл., м. Круглое, 1948–1954 Минский д/д № 7	
495	Позняк Татьяна Павловна	1928	1941–1942 Гомельский д/д	
496	Полей (Стадкевич) Галина Ивановна	1940	1944–1945 Минский д/д № 3, 1945–1955 Минский д/д № 7	
497	Поливкина (Зятькова) Анна Аристарховна	1929	1941–1942 Слуцк 1942–1944 Семков Городок	
498	Полок Михаил Лазаревич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
499	Попова (Маляренко) Джемма Григорьевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
500	Попова (Шабуневич) Евгения Антоновна	1924	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	фронтовик
501	Потапова Раиса Григорьевна	1940	1945–1949 Минский д/д № 3 1949–1954 Минский д/д № 12	
502	Пояркова Зоя Ивановна	1930	1942–1943 Семково	
503	Поято (Дерюжина) Тамара Ефимовна	1939	1942–1943 к/лаг. Идрица, Псков. обл. 1943–1948 Краслава, Латвия 1948–1950 Россоны, Витебск. обл. 1950–1957 Минский д/д № 8	
504	Пресс Зяма Мойсеевич	1936	1941–1948 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл., д/д № 1	
505	Прищеп Мария Николаевна	1944	1959 Семков Городок, д/д	
506	Пронина (Балашова) Галина Петровна	1940	1946–1947 Минский д/д № 2, 1947–1959 Борисовские д/д № 3, 1	родители репрессиро- ваны
507	Пронина (Кириковская) Нелли Прокофьевна	1937	1945–1953 Переволоч. д/д, Витебская обл.	
508	Простак Таиса Станиславовна	1930	1941–1945 Мордовия, Иголовск. р-н, п/о Кемля, Леспромхоз, д/д	
509	Протасевич Леонид Залманович	1941	1948–1954 Минский д/д № 7	
510	Протасевич Михаил Залманович	1939	1947–1954 Минский д/д № 7	
511	Рабейчиков Марлен Яковлевич	1932	1941–1944 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл., д/д № 1	
512	Рабцевич Раиса Ивановна	1940	1945–1955 Минский д/д № 8	
513	Равич Григорий Самойлович	1929	07.1941 из лаг. Городище эваку. в Саратовскую обл., пос. Аркадак 1942–1943 к/л Идрица, Псковск. обл.	
514	Рагунович (Дерюжина) Раиса Ефимовна	1937	1943–1948 Краслава, Латвия 1948–1950 Россоны, Витебск. обл. 1950–1952 Минский д/д № 8	

515	Радвинская (Тарасевич) Евгения Васильевна	1933	1941–1944 Семково	узник
516	Радвинский Виктор Иванович	1934	1941–1944 Семково	узник
517	Радюк (Заборенок) Нина Ивановна	1930	1945–1948 Червенский д/д № 1	
518	Радюк (Холодова) Варвара Юльяновна	1929	1941–1945 Зарубецкий д/д № 2, Красноармейск, Саратовская обл.	
519	Разбегаева (Краевская) Неля Семеновна	1937	1942–1944 Краснобережский д/д Гомельская обл. 1944–1952 Минский д/д № 8	
520	Разинькова (Терещенко) Галина Иосифовна	1941	1949–1955 Минский д/д № 12, Тресковщина, Семков Городок	
521	Райко Владимир Владимирович	1932	1941–1943 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
522	Ракова (Шабышова) Валентина Васильевна	1932	1941–1945 Ленинградская обл., Новгородский р-н, п/о Мошенское, д/д	
523	Ракова (Новикова) Анна Иосифовна	1930	1943–1946 Витебская обл., Браславский р-н М. Опса, д/д	
524	Раковская Галина Александровна	1937	1946–1951 Минские д/д № 7, 4, 8	
525	Раковщик Алла Давыдовна	1937	1942–1946 Минский д/д № 2	узник
526	Рамля Михаил Михайлович		1941–1944 эваку. в Куйбыш. обл., Борское, д/д № 15	
527	Ратнер Хана Абрамовна	1941	1948 Смиловичи, Минский д/д № 7	узник гетто
528	Римарович Геннадий Константинович	1939	1946–1954 Червенский д/д № 3	
529	Ритенбаңд Мира Моисеевна	1928	1941–1945 эваку. Куйбышев. обл., Привол. р-н, с. Давыдовка, д/д № 32	
530	Розенфельд Анна Борисовна	1936	1941–1945 Хвалынский д/д № 7 и № 1 Саратовской обл.	
531	Романова Тамара Григорьевна	1938	1945–1952 Минский д/д № 8	
532	Рубан (Спицина) Любовь Ивановна	1938	1945–1954 Рязанская обл., Михайловск. д/д	
533	Русецкий Виталий Николаевич	1938	1941–1944 Минский д/д № 3	
534	Рыбакова (Красногирь) Нина Петровна	1932	1945–1952 Червенский д/д № 1	
535	Рыбаченок Валентина Петровна	1939	1946–1956 Раковский д/д	
536	Рыбаченок Петр Петрович	1939	1948–1956 Сморгонский д/д 1943 – Минский д/д, Газетн. пер.	ранен
537	Рябушкин Петр Владимирович	1941	1943–1960 Ошмяны Гродн. обл., Воложин, Минская обл.	
538	Рябушкина (Мицкевич) Ирина Николаевна	1942	1943–1959 Ошмянский д/д № 9	
539	Рябушко (Фальковская) Галина (Нина) Петровна	1938	1943 – детприемник, Газетн. пер. 1943–1950 Минский д/д № 3 1950–1953 Минский д/д № 8	
540	Савицкая (Непрош) Анна Яковлевна		1941–1944 Куйбышевская обл., Борское, д/д № 15	
541	Савицкая (Стрельчонок) Лариса Петровна	1943	1944–1960 Минский д/д № 3, 7	

542	Савич Зинаида Васильевна	1937	1946–1948 Червенск. спец. д/д № 1	
543	Савченко (Цибульская) Алла (Элеонора) Петровна	1939	1943–1945 Минский д/д № 5, ул. Торговая 1945–1946 Минский д/д № 8	
544	Савченко Александр Петрович	1934	1942–1943 Витебск. обл., Берестень 1943–1945 Минский д/д № 6 1945–1948 Минский д/д № 12	
545	Савчик Владимир Владимирович	1940	1945–1953 Минский д/д № 8	
546	Саонов Леонид Александрович	1932	1944–1952 Витебск. детприемник 1952 – Пинский д/д	
547	Самсончик (Драгун) Майя Антоновна	1939	1944–1957 Минский д/д № 8	
548	Самусевич (Партенкова) Валентина Даниловна	1937	1946–1952 Ряснянский д/д	
549	Санченко Тамара Александровна	1934	1941–1944 Куйбышевская обл., детприемник	
550	Сацук Евгений Артемьевич	1939	1946–1954 Новоселк. д/д Минская обл. 1954–1960 Минский д/д № 8	
551	Сашко Константин Лукич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
552	Саяркина (Белоусова) Мария Константиновна	1939	1945–1953 д/д № 1 Витебска, д. Черница	
553	Светильникова (Барковская) Янина Антоновна	1929	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия	
554	Своятыцкий Анатолий Александрович	1937	Минский д/д № 3 во время войны	узник
555	Севрюков Сергей Степанович	1934	1941–1944 д/д трудов. режима Сталинград. обл., Вязовск. зерносовхоз «Белые Пруды»	
556	Селех Мария Ивановна	1937	1945–1953 Весново, Могил. обл.	
557	Семенова Эмилия Станиславовна	1929	1934–1943 Червенский д/д	узник
558	Семенюк Сергей Николаевич	1939	1942–1953 Гродненск. обл., Слонимский д/д	
559	Сенченко Светлана Калистратовна	1941	1944 г., Подсвиле 1954–1961 Россоны Витебская обл. и Минский д/д № 8	
560	Сеньков Владимир Ильич	1944	1953–1961 Слоним Гродненск. обл., д/д № 1 Альбертин, д/д № 8	
561	Сержантова Людмила Михайловна	1939	1949–1955 Могилевск. спец. д/д № 1	
562	Серова Галина Яковлевна	1931	1941–1944 Куйбышевск. обл., ст. Неприк. д/д № 15	
563	Сечина (Пискунова) Лариса Герасимовна	1933	1938–1941 д/д – приемник 1946–1948 Минский д/д № 7	
564	Сидоренко (Михневич) Зинаида Владимировна	1934	1944–1950 Минская обл., Борисовск. р-н, Лошницкий д/д	
565	Сидорова (Малаховская) Ядвига Ивановна	1929	1941–1946 эваку. в Белосток, Саратов. обл., Вольск, д/д № 2 1942 – Витебск. д/д.	
566	Силенкова (Гапонова) Лидия Куприяновна	1938	Во время войны была вывезена в Прибалтику, Алитус 1945–1955 Минский д/д № 8	
567	Силич (Косач) Нина Михайловна	1936	1947–1951 Бабцы, Бегомльский р-н 1951–1952 ст. Борисов	

568	Синкевич Владимир Николаевич	1933	1941–1944 Куйбышев. обл., Борское, д/д № 15	
569	Синькевич Полина Яковлевна	1935	1944–1952 Щедринск. д/д Гомел. обл.	
570	Синяк Василий Андреевич	1933	1941–1944 Куйбышевская обл., ст. Неприк, д/д № 15	
571	Синяк Мария Адамовна	1937	1947–1955 Минск. обл., Поплавск. д/д	
572	Сиротко Федор Михайлович	1939	1941–1955 г. Витебск, 6-й д/д Московск.; Городок, Лепель, Витебская обл.	
573	Сисинова Ирена Венедиктовна	1930	1941–1944 д/д трудов. реж. Сталинград. обл., Вязовск. з/с-з «Белые Пруды»	
574	Сквернюк Иван Прокофьевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
575	Скуратовский Александр Григорьевич	1932	1940–1947 Червенский д/д № 1	
576	Скурко (Чиркун) Галина Владимировна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
577	Славук (Лисовская) Ядвига Антоновна	1937	1945–1951 Тростенец, Узда, Минская обл.	
578	Смоляк (Бордушко) Нелли Ивановна	1929	1944–1945 Плещеницк. д/д, Минская обл.	
579	Соколовская (Жукова) Ада Федоровна	1932	1941–1942 Урюпинск, Сталинг. обл. 1942–1943 д/д под Астраханью 1943–1944 г. Гурьев, форт Шевченко	
580	Соколовский Владимир Эдуардович	1930	1941–1942 Дрозды 1942–1943 Острош. Городок 1943–1944 вывезен в Германию	узник
581	Соколовский Климентий Эдуардович	1931	1941–1942 Дрозды 1942–1943 Острош. Городок 1943–1944 вывезен в Германию	узник
582	Соколовский Лев Макарович	1936	1947–1953 Минский д/д № 8	
583	Сокольчук Валентина Яковлевна	1932	1943 Семковский д/д	узник
584	Соловей Петр Михайлович	1938	1941–1943 Семков Городок 1943–1950 Минский д/д № 12	
585	Соловьева (Юзефович) Алла Григорьевна	1938	1944–1954 Минский д/д № 7	
586	Солодкина (Вейцкина) Белла Ефимовна	1930	1941–1944 Шей-Майдан, Мордовия, Казахстан	
587	Сороко (Болтач) Галина Ивановна	1938	1947–1950 Семков Городок, Червенский д/д № 2	
588	Сороко Александра Александровна	1930	1942–1943 Семково	
589	Спиридович Петр Иванович	1928	1941–1944 Куйбышевская обл., ст. Неприк, д/д № 15	
590	Спиридонов Михаил Федорович	1937	1947–1955 Адампольск. д/д, Новогрудск. р-н, Гродненск. обл.	нет руки
591	Станилевич (Роковская) Валентина Алексеевна	1939	1946–1953 Минские д/д № 7, 4, 8	
592	Стасева (Хромова, Громова) Нелли Иосифовна	1938	1941–1949 Минский д/д № 3, 1949–1953 Минский д/д № 12	
593	Сташков Геннадий Федорович	1939	1944–1954 Минский д/д № 8	

594	Сташкова (Козлинская) Галина Игнатьевна	1939	1944–1954 Минский д/д № 8	
595	Сташкова (Попова) Таисия Федоровна	1941	1946–1960 Минский д/д № 8	
596	Столовицкий Александр Михайлович	1938	1944–1955 Клецкий д/д, Студенец 1	
597	Столпер Исаак Ефимович	1928	1941–1944 д/д трудов. режима, Сталинградская обл., Вязовск. з/с-з «Белые Пруды»	
598	Столпер Мария Ефимовна	1930	1941–1944 д/д трудов. режима Сталинград., Вязовский р-н, с-з «Белые Пруды»	
599	Суворова (Романова) Клавдия Григорьевна	1937	1945–1952 Минский д/д № 8	
600	Судейная (Зятькова) Мария Семеновна	1928	1942–1944 Семково	
601	Судько (Шишкор) Лариса Никифоровна	1935	1944–1950 Крупский р-н, Бобр	
602	Суржинская (Федорова) Любовь Матвеевна	1944	1946–1956 Брестский д/д 1956–1963 Минский д/д № 8	
603	Суходольская Зинаида Николаевна	1935	1944–1945 Оршанск. спец. д/д № 12 1945–1954 Островной Витебск. обл.	
604	Сыман Нила Захаровна	1931	1937–1943 Макранск. д/д 1943–1946 Красн. Слобода	
605	Табалевич Валентина Андреевна	1937	1948–1952 Минский д/д № 8	
606	Тараканов Григорий Сергеевич	1933	1942–1944 эваку. Татария, Бутульма, д/д	
607	Татур Нелли Францевна	1940	1953–1956 Минский д/д № 8	
608	Титовец Андрей Андреевич	1930	1942–1943 парт. отряд 30 команда Мошицкого, комбриг Жунин 1943 – д/д Замостье, Могилев. обл., Круглян. р-н, Шепелев. с/с	
609	Тиханович Зоя Петровна	1932	1941–1944 д/д № 5 Острош., Семково 1944 – Минский д/д № 4	
610	Тихий Борис Александрович	1940	1945–1948 Тростенецкий д/д 1948–1956 Новоселк. д/д 1956–1958 Семков. Гор. д/д	
611	Тихомирова (Довнерович) Евгения Владимировна	1930	1941–1944 эваку. в Башкирию, Уфа, д/д № 5	
612	Тишкевич Нина Трофимовна	1932	До 1948 Могилевская обл., Климов. р-н, Лазовск. д/д	
613	Тищенко (Фаринко) Галина Петровна	1933	1942–1945 Витебская обл., Полоцкий д/д	
614	Толстик (Щербич) Галина Самуиловна	1934	1941–1945 эваку. в Пензен. обл., пос. Мокшаны, д/д	
615	Томашевич Тамара Георгиевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
616	Тризно Лев Семенович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
617	Трус (Силич) Ядвига Викторовна	1939	1941–1944 в нем. лагерь, Смоленевичск. р-н 1944–1946 Тадулинский д/д	узник
618	Трухан (Кирильчик) Мария Николаевна	1936	1942–1948 Минский д/д № 4 на Торговой. ул. 1948–1952 Минский д/д № 8	

619	Трухановский Григорий Степанович	1944	1952–1962 Минские д/д № 3, 7	
620	Тукач (Куприянец) Алла Владимировна	1936	1949–1951 Минский д/д № 7	
621	Тумашик Алла Викторовна	1950	1950–1957 Смолевичи 1957–1960 Семков Городок 1960 – Несвиж	
622	Турецкий Михаил Михайлович	1935	1941–1944 Куйбышевская обл., Борское, д/д № 15	
623	Улащик Леонид Васильевич	1939	1944–1958 Минский д/д № 8	
624	Фаринко Владимир Петрович	1939	1942–1945 Витебская обл., Полоцкий д/д	
625	Федоркевич Эльвира Григорьевна	1938	1943–1944 Саратовская обл., пос. Краснояр, д/д	
626	Филиппов Серафим Михайлович	1931	1942–1945 Калининск. обл., Кимри, д/д № 2	
627	Филиппович Ядвига Иосифовна	1939	1949–1955 Семков Гор. д/д	
628	Филонова (Майсюк) Янина Кирилловна	1936	1943–1944 Минская обл., Клецкий д/д	
629	Фишман Ида Рувимовна	1927	11.1941–8.03.1942 Могилевск. д/д	узник Могилевск. гетто
630	Фокеева Раиса Константиновна	1937	1945–1954 Новоселк. д/д Дзержинского р-на	
631	Фрейдлина Мария Наумовна	1935	1942–1945 Казахстан, Чимкент, Ленгерский р-н, с. Первомайск, д/д, 1945–1949 Львов. обл., с. Садовая вишня, д/д	
632	Фрид Мария Мееровна	1933	1943–1944 Узбек. ССР, Наманск. обл., р-н Уйчи, д/д 1944–1946 Могилевск. обл., Бобринск. д/д № 3	
633	Фролова (Черник) Таисия Иосифовна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
634	Фурмановский Леонид Иванович	1935	1941–1944 Куйбышевская обл., Борское, д/д № 15	
635	Фурсова Полина Ивановна	1929	1942–1946 д/д Семково	
636	Харитонович Светлана Николаевна	1941	1941–1945 во время войны Минск. д/д № 3	
637	Химинец Елизавета Дмитриевна	1939	1941–1946 Минский д/д № 3 1946–1954 Минский д/д № 8	
638	Химинец Леонид Борисович	1936	1941–1946 Минский д/д № 3 1946–1952 Минский д/д № 10	
639	Хмызова (Пилимон) Венгелина Францевна	1936	1945–1954 д/д Подсвирье, Глубокое, Дриск	
640	Холодок Иван Федорович	1941	1945–1947 Подсвирье 1947–1948 Глубокое 1948–1950 Дриск 1950–1952 Диска Миорского р-на	
641	Хомищенко (Хмыль) Таисия Ивановна	1935	1941–1944 эваку. в Куйбышев. обл., Борское, д/д № 15	
642	Хомченко (Лемеш) Екатерина Николаевна	1934	1946–1958 Тальков. д/д	

643	Хорьков Георгий Кондратьевич	1932	1941–1943 Борисов. д/д, ул. Урицкого 1943–1944 Германия	узник
644	Хромченко Александр Сергеевич	1937	1941–1946 д/д № 3 г. Минск	
645	Цабончик (Шалькевич) Римма Казимировна	1934	1941–1944 эваку. в Тамбовскую обл., Шпикул. д/д	
646	Цветкова Валентина Петровна	1931	1944–1948 г.п. Жиличи, Могилевская обл.	узник
647	Цимончик (Герасимович) Алла Владимировна	1938	1942–1952 Адампольск. д/д, Гродненск. обл.	узник
648	Чайка Алла Гавриловна (Шитникова Алла Александровна)	1940	1944–1954 Минский д/д № 8	узник
649	Чарковская Мария Ивановна	1937	1943–1951 Слуцкий д/д, Минская обл. 1951–1954 Копыльский д/д	
650	Чевжик Людмила Степановна	1939	1944–1953 д/д № 3, № 12, Копыльский д/д	
651	Черенцова Любовь Александровна	1936	1945–1951 Островно	
652	Черепко (Синаева) Мария Ивановна	1938	1943–1945 Минский д/д № 4 1945–1952 Минский д/д № 8	
653	Череповицкий Георгий Эдуардович		1941–1944 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
654	Черкас Гарий Владимирович	1938	1947–1954 Минский д/д № 12,	
655	Черкасов Михаил Иванович		1941–1944 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
656	Черноглазов Владимир Николаевич	1940	1941–1948 Минский д/д № 3 1948–1952 Минский д/д № 7	узник гетто
657	Черноокова Нина Васильевна	1944	1947–1960 Минские д/д № 3, № 7, № 8	
658	Чернянская (Реут) Ванда Брониславовна	1931	1941–1944 эваку. в Мордовию, Шей-Майдан	
659	Черткова (Мельцер) Лилия Ефимовна	1941	1942–1944 Минский д/д № 3	узник гетто
660	Чиж (Наумчик) Евгения Ульяновна	1933	1944–1950 Брестская обл., Малоритск. д/д	
661	Чикун Владимир Павлович	1941	1947–1954 Минские д/д № 3, 8, 12	
662	Чирко Лариса Станиславовна	1938	1945–1952 Минский д/д № 7	
663	Чичина Любовь Федоровна	1928	1941–1945 Червенский д/д	
664	Чуевская Галина Николаевна	1937	1943–1952 Минские д/д № 11 и № 8	
665	Чупырко Анна Ивановна	1928	1941–1945 Зарубецк. д/д № 2 (была 7 дней) Могилев. обл., вывезена в Саратов. обл., Красноармейск, М. Анга, Заруб. д/д	
666	Чучко Валерий Александрович		1941–1944 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
667	Шавандов Александр Иванович	1939	1945–1954 Минский д/д № 8	
668	Шалафан Николай Александрович	1935	1944–1950 Краснолуцкий д/д	

669	Шантыр Михаил Петрович	1934	1941–1943 Минск, детприемник по ул. Широкой 1943 Минский д/д № 6	
670	Шапиро (Хормац) Майя Григорьевна		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
671	Шарейко Геннадий Николаевич		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
672	Шевцов Василий Васильевич	1940	1947–1957 Минский д/д № 7	
673	Шевченко Станислав Романович		1941–1945 эваку. в Хвалынский р-н Саратовской обл.	
674	Шевчик Валентин Иванович	1934	1944–1949 Витебская обл., Круглянский д/д	
675	Шейко Иосиф Владимирович	1937	1941–1944 Тамбовск. обл., Шпикулевск. д/д	
676	Шейко Климентий Владимирович	1937	1941–1944 Тамбовск. обл., Шпикулевск. д/д	
677	Шелухо Софья Григорьевна	1928	1930–1944 Могилевск. обл., п. Горки	
678	Шеметовец Ирина Алексеевна	1931	1941–1944 Куйбышевская обл., ст. Неприк. д/д № 15	
679	Шендик (Ермолаева) Нина Григорьевна	1928	1934–1944 Червен. д/д 1941–1945 Германия	узник
680	Шидловская (Фатова) Елена (Леля) Дмитриевна	1938	1946–1947 Минский д/д № 7 1947–1948 Минский д/д 4 1948–1953 Минский д/д № 8	
681	Шилкович (Беленкова) Зинаида Георгиевна	1934	1944–1945 Поставский д/д 1945–1948 Бусловский д/д 1948–1951 Гольшанский д/д	
682	Широкая (Молочко) Мария Тимофеевна	1935	1944–1951 Червенский д/д № 1	
683	Шицко (Дуровец) Майя Андреевна	1937	1945–1946 Минский д/д № 11, 1947 – Свислочский д/д, 1948–1952 Поречье	
684	Шишко Петр Гаврилович	1939	1944–1954 Червенский д/д № 1	
685	Школьниковна (Горохова) Валентина Парфеновна	1937	1943–1944 Ильянский д/д, Вязьинск., Молодечнская обл., Гольшанск. д/д, Гродненская обл.	узник
686	Шпаковская Лидия Дмитриевна	1939	1944–1954 Витебский детприемник, Ворнянский д/д	
687	Шпаковский Иван Дмитриевич	1935	1944–1954 Витебский детприемник, Ворнянский д/д	
688	Шпаковский Владимир Васильевич	1944	1959–1961 Брестская обл., г.п. Миклашевичи, д/д	
689	Шпет Степан Николаевич	1936	1948–1950 Минская обл., Бабцевск. д/д 1950–1951 Староборисовский д/д	
690	Шрендер Алла Жановна (Клименко Алла Ивановна)	1934	1942–1951 Минские детприемник по ул. Широкой, Козыр. д/д, д/д № 4 по Коллекторн. ул., д/д № 7 по Осовахиим. ул.	узник
691	Шуб Елена Самойловна	1931	1941–1946 Башкирия, дет. Интернат им. Чекалина, г. Черниковск	
692	Шуляк (Кабушенко) Мария Лазаревна	1938	1946–1953 Брестский спец. д/д № 1	

693	Шуляк (Якимович) Евгения Ивановна	1945	1949–1950 Минский д/д № 3 1950 Минский д/д № 7,	
694	Шумская Юлия Казимировна	1943	1946–1960 Минский д/д № 7	
695	Шупеня Зинаида Илларионовна	1932	1945–1949 Березинский д/д 1949–1955 Минский д/д № 8	
696	Шурмелев Виктор Иванович	1940	1946–1956 Витебская обл., Городокский д/д № 4	
697	Шут Валентина Петровна	1935	1945–1952 Червенский д/д № 1	
698	Щука Александр Иванович	1937	1948–1952 Адампольский д/д, Новогруд. р-н, Гродненская обл.	
699	Эфрос Михаил Давидович	1928	1941–1944 Мордовия, Шей-Майдан	
700	Юшкевич (Цирульник Хана) Анна Ивановна	1929	1942 Минский д/д № 3, из д/д № 3 угнана в Германию	узник гетто и концагеря
701	Юшкевич Чеслав Иосифович	1942	1947–1955 Минский д/д № 8	
702	Юшпе Анна Давыдовна	1941	1945–1948 Дятловский д/д 1948–1958 Минский д/д № 7 1945–1947 Минский д/д № 7	
703	Юшпе Рая Давыдовна	1935	1947–1948 Альбертин 1948–1957 Минский д/д № 7	
704	Ядченко (Трус) Ольга Владимировна	1930	1942 Минский д/д № 7	
705	Яковлева Екатерина Киреевна	1933	1941–1944 Смоленщина, д. Вязенка	
706	Якубенко Людмила Тихоновна	1935	1946–1954 Адампольск. д/д, Новогруд. р-н, Гродненская обл.	
707	Якубова Галина Петровна	1935	1944–1954 Витебская обл., Бешенков. р-н, Бочейков. д/д	
708	Якубова Мария Петровна	1933	1944–1954 Витебская обл., Бешенков. р-н, Бочейков. д/д	
709	Яри (Клеповская) Тамара Александровна	1935	1946–1953 Дятловский спец. детдом	
710	Ярошевич (Смирнова) Эмма Петровна		1941–1945 эваку. в Хвальинский р-н Саратовской обл.	
711	Яшин Александр Иванович	1935	1941–1946 Новогрудск. д/д 1946–1949 Адампольск. д/д, Новогрудск. р-н, Гродненская обл.	

Машинопись, оригинал.

г. Минск, 1992–2009 гг.

* Список составлен на основании отдельных списков и записей Марии Жуковой. Является неполным и требует уточнений и дополнений (ред. – КК).

Список публикаций о Марии Жуковой и бывших малолетних узниках гетто, воспитанниках детских домов

1. Аляксандрава, Т. «...У мяне няма дня нараджэння...» Дзетдомаўцы пішуць пра сябе... // Звезда. – 29 сакавіка 1995. – С. 2.
2. Анцелевич, А. Одна на всех война, одна на всех Победа // Народная газета. – 23 красавіка 2005. – С. 2.
3. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З.А. Никодимова; под ред. К.И. Козака. – Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 134 с.
4. Басін, Я. Маленькія заложнікі вялікай вайны // Звезда. – 1 лютага 1995. – С. 2; Расстралянае дзяцінства // Звезда. – 2 лютага 1995. – С. 2; Сіротства пад абцасам свастыкі // Звезда. – 3 лютага 1995. – С. 2; Пакрыўджаныя вайной і грамадствам // Звезда. – 4 лютага 1995. – С. 2.
5. Басін, Я. Юнацтва ў павуцінні свастыкі: [3 успамінаў выхаванцаў Козыраўскага дзіцячага дома-ясляў № 1 (цяпер Мінскі дзіцячы дом № 3) аб Вялікай Айчын. вайне] // Добры вечар. – 19 мая 1994. – С. 2.
6. Благодаря «Вечерке» REN-TV снимает невероятную историю // Вечерний Минск. – 19 июня 2006. – С. 1-2.
7. Босюк, Н. Детям, раненым на войне // Народная газета. – 2000. – С. 4.
8. Бурштейн, М. Святая деревня Поречье: [Жители деревни в годы Великой Отеч. войны спасли 40 детей, бежавших из Мин. гетто] // Авив. – 2000. – № 10 (окт.). – С. 1.
9. Бут-Гусаим, И. «Верните мне национальность», – просит пожилая женщина, потому что национальность – единственное, что она сумела узнать о себе // Белорусская деловая газета. – 18 февраля 2000. – С. 10.
10. Васюкевич, И.И. Трагедия белорусского «Артека»: [Док. повесть о детях в годы Великой Отечеств. войны] / Послесл. В. Шимука. – Минск: ПК ООО «Полибиг», 1998. – 233 с., [32] с. ил.
11. Ветров, В. Детский дом за колочей проволокой // 7 дней. – 30 июня 2001. – С. 2.
12. Вячас, Л. Свята [аб 50-годдзі дзіцячага дома № 3] // Дзеці і мы. – Кастрычнік 1993.
13. Гуревич, А. Судьбы еврейских детей в годы оккупации // Евреи Беларуси. – Минск, 1998. – Вып. 2. – С. 119–125. – Библиогр. в примеч.
14. Давыдова, Г. Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Док. повесть. – Минск: Четыре четверти, 2000. – 232 с.: ил.
15. Давыдова, Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Док. повесть. 2-е изд. – Минск, 2001. – 232 с.
16. Дети войны: материалы круглого стола, «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.», 2005 г. / [составитель Д. В. Яковлев]. – Витебск: Витебская областная типография, 2007. – 141, [1] с., [4] л. ил.

17. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док./сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. – Минск : Историческая мастерская, 2005. –258 с. + 26 с. ил.
18. Жукова, М. Война причиняет мне боль / М.И. Жукова; под ред. К.И. Козака. Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 212 с.
19. Жукова, М. «Арийцы» брали у нас кровь... // Мы родом из военного детства. Книга воспоминаний. – Минск, 1998. – С. 37–40.
20. Жукова, М. Живу надеждой // Знамя юности. – 12 июня 1990. – С. 3.
21. Жукава, М. «...У мяне няма дня нараджэння...»// Звезда. – 29 сакавіка 1995. – С. 2.
22. Завольнер, Г., Гальперина, Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Выпуск первый. – Минск: Историческая мастерская, 2004. – 136 с.
23. Завольнер, Г., Каплинский, С. Судьбой написанные строки. – Минск: Энциклопедикс, 2007. – 152 с.
24. Заглянувшие в смерть (дети – узники гетто) // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). – Балтимор, 1996. – С. 343–414. В содерж. авт.: Басин Я., Резник И., Ямин Ю., Левин (Новиков) И., Налибоцкий Д., Налибоцкий С., Ставицкая С., Давыдова Г., Липский Ф., Эпштейн Х., Крапина (Левина) М., Општейн Д.
25. Івашын, Я. Пакінутыя сіроты: [Пра лес сірот з Чэрв. дзіцячага дома ў гады Вялікай Айчын. вайны] // Маладосць. – 1997. – № 12. – С. 213–223.
26. Кроз, В. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... / В. Кроз, З. Чаусская-Ильяшова. – Минск: Историческая мастерская, 2007. Вып. шестой. – 70 с.
27. Казунина, А. [Воспоминания девочки, спасенной во время Великой Отечественной войны] // Книга спасения /Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. – С. 333–334.
28. Карамзин, В. Это было в Домачеве // Неман. – 1989. – № 6. – С. 120–128.
29. Левина-Крапина, М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. – Минск: Змицер Колас, 2008. – 148 с.
30. Левкова, Е. Девять месяцев под землей / Е. Левкова // Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць: матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск, 24 кастр. 2003 г. – Мінск: Гістарычная майстэрня, 2004. – С. 189.
31. Лапато, І. Марыя Жукава: «Мяне абзывалі «жыдоўкай», а ўсе жыцце я даказвала, што я – беларуска...» / І. Лапато // Звезда. 27 студзеня 2011.
32. Малаховская, Г. Они и сегодня отказывают себе в куске белого хлеба // 7 дней. – 30 октября 1993.
33. Марадудина Н. И вновь собрал всех детский дом // Вечерний Минск. – 23 сентября 1992. – С. 3.
34. Марадудина, Н. Чего больше – горечи или радости – было на встрече, которая состоялась в детдоме № 3 // Вечерний Минск. – 17 сентября 1992. – С. 5.
35. Марголина, С. М. Остаться жить. – Минск: Натако, 1997. – 67 с.
36. Марголина, С. М. Остаться жить. – Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 122 с.

37. Мікалайчанка, А. Учора іх знішчала гітлераўская Германія. Сення не разумее родная дзяржава // Реклама. – 11 августа 1995. – С. 3; 18 августа 1995. – С. 4–5; 25 августа 1995. – С. 6.
38. Мікалайчанка, А. Хто і калі аплаціць рахунак маленькіх штаткамісарыятаў? // Добры вечар. – 19 мая 1994. – С. 2.
39. Нордштейн, М. Девочка из бездны: [По материалам воспоминаний бывшей узницы Мин. гетто Г. Р. Давыдовой] // Авив. – 1999. – № 5. – С. 15.
40. Паўлаў, У. П. Дзеці ліхалецця : дакументальныя нарысы: [аўтар прадмовы У. Ліпскі]. – Мінск : Паліграфкамбінат, 2005. – 412 с.
41. Паўлаў, У. Трагедыя беларускага «Артэка» // Маладосць. – 2001. – № 6. – С. 213–223 ; № 7. – С. 208–219.
42. Перад вачыма ажывае вайна: Козыраўскі дзіцячы прытулак г. Мінска [Жукова М. и др.] // Реклама. – 18 августа – С. 4, 5; 25 августа 1995. – С. 6.
43. Родзинский, Г. Дети гетто. – Тель-Авив, 2004.
44. Романовская, Н. Парень с нашего двора // Вечерний Минск. – 28 апреля 2006. – С. 1–2.
45. Спасенная жизнь: Жизнь и выживание в Минском гетто / сост.: В.Ф. Балакирев [и др.]. – Минск: И.П. Логвинов, 2010. – 102 с.
46. Трейстер, М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen / М. Трейстер. – Минск: Историческая мастерская, 2007. Вып. четвертый. – 242 с.
47. Улитенок, Г. Книги, совесть наша / Г. Улитенок // Советская Белоруссия. 9 апреля 2011. – С. 5.
48. Чего больше – горечи или радости было на встрече, которая состоялась в детдоме № 3 // Вечерний Минск. – 17 сентября 1992. – С. 5.
49. Філонава, Я. Жахі вайны вачыма шасцігадовай дзяўчынкі // Звязда. – 21 чэрвеня 1995. – С. 4.
50. Чернушевич, А. Ее назвали Диной / А. Чернушевич // Вечерний Минск. 19 апреля 2011. С. 10.
51. Шибалис, М. Деревня-праведник – Поречье // Рэспубліка. – 27 верасня 2000. – С. 4.
52. «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 2003.